
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 42 ОКТЯБРЬ 1980

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 42 (2779)

18 ОКТЯБРЯ 1980

Спускаемый аппарат космического корабля «Союз-37».

ДОРОГА ДЛИНОЮ

Космонавты В. В. Рюмин (слева) и Л. И. Попов после приземления. Телефото В. Кузьмина и В. Зыбина (ТАСС)

В ПОЛГОДА

Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ

Завершился космический полет Леонида Попова и Валерия Рюмина. Спускаемый аппарат круто пошел на снижение. Кончалась невесомость, в теле обоих космонавтов появилось ощущение, казалось, давно забытое...

См. стр. 4.

Во время переговоров.

СОВЕТСКО-СИРИЙС

Подписание советско-сирийского Договора о дружбе и сотрудничестве.

Проводы на аэродроме.

КОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

По приглашению Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР с 8 по 10 октября 1980 года в Советском Союзе с официальным дружественным визитом находился Генеральный секретарь Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ), Президент Сирийской Арабской Республики Хафез Асад во главе партийно-правительственной делегации.

Во время визита состоялись переговоры между Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневым, членом Политбюро ЦК КПСС, первым заместителем Председателя Совета Министров СССР Н. А. Тихоновым, членом Политбюро ЦК КПСС, министром иностранных дел СССР А. А. Громыко, кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС Б. Н. Пономаревым, заместителем Председателя Совета Министров СССР И. В. Архиповым, начальником Генерального штаба Вооруженных Сил — первым заместителем министра обороны СССР Маршалом Советского Союза Н. В. Огарковым и Генеральным секретарем ПАСВ, Президентом САР Х. Асадом, членом Руководства ПАСВ, Председателем Совета Министров САР А.-Р. Касмом, заместителем Генерального секретаря ПАСВ З. Машарика, членом Руководства ПАСВ, заместителем Председателя Совета Министров, министром иностранных дел САР А. Х. Хаддамом, членом Руководства ПАСВ, заместителем Председателя Совета Министров САР по экономическим вопросам А. К. Каддура, членом Руководства ПАСВ, министром обороны М. Тласом, членом Центрального руководства Прогрессивного национального фронта Д. Нааме, членом Центрального руководства Прогрессивного национального фронта А. Османом, министром труда и социальных дел САР Ю. Джуэйдани.

В ходе переговоров, проходивших в духе дружбы и взаимопонимания, был проведен обстоятельный и плодотворный обмен мнениями по вопросам дальнейшего развития советско-сирийских отношений, положения на Ближнем Востоке и по другим международным проблемам, представляющим взаимный интерес.

Учитывая достигнутый уровень советско-сирийских отношений и желая поднять их на новую, еще более высокую ступень, стороны решили заключить Договор о дружбе и сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Сирийской Арабской Республикой. Договор подписали Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев и Генеральный секретарь ПАСВ, Президент САР Х. Асад. Ими было подчеркнуто важное политическое значение этого документа в плане дальнейшего укрепления и углубления советско-сирийского сотрудничества.

Фото А. Гостева

Во время вручения премии.

Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС)

ВРУЧЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРЕМИИ «ЗОЛОТОЙ МЕРКУРИЙ» Л. И. БРЕЖНЕВУ

За выдающийся вклад в укрепление мира и развитие международного сотрудничества Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневу присуждена международная премия «Золотой Меркурий» за мир и сотрудничество. 13 октября в Кремле состоялось торжественное вручение премии.

Обращаясь к Леониду Ильичу Брежневу, президент почетного Международного комитета премии «Золотой Меркурий», заместитель министра внешней торговли СССР Н. Д. Комаров сказал:

Ассоциация международной премии «Золотой Меркурий» приняла решение наградить Вас за выдающийся вклад в укрепление мира и развитие международного сотрудничества почетной премией «Золотой Меркурий».

Известие о Вашем награждении несомненно вызовет одобрение всех людей доброй воли.

В своем выступлении генеральный секретарь исполнительного комитета премии «Золотой Меркурий» Л. Галло сказал:

Уважаемый господин Президент!

Мне предоставлена высокая честь от имени исполнительного комитета международной премии за мир и сотрудничество «Золотой Меркурий» вручить Вам эмблему «Золотой Меркурий».

Для нас это знаменательное событие представляет и честь и глубокое удовлетворение, поскольку это признание распространяется на Вас и весь народ великой страны Союза Советских Социалистических Республик — народ, который всегда находится в авангарде борьбы за свободу, братство, сотрудничество трудящихся всего мира.

Разрешите пожелать Вам, чтобы Ваш труд в пользу разрядки был завершен успехом, к которому Вы, господин Президент, и весь советский народ так стремитесь.

Под продолжительные аплодисменты присутствующих генеральный секретарь исполнительного комитета международной премии вручил Леониду Ильичу Брежневу эмблему «Золотой Меркурий» и диплом.

Затем выступил Л. И. Брежнев.

Мы, в Советском Союзе, подчеркнул он, всегда видели в равноправной и свободной международной торговле не только хорошее средство удовлетворения материальных интересов участвующих сторон, но и прежде всего — могучий фактор укрепления мира и добрых отношений между народами.

В наше неспокойное время, когда в руках нескольких государств сосредоточены средства массового уничтожения, способные лишить жизни сотни миллионов людей и поставить цивилизацию современного человечества на край гибели, эта миротворческая роль международной торговли особенно велика.

И чрезвычайно ценен вклад тех, кто, противостоя попыткам использовать торговлю как орудие политического нажима и шантажа, последовательно содействует развитию этой важнейшей формы мирного общения народов.

Поэтому я весьма высоко ценю деятельность ассоциации международной премии «Золотой Меркурий», присуждающей премии за вклад в развитие национальной экономики и международных экономических отношений.

См. 2-ю стр. обложки.

ДОРОГА ДЛИНОЮ В ПОЛГОДА

Пройдут недели, месяцы. Отдохнет экипаж, вернется к своим повседневным делам и заботам. Будут написаны отчеты, обработаны пленки. Обсчитаны и осмыслены результаты этого долгого полета. Но, наверное, как раз тогда люди еще глубже постигнут суть и высоту совершенного подвига...

В начале марта, недели за четыре до расчетной даты старта новой длительной экспедиции на станцию «Салют-6», серьезно повредил ногу космонавт Лебедев — партнер Попова. Еще более неожиданным явилось предложение направить в полет снова Рюмина — если, конечно, согласится,— ведь минуло только семь с половиной месяцев, как завершился его предыдущий, шестимесячный полет.

Он дал согласие. Понимал: снова надолго вдали от родных. Снова замкнутое пространство станции, где пол и потолок — лишь условные понятия, просто придуманные для сохранения твоих земных ощущений и привычек, а так — плоскости, сплошь пестрящие пультами и приборами, ручками, кнопками, лампочками, тумблерами, экранами. Снова невесомость, борьба с которой только в ежедневной тяжелой физической тренировке. Снова — только вдвоем. Но он дал согласие.

Однажды я прочитал о группе ленинградских селекционеров, которые в блокаду, умирая с голода, берегли для будущих поколений запасы отборных сортов зерна. Это был подвиг, да позволят мне так сказать, протяженный, растянутый на девятисотдневной шкале времени. Сейчас, глядя на улыбающиеся лица только что вернувшихся из полета Леонида Попова и Валерия Рюмина, я неожиданно вспомнил про тех ленинградцев. Впрочем, неожиданно ли?

Этот полет протекал внешне с той степенной размеренностью, с какой идет работа, ну, скажем, экипажа трансатлантического авиалайнера. Эксперименты, наблюдения, съемки, настройка приборов, занятия физкультурой, ведение документации, радиопереговоры, телерепортажи, встреча экспедиций, посещения грузовых кораблей, прием и размещение грузов. Все шло по программе. Конечно, отклонения от нее случались, ну, да программа не догма, не свод законов. В нынешние времена она составляется в расчете не столько на безукоризненную исполнительность человека на борту, сколько на его знания, интеллект, инициативу.

Не было на этот раз столь острых ситуаций, как та, что сложилась перед самым завершением предыдущей полугодовой экспедиции. Вспомним, как буквально за день до расчетной даты посадки от станции не отстрелилась антенна космического радиотелескопа, что поставило под угрозу возможность работы на борту орбитальной дальнейших экспеди-

ций. Выяснилось, что есть единственный выход — выход экипажа в открытый космос. И все было сделано Рюминым мастерски. Событие это, несомненно, войдет в историю космических полетов отдельной главой.

С тех пор прошло более года. Орбитальная станция «Салют-6» уже ветеран, переживший все предписанные ему сроки. Но, если можно так сказать, второе дыхание у станции открылось не по незнанию создателей. Удивительная ее жизнеспособность была заложена изначально. Как принцип, как техническая идеология.

Мы беседуем с руководителем полета Алексеем Станиславовичем Елисеевым.

— В наших документах,— говорит он,— было первоначально записано, что станция должна активно функционировать полтора года. Причем это заключение сделали на основании наземных экспериментов и испытаний, которые демонстрировали в основном ресурс непрерывно работающих систем. Таких, как, например, система управления бортовым комплексом, система терморегулирования, система ориентации солнечных батарей.

Перед тем, как покинуть станцию, экипаж выполнял ремонтно-восстановительные работы. Снималась и заменялась выработавшая свой ресурс аппаратура, проводились ее проверки. Заменялись источники питания, вентиляторы, элементы системы ориентации, связи, фильтры вредных примесей, регенераторы, поглотители углекислоты, газоанализаторы. И это все только перед завершением полета. А сколько подобных операций выполнили космонавты за свои полгода! Вы знаете, например, что еще давно — во время второй длительной экспедиции — на борту этой станции был впервые установлен телевизионный приемник. Все им были довольны. Но сколько времени прошло с той поры... И вот теперь Попов и Рюмин провели серьезную работу по настройке приемника и получению качественного цветного изображения. Откровенно скажу: такие операции не входили в программу наземной подготовки. Но на борту были два инженера с превосходной общетехнической подготовкой, эрудицией и золотыми руками.

Бортинженер первой долговременной экспедиции на «Салюте-6» Георгий Гречко, вернувшись из полета, посетовал, что на борту нет паяльника. Паяльник взяли. Теперь же Рюмин сказал: «Вот был бы у нас токарный станок...»

В общем, экипаж сдал станцию в полностью исправном состоянии, пригодной для последующей эксплуатации.

— Можно ли говорить о том, что эта длительная экспедиция по эффективности работы отличается от предыдущей?

— Направления исследований остались в целом теми же. Возросли не только эффективность, но и объем работ, что, естественно, взаимосвязано. Причиной тому было накопление опыта всех предыдущих экспедиций.

Важную роль сыграл и личный опыт бортинженера Валерия Рюмина. Он прекрасно изучил станцию, многому научился, а опыт передавал своему коллеге.

Во время полета неизбежно рождались новые идеи. На Земле и в космосе. Можно даже сказать, что на этой станции проводились летные испытания отдельных систем уже будущих орбитальных станций. Это принципиальный момент, качественное достижение масштабного и, кстати, пока не завершенного эксперимента в космосе.

Приведу еще несколько данных, говорящих об объеме выполненных экипажем работ. С помощью многозональной фотонамеры МКФ-6 было сделано около трех с половиной тысяч снимков земной поверхности, причем каждый снимок — это шесть изображений. Благодаря наблюдениям и съемкам с борта геологам удалось обнаружить места, перспективные на добычу полезных ископаемых. Спектрометрической аппаратурой зарегистрировано около сорока тысяч спектров атмосферы и земной поверхности. Сто пятьдесят часов было отведено на визуальные наблюдения. Важно при этом, что отдельные сеансы бортовых съемок сопровождались наземными съемками с самолетов или океанских судов. Я коснулся только геофизических исследований. Проводились же и астрофизические, и биологические, и медицинские, и технологические, все — в большом объеме.

— Алексей Станиславович, как вы думаете, Валерий устал на этот раз больше, чем во время предыдущего полета?

— Я задавал ему этот вопрос. Он сказал, что устал примерно одинаково. Состояние у обоих космонавтов хорошее, более подробно вам об этом могут рассказать врачи. Я лишь добавлю, что за два дня до посадки экипаж уже в ходе подготовки к эвакуации попросил разрешение на проведение дополнительного эксперимента по исследованию земной атмосферы. Мы согласились: верили — резерв у экипажа есть.

А вот что рассказывает доктор медицинских наук Иван Иванович Касьян, который на протяжении всего полета контролировал состояние здоровья космонавтов:

— На сто восемьдесят первые сутки полета, когда мы измерили массу тела у обоих космонавтов, обнаружили, что за полгода командир поправился на 3 килограмма 200 граммов, бортинженер — на 4 килограмма 700 граммов — факт, прямо скажу, примечательный, обычно космонавты в длительных полетах худеют.

В полетах также наблюдается уменьшение объема голени. Объяснение тому простое: ноги в невесомости работают мало, к тому же кровь распределяется равномерно по всему телу, а не в нижних частях его, как это происходит на Земле. Итак, уменьшение объема голени у Попова составило 5,7 процента, у Рюмина — 13 процентов. Это норма. Но увеличилась мышечная сила кистей рук, у командира — на пять килограммов, у бортинженера — на восемнадцать. Причина здесь также ясна: систематические занятия физическими упражнениями и большой объем работ, требовавший значительных физических усилий. Такими работами были прежде всего ремонтно-профилактические.

В целом же никаких отклонений состояния здоровья от прогнозируемого мы практически не наблюдали. И Рюмин и Попов хорошо спали, хорошо ели. Грузовые транспортные корабли периодически доставляли на борт натуральные продукты, неизменно учитывались при этом и пожелания самих космонавтов. Особенно они хвалили эстонские молочные продукты: сыры, молоко. С удовольствием ели астраханские рыбные консервы, мед, курагу, лимоны. Но кое по каким продуктам соскучились. Просили, например, привезти им к месту посадки буханку черного хлеба и малосольных огурцов. Конечно, мы эту просьбу уважили...

29 сентября исполнилось три года со дня вывода на орбиту станции «Салют-6». Если попросить любого из сотрудников Центра управления последовательно перечислить по памяти все экспедиции посещения и грузовые транспортные корабли этой эпопеи,— вряд ли кто сразу, без бумажки и ручки назовет все. Обратимся же к протоколу, поднимем некоторые цифры.

Итак, к станции совершили полеты 13 «обычных» «Союзов» и два усовершенствованных космических корабля «Союз-Т», 11 «грузовиков» «Прогресс», которые доставили на борт около 20 тонн различных грузов. Выполнены 24 стыковки кораблей со станцией, 4 перестыковки с одного узла на другой. В полете участвовало 7 интернациональных экипажей — с представителями Польши, Чехословакии, ГДР, Болгарии, Венгрии, Вьетнама, Кубы.

Совместными усилиями выполнены комплексные, всесторонние, богатейшие по объему полученной информации исследования и наблюдения в интересах геофизики, геологии, природоведения, астрофизики, биологии, медицины, материаловедения. Постановщиками и создателями многих экспериментов, аппаратуры для них были специалисты дружественных стран, чьи космонавты работали на борту.

Так оправдывает и утверждает себя принцип долговременности орбитальных научных станций, их интернациональный характер.

Многое за эти три года было сделано впервые в истории космонавтики, Попов и Рюмин совершили самый длительный полет. Но не будем перечислять рекорды, не в них суть, не было за ними погони. Можно было, например, дать Валерию Рюмину возможность пролетать 193 дня и побить тем самым свой же 175-дневный мировой рекорд. Ведь правила международной астронавтической федерации таковы, что для официального утверждения рекорда необходимо превысить старый минимум на десять процентов. Вышло же 185 дней: столько, сколько требовало дело, эксперименты на станции.

Рекорд не самоцель, а если он состоится,— отлично, но лишь как следствие достижения целей иного содержания — такова концепция нашей программы космических исследований.

То, что сделано за эти три года, еще убедительней подтверждает ее состоятельность; показывает, что космические полеты становятся все более рентабельным делом. Вот выдержка из французского журнала «Пуэн»: «Лишь в космосе можно создать более 400 сплавов, способных революционизировать промышленность... Несмотря на фантастический прогресс последних лет, специалисты недовольно морщатся. Получаемые ими кристаллы далеки от совершенства. А вот в космосе можно достигнуть куда лучших результатов... Советские специалисты, несомненно, обогнали в этой области всех, располагая обитаемыми орбитальными станциями... Нескольких десятков опытов, проведенных американцами на борту лабораторий «Аполлон» и «Скайлэб», совершенно недостаточно...»

В руках у члена-корреспондента Академии наук СССР Леонида Николаевича Курбатова фотоснимки, рисунки, диаграммы, которые позволяют сравнить то, что получено на орбите, с тем, чего удается достичь в земных условиях. Речь у нас идет лишь об одном материале — тройном полупроводнике КРТ — кадмий — ртуть — теллур.

— Сейчас очень активно развивается инфракрасная техника,— говорит Леонид Николаевич.— Человек научился видеть то, что в обычном оптическом диапазоне неразличимо. Любое тело с температурой около комнатной излучает электромагнитные волны в инфракрасном диапазоне. В частности, сам человек — тоже прекрасный излучатель. А контрасты получаемого при этом изображения достигаются за счет даже незначительных контрастов температуры — в одну десятую градуса. Приборы, работающие на таком принципе, называются тепловизорами. Что, скажем, дает такой прибор медицине? Например, он позволяет диагносцировать различные новообразования в организме. Применяются такие приборы не только в медицине: в строительном деле, в изыскательских работах — при картографировании земной поверхности по ее инфракрасному излучению.

Важнейшим элементом тепловизора является приемник излучения. Наиболее же ценным материалом при его изготовлении служит как раз сплав кадмий — ртуть — теллур. Но при его получении в условиях земной гравитации сплав начинает расслаиваться из-за сильного различия плотностей компонентов, и в результате у нас в руках остается лишь маленький участок с нужным для данной задачи соотношением ртути и кадмия — 80 и 20 процентов. Кроме того, есть и другие нежелательные свойства в «земном» сплаве.

Леонид Николаевич показывает мне капсулу, которую сейчас использовали космонавты для получения сплава. Она из нержавеющей стали, очень прочная. Внутри три отсека, в каждом кварцевая ампула с исходным материалом.

— Космонавт вставляет капсулу в печь «Сплав» и включает ее. Кадмий — ртуть — теллур при температуре около тысячи градусов плавится, а после выключения остывает. Постепенно начинается кристаллизация, растет кристалл.

Теперь взгляните на микрофотографию шлифа — участка отполированной поверхности полученного материала. Этот — в условиях Земли. Не правда ли, похож на мозаику? Хорошо видны отдельные блоки, их приходится тщательно выбирать, чтобы найти подходящий, то есть самый крупный. Другой снимок — сплав космического происхождения. Ничего выбирать не надо, все годится.

И вот что поразительно. Первый образец получен на заводе в очень сложных установках. Сам процесс был длительным, результат же, как видите, очень посредственный. А здесь два человека зарядили капсулу в автоматическую и довольно простую печь и через несколько часов получили то, для чего на Земле нужны месяцы, причем образец значительно лучший по качеству.

— Тем не менее,— пытаюсь я возразить Курбатову,— это только эксперимент, который реализуется лишь в будущем. А промышленность ждет космические материалы уже сегодня.

— И сегодня она их уже начинает получать. Длительность существования станции, возможность транспортировки в космос и обратно грузов помогают провести на борту большое количество плавок, а также других работ по космической технологии и получить много высококачественных образцов, которые направляются в промышленность для их дальнейшего применения. Тем самым мы сделали еще шаг на пути создания космических заводов.

Полученные на борту результаты технологических экспериментов позволят нам совершенствовать и земную технологию производства сложных материалов,— заключает Леонид Николаевич.

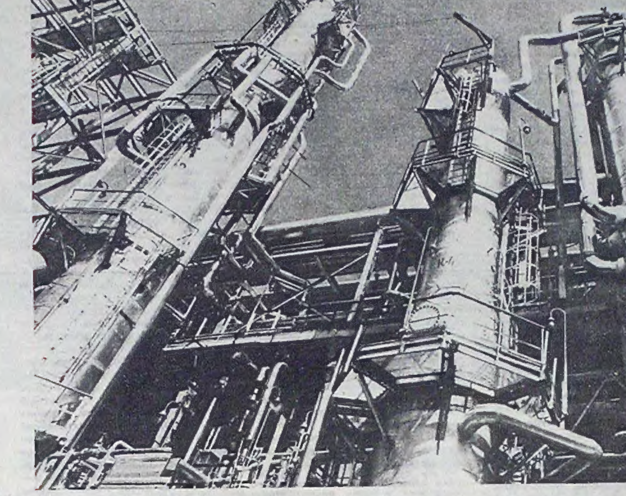
...Первые, нелегкие шаги по Земле. Усталость, которую не скрыть, тяжесть, не отпускающая и ночью. Но самое тяжелое позади. Выстояли, вытерпели, выполнили. Рекордный по длительности полет оказался и наиболее сложным, насыщенным. Это логично, это продиктовано временем, техникой, людьми, которые создают ее. А люди, как всегда, смотрят вперед.

Станция же тем временем продолжает кружить над Землей, находясь под неусыпным к себе вниманием. Да и экипажу пока не до отпуска. Анализ результатов полета, отчеты. Попов и Рюмин работают. Теперь уже на Земле.

Трудящиеся Советского Союза! Активно боритесь за ускорение научно-технического прогресса!

Из Призывов ЦК КПСС к 63-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

НАВСТРЕЧУ XXVI СЪЕЗДУ КПСС

Установка для получения гелия.

ЕСТЬ ПЯТИЛЕТКА!

«огонек» в оренбуржье

Хамид Ясавеев, начальник установки, и Михаил Соковин, старший оператор.

Многотысячный коллектив Всесоюзного промышленного объединения «Оренбурггазпром» добился замечательной победы: выполнил свой государственный пятилетний план по добыче и переработке газа. Уже добыто 188 миллиардов кубометров голубого топлива. Коллектив удостоен международной премии «Золотой Меркурий».

Сегодня мы рассказываем о пуске второй очереди гелиевой установки Оренбургского газоперерабатывающего комплекса.

...Вокруг еще недавно желтели хлебные поля — шла жатва-80. А большой коллектив строителей, монтажников, пусконаладчиков к тому времени уже завершил свою очередную «страду» — сооружение второго гелиевого блока. На высоту семиэтажного дома поднялась верхняя отметка блока конденсации.

Нулевой цикл начали здесь бригады четвертого управления «Оренбургэнергостроя», трудовую эстафету продолжили коллективы трестов «Оренбургсантехмонтаж», «Двигательмонтаж», «Союзкислородмонтаж», «Южуралэлектромонтаж», «Уралмонтажавтоматика». Вместо полутора лет по нормативам они установили технологическое и другое оборудование за одиннадцать месяцев.

— Нашу установку,—говорит директор К. М. Комаров,— можно было бы назвать экспериментальной. Отечественное оборудование изготовлено в единственном экземпляре для опытно-промышленной проверки. Тут все впервые: первая, и самая крупная в Союзе, головная установка получения гелия, первый отечественный блок получения этановой фракции, экспериментальная компрессорная станция для перекачки этана и многое другое. Монтаж, пуск и наладка оборудования велись под наблюдением группы сотрудников Ленинградского научно-исследовательского и конструкторского института химического машиностроения во главе с главным конструктором гелиевых установок И. Л. Андреевым. Технологию производства разработали специалисты Всесоюзного научно-исследовательского института газа.

Предельно емкая компоновка оборудования снизила металлозатраты, но потребовала от монтажников высокой профессиональной выучки. Двое суток не уезжала домой бригада В. Иванова, пока не закончила работу.

Такие же темпы и качество показали бригады Н. Шульгача, А. Павлова и А. Севастьянова.

Главная задача заводских специалистов в недалеком будущем — обеспечить этаном казанский завод «Оргсинтез». Строится этанопровод. От Оренбурга до Казани газ впервые в отечественной практике будет транспортироваться без промежуточных компрессорных станций.

За небывало короткий срок «солнечный» газ аттестован на государственный Знак качества. Начальник установки «добычи» гелия Х. Н. Ясавеев и старший оператор М. Д. Соковин выдвинуты в составе авторского коллектива на соискание Государственной премии СССР.

В. КУЗНЕЦОВ,
корреспондент газеты «Южный Урал»,
контрольный пост «Огонька»

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА

Работники сельского хозяйства, заготовительных, транспортных, перерабатывающих и торговых предприятий! Не допускайте потерь сельскохозяйственной продукции!

Все, что произведено, должно быть использовано на благо народа!

Из Призывов ЦК КПСС к 63-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции

БЕЛЫЕ КРЫЛЬЯ РИСАЛАТ

Вячеслав **КОСТЫРЯ**

От росы до росы не смолкает рокот хлопкоуборочных машин на просторах Узбекистана. Ленты проселков и асфальтовых дорог — сплошные белые потоки. В конце их поднимаются ладные четырехугольные холмы за оградами заготовительных пунктов. Этим холмам все теснее, темп уборки высочайший. Счет пошел на миллионы тонн. И радостно думается: какое же это богатство — столько натурального волокна!

Ценность хлопка непреходяща. Хотя яркая, искрящаяся синтетика и вторгается в наш быт все напористей, во многих семьях не изводятся, например, самодельные, в традиционной цветастой оболочке из ситчика или сатина широкие ватные одеяла. Солнечно теплые, пуховатые.

В Узбекистане такие одеяла называют «курпа», а узкие, продолговатые — «курпача». Эти-то последние и стелют на деревянном помосте по краям дастархана — скатерти с яствами. После трудов праведных в поле пообедаешь таким вот образом, полулежа на мягкой «курпаче», — и сразу силы восстанавливаются. Особенно в уборочную страду, когда и минута на счету.

Уборка вообще труднейшее дело, в хлопководстве же... Кстати, чтобы собрать начинку для обычного ватного одеяла из натуральных комочков хлопка (величиной с хирургический тампон!), тех, что белеют на кустах, — иной хозяйке и полдня не хватило бы. А ведь перед хлопкоробами задача посложнее: их «одеяла» под стать бесчисленным полям. Да и урожаи на них все богаче. Ныне, в завершающем году пятилетки, узбекистанская хлопковая кипень из практически невесомых волоконец будет весить не менее 5 миллионов 850 тысяч тонн. А то и больше... За пятилетку урожай «белого золота» в республике потяжелел почти на миллион тонн!

Откуда столь ощутимый прирост? Мастера говорят: главная прибавка, конечно же, от искусства выращивать эту культуру, но много дает и возросшее умение убирать ее. Аккуратно, чтобы ни одна долька не ушла снова в землю. Побыстрее, с массированным применением техники, чтоб осеннее ненастье не превратило «белую пушинку в серую пылинку». Присказку эту не знают в других районах страны. Она из невеселого юмора хлопкоробов. Ее произносят с нервной усмешкой после того, как сделано все, что в силах человеческих, а урожай взят не сполна.

Рисалат Айнакулова.
Фото В. Сваричевского.

В эти дни, в разгар страды, хлопкоробы скупы на слово. Задаешь пространный вопрос, а в ответ — «да», «нет», в лучшем случае — анкетный рассказ «о себе», но непременно хоть два слова о том, что считается личным вкладом в общее дело.

Едем на один из передовых (читай: горячих!) участков страды, в Галабинский район Ташкентской области, неспроста получивший свое имя от узбекского слова «галаба», то есть «победа». Тут-то и узнаем об одном поучительном, можно сказать, изначальном условии успеха. Секретарь райкома партии Абдулхамид Саидходжаев предложил побывать в хозяйстве, руководители и специалисты которого еще до сева (!) разработали детальный план обеспечения успешной уборки урожая 1980 года.

— Решением бюро райкома этот план был тогда же одобрен и рекомендован другим хозяйствам как образец, — подчеркивает он и не без удовольствия отмечает: — Колхоз этот тезка нашего района, только имя его звучит по-русски — «Победа».

— Имя обязывает.

— Чувствуем это и мы, в райкоме, — смеется Абдулхамид Саидходжаев. — Знаете, оно помогает в соревновании с соседями! Колхоз уже под председательством Николая Ивановича Пака почти два десятилетия пользуется этим моральным стимулом. Хозяйство поднималось на бывшей целине, первопроходческие предусмотрительность и смелость в решениях вошли в привычку.

Что ж, привычка оказалась продуктивной: 23 сентября — первыми в области! — хлопкоробы «Победы» выполнили свое годовое задание. Более того, еще в прошлом сезоне завершили они десятую пятилетку и ныне ведут продажу хлопка-сырца в счет одиннадцатой. Из беседы с председателем выяснилось и такое существенное дополнение:

— После недавнего выступления Леонида Ильича Брежнева в Алма-Ате решили повысить свое обязательство по хлопку с сорока восьми до пятидесяти центнеров на каждом гектаре, — заявил Николай Иванович Пак. — Это наш подарок XXVI съезду КПСС. Вполне реальная цифра, если постараться от всей души, — подчеркнул он. — А люди у нас как раз этим отличаются. Побывайте на полях, побеседуйте с ребятами...

Насчет «ребят» не оговорка: за штурвалами «голубых кораблей» здесь немало молодежи, хотя поблизости и столица республики, и промышленный Алмалык, и другие города, где для юношей и девушек с аттестатом зрелости столько возможностей. По местной статистике, восемьдесят процентов выпускников школы остается работать в колхозе, двадцать уезжает в город продолжать учебу. И опять особенность: большинство студентов, окончив техникум или институт, возвращаются домой — работать в родном хозяйстве... Чем же оно привлекает?

Для беседы останавливаем выбор на девушке в джинсах и безрукавке — механике-водителе хлопкоуборочной машины. Выгрузив из бункера хлопок в тележку, она спустилась со штурвального мостика на землю размяться, пока ремонтники промывают шпиндели посеревшего от пыли «голубого корабля».

— Рисалат Айнакулова, — назвала себя девушка.

Вот ее короткий рассказ:

— Двадцать один год. После десятилетки окончила курсы шоферов-профессионалов, затем курсы механиков-водителей. В этом году перешла на третий курс заочного отделения Ташкентского пединститута имени Низами... В честь XXVI съезда партии взяла обязательство — собрать не меньше ста десяти тонн хлопка. В августе, перед самой уборкой, меня приняли в члены КПСС. Так что слово сдержу! Кажется, все?..

— А после рабочего дня у вас не скучно?

— О, жизнь у нас бьет ключом. Мы вот с нашим вокально-эстрадным ансамблем даже в Ташкенте выступали! Футболисты третий год первое место в районе держат, в этом году вышли мы на первое место и по баскетболу. Работают секции бокса, волейбола, настольного тенниса...

— Что вы лично делаете в ансамбле?

— Публике объявляют так, — настроившись на артистический лад, как бы пародируя конферансье, Рисалат произнесла: — «Выступает Рисалат Айнакулова — солистка эстрадно-вокального ансамбля «Ок канот», что в переводе значит «Белые крылья»!

— Откуда такое название?

— Поднимитесь на штурвальный мостик машины и посмотрите сверху на созревшее хлопковое поле, — предложила Рисалат. — Чем не лебяжьи крылья?

Так мы увидели обычное трудовое поле глазами окрыленного человека и поняли, почему здешние поля из года в год становятся ослепительно белыми, и оперение их быстрее «улетает» на заготпункт, под брезентовое покрывало.

Л. ЛУКЬЯНОВА

НИКОЛАЙ НЕВРЕВ

1899 год... Над крышами висел легкий морозный туман. Дым из труб заволакивал золотые купола и тяжелые кресты храмов Замоскворечья. На Ордынке зазвонили к ранней обедне, и скоро во все заштореные окна, запертые двери поплыл звенящий, настойчивый гул. День уже начался — обычный, суетный, беспокойный. Вроде бы праздник — сочельник, да только нет в нем той светлой радости, как бывало в юности.

Известный московский живописец Николай Васильевич Неврев поднялся в дурном расположении духа. Тихое морозное утро не веселило его, праздник был совсем некстати, а уж сегодняшние именины, которые он, как обычно, справлял в сочельник, представлялись ему чем-то тягостно длинным, убийственно скучным.

Фортуна не проявила особого участия к судьбе купеческого сына Николая Неврева, оставшегося в 1835 году после смерти отца сиротою пяти лет. Он был отдан в Училище московского купеческого общества, но не замедлил в скором времени оставить его, поскольку был вынужден зарабатывать на жизнь перепиской бумаг, так как, рассказывал он в старости приятелю-коллекционеру Цветкову, «в доме часто не было буквально ни крошки хлеба, случалось ложиться спать голодным, сидеть вечерами в потемках без огня, ибо не на что было купить сальную свечу; раз в Светлое воскресение за столом имели одну тюрю...».

Дома не было хлеба, а он, как и положено истинному художнику, мечтал о рисовании. Николай родился живописцем, и потому пространство чистого листа в бытность его переписчиком мучило юношу желанием заполнить пустой лист изображениями людей, их лиц, характеров.

В двадцать один год попал он в московское Училище живописи, ваяния и зодчества, представлявшее в то время весьма любопытное учебное заведение. Преподаватель исторической живописи, инспектор училища М. И. Скотти, сам не написавший ни одной исторической картины, был между тем постоянно многозначителен. Он проходил по классу подобно Юпитеру-громовержцу, удостаивая иногда любимейших учеников, среди которых был и Неврев, ценнейшими замечаниями, вроде: «Убавь носу!.. Подними глаз!»

Преподаватель портретной живописи А. Н. Мокрицкий в продолжение всей своей художественной деятельности произвел на свет не более пяти портретов. Но уверенность в причастности к прекрасному миру искусства не покидала его никогда. Он причесывался и одевался à la Брюллов, любимой его фразой была: «Покойный Карл Павлович Брюллов говаривал: «Кто пишет так бесцветно и вяло, тому бы лучше не родиться на свет божий».

В бесцветности и вялости Николая Неврева, конечно, никто не упрекал — он был в числе лучших учеников, но в его творческом росте училище почти не сыграло никакой роли. Он ушел из него, не окончив курса учения.

В 1855 году, двадцати пяти лет, Неврев получает звание свободного художника и посвящает себя портретной живописи. Вскоре он так преуспевает, что его имя называют в числе лучших портретистов, ставят сразу вслед за Зарянко, считавшимся тогда в Москве первым мастером этого искусства.

Работы молодого Неврева не из тех, что «сшиты» по мерке, дабы потрафить вкусу заказчика. Он пишет «Неизвестного с чубуком», «Портрет женщины с кошкой», «Автопортрет», обнаруживая незаурядное мастерство и подлинный талант художника-психолога. П. М. Третьяков заказывает ему для галереи портрет М. С. Щепкина — великого русского актера.

Это одно из лучших полотен Неврева. Оно завораживает живостью облика выдающегося мастера сцены, строгим, уверенным, точным рисунком.

Как сообщает первый биограф живописца профессор А. В. Прахов, его успехи в области портрета были так велики, что «петербургские власти» хотели даже наградить Неврева, не имевшего законченного художественного образования, званием академика, но в связи с введением академией художеств нового устава он это звание тогда не получил.

И в тот момент, когда, казалось бы, все так ясно и определенно в судьбе и будущность представляется лучезарной и благополучной, Неврев бросает портретную живопись и обращается к жанровой. Почему?

Да потому, что талант его был чуток чрезвычайно, что художник принадлежал «к той школе, которая первым условием художественного достоинства поставила искренность и наивность, которая объявила, что искусство меряется жизнью, что как в жизни, так и в искусстве первое и лучшее есть правда».

Между тем, то было время, когда правда в искусстве с трудом пробивала себе дорогу. На выпускном экзамене в академии художеств экзаменаторы рекомендовали такую «наисовременнейшую» тему: «Харон, перевозящий души через Стикс».

Прогрессивная печать негодовала: «Доколе фарфоровая размазня японского чайника будет выдаваться за художественный идеал?»

Другая газета иронизировала: «По нашему же мнению, и эта грация кисти, и эта смелость кисти, и все остальные прелести гроша медного не стоят, если их употребляют для того, чтобы нарисовать, как: Антон козу водит, Антон погоняет, Антон хорошенький, Антон пригожинький и т. п.».

Упражнявшиеся в написании девушек в сарафанах и повойниках придворные живописцы уже оскомину набили своими маскарадными героями. Глядя на эти картины и статуи, «мудрено было догадаться без подписей и ярлыков, что это писали русские и в России...»— восклицал с горечью Стасов.

Рядом с реализмом, по выражению знаменитого критика, «выросла потребность национальности». Возникла необходимость осмысленного русского жанра.

Это потом о Невреве напишут, что он, «вслед за основоположником критического реализма в живописи великим Федотовым, в числе художников-шестидесятников «подготовил» знаменитый бунт четырнадцати, открыл дорогу деятельности передвижников». Суховатые эти слова не расскажут главного — того, что искренность и доброта были основой таланта художника. Потому и ушел он от портрета, что в жанре видел неиссякаемые возможности. Жанр запечатлевал простого живого человека с его радостью и страданием. Чаще со страданием. Как писали в статье о Невреве «Художественные новости»: «Мы не можем не выразить сожаления о том, что вообще наши живописцы... с каким-то странным постоянством прилагают свои знания и талант к воспроизведению только одних темных и грустных явлений...»

Он пишет «Панихиду на сельском кладбище», которая сразу обращает на себя внимание не только публики, но и цензуры. Были немедленно приняты меры, чтобы эта картина не показывалась на выставках, не воспроизводилась в журналах.

Первые шаги в жанре сильно отличались от первых шагов в портретной живописи. Но пошлой благонамеренностью Николай Васильевич никогда не отличался. Он хотел писать то, что видел, и никто, наверное, не смог бы остановить его на этом пути. Великий русский художник Венецианов сказал о себе: «Как видел, так и изображал, а не мудрил, сидя перед натурою». Неврев мог бы повторить эти слова.

Он выставляет в 1866 году картину «Протодьякон, провозглашающий на купеческих именинах многолетие». Отзыв в журнале «Пчела» гласил: «Картина, великолепнейшая по краскам, замечательная и по разнообразию типов, заинтересовала всех, была представлена на конкурс Общества поощрения художников, но не была допущена из-за сюжета».

А сюжет из тех, что Николаю Невреву, выросшему среди купечества, были известны прекрасно. Потому, может быть, так сочно выписаны главные герои — и протодьякон и купец-именинник. А впрочем, только ли главные? Каждый образ, каждая деталь так конкретны и точны, что узнаваемостью своей поднимаются до высоты обобщения. Написанная почти в центре картины броская, неправдоподобная в своей громоздкости фигура протодьякона, орущего во всю свою луженую глотку «Многая лета», его сжатые от напряжения кулаки вызывают бурное довольство именинника, восхищение гостей, подхватывающих многолетие...

Н. Неврев. 1830—1904. ТОРГ. 1866.

Н. Неврев. ДЕД ВАСИЛИЙ. 1858.

1866 год. Неврев создает свой шедевр — «Торг»...

Почему выбрал такую тему? Ужаснулась его душа противоестественным? Возможно, и поэтому. А точнее, наверное, потому, что недуг времени отозвался в его душе болью. Правда, некоторые критики тогда объясняли все просто «наклонностью художника углубляться в мрачные стороны жизни... его пристрастием к музе скорби и страданий». Как бы то ни было, «Торг» оценили сразу же, присудили первую премию в Обществе любителей художеств. И в числе лучших московских картин она была прислана в Петербургскую академию для отправки на Венскую выставку. Но туда она не попала, ибо «оказалась неудобною в отношении содержания».

Картина страшна своей тишиной. Наверное, рисуя самые жестокие, самые кровавые истязания человека человеком, художник никогда не смог бы вызвать того чувства ужаса, что возникает при взгляде на картину. Беспощадность этого холста прежде всего в точности. Все именно так, как было: светлый кабинет, прекрасные умные книги лежат на столах и полках. Уютный кот греется у печки. За столом беседуют приятели. Хозяин дома, удобно устроившийся в кресле, с брезгливой миной покачивает головой. Его гость, заплывший, лысый, со складками жира на подбородке, развалился в кресле. Он уговаривает приятеля уступить подешевле. Ну что ему стоит? Но хозяин не уступает...

Ужас происходящего для Неврева очевиден... Пусть о чем-то говорят между собой эти «культурные» баре, но их не слышно. Сейчас в этом доме, в этом мире происходит деяние невероятное в своей чудовищности: продают то, что всегда ставилось превыше всего, что всегда было вершиной творения,— продают человеческую душу.

«Приди в негодование, зритель! Ужаснись вместе со мной. Так было всего лишь пять лет назад. Было!» — кричит кисть художника.

«Посмотришь единую секунду на эту картину, и русская история теснится тебе в душу; долгие столетия и бесчисленные поколения, замученные, не отомщенные и поруганные, проносятся перед воображением»,— писал Стасов.

Дарование художника часто вызывало в памяти имена Гоголя, Островского. Особенность, необычность его таланта живописца-драматурга в тяготении к точности детали. Детали глубокой, раскрывающей самую суть изображенного.

Чего стоит один портрет Мирабо — деятеля французской революции, — висящий над головой хозяина. А хозяин-то либерал! Из тех либералов, о которых Денис Давыдов писал: «А глядишь, наш Мирабо старого Гаврило за измятое жабо хлещет в ус да в рыло...»

Этот нарядившийся в одежды просвещенного человека потасканный филистер и его приятель словно ряженые.

Время, запечатленное на холсте, остановилось. Прошел целый век, и трагедия стала историей.

Для того, чтобы написать «Торг», предвосхитивший критический реализм передвижников, художнику недостаточно было одной лишь техники, хотя по соразмерности, завершенности это небольшое густонаселенное полотно можно отнести к жемчужинам русской школы. Нужно было прозрение...

Потом всю его долгую жизнь ему будут напоминать об этом полотне, мерить им все, что он напишет.

Но так уж сложилось, что самый взлет его дарования — честного, доброго — пришелся на тяжелейшее в России время. Закрылись передовые газеты и журналы, апатия овладела лучшими умами. Все надежды на ясную, свободную жизнь, казалось, угасли. Это страшное время повлияло на впечатлительную натуру Неврева весьма неблагополучно. И художник растерялся. Его талант был раздавлен тяжким прессом официальной критики, академических традиций.

Он много работал после в жанре, в портрете, в исторической живописи — искал и не мог найти себя. Подобное произошло ранее с великим Федотовым, который был буквально растоптан николаевским режимом.

Внешне жизнь Неврева была вполне сносной, даже благополучной. Его пригласили преподавать в московском Училище живописи, ваяния и зодчества, но, проработав совсем немного, он ушел оттуда. После смерти его близкого друга П. М. Третьякова художнику предложили пост директора галереи. Но Николай Васильевич отказался, сославшись на старость. Ему присвоили звание академика. Но ничто уже не могло придать уверенности в себе — ни звания, ни признание его прошлых заслуг.

Поэтому так тяжки и непраздничны казались ему собственные именины. В морозный вечер кануна нового, двадцатого столетия старый живописец думал о том, как страшно и тяжело пережить свой собственный успех. А потом доживать. Доживать почти треть века, пытаясь вернуть старое, вороша прежние сюжеты, наблюдения, размышления.

Понимая бесполезность попыток, он вновь и вновь возвращался к испытанным темам, порой наивно уверяя себя в их современности.

Невреву ни разу не удалось достичь прежней силы проникновения в суть своего времени. Картины, созданные в поздние годы жизни на исторические сюжеты, академичны и банальны. «Торг» — жемчужина русской школы. И мы сегодня, разглядывая холст, находим в нем все более поражающие нас детали, углубляющие, заостряющие первое впечатление. В этой глубине, многослойности, многоплановости картины мы будто ощущаем предвестие тех новых открытий в искусстве критического реализма, которые сделали в дальнейшем передвижники более поздних лет.

В 1904 году «Правительственный вестник» напечатал некролог: «...в имении Лысковщина, близ станции Толочин Московско-Брестской железной дороги скончался академик Н. В. Неврев». Это сообщение поместили многие журналы России.

...Прошло сто пятьдесят лет со дня рождения замечательного русского живописца. Его имя занимает достойное место в ряду классиков реалистической школы нашей живописи.

...Какими бы темпами мы ни развивали энергетику, сбережение тепла и энергии и впредь будет важнейшей общегосударственной задачей... На экономию топлива и энергии должны быть нацелены усилия каждого коллектива, каждого труженика.

Л. И. БРЕЖНЕВ.

Из речи на ноябрьском (1979 г.) Пленуме ЦК КПСС

ЕЩЕ РАЗ О ТЕПЛЕ

Сергей МАРКОВ

Начну, как в старину, от печки. От обыкновенной русской печки. Помню, приехала к нам погостить бабушка из сибирского села. Все удобства городской квартиры ей страшно нравились, особенно ванна с горячей водой. Одного лишь она так и не поняла: как можно, когда кто-то где-то топит, распахивать балконную дверь и окна? «Деньги горят, труд человеческий!» — стыдила она нас. «Так ведь жарко, бабушка...» «Будь у вас своя печь, сами запаслись бы дровами на зиму — и думать бы забыли про этот ваш балкон! Не по-хозяйски все это! Виданное ли дело, небо согревать!»

Что могли мы ей ответить? Мол, не из нашего кармана горит? Так ведь бабушка в числе первых колхозы в Сибири создавала, шуток таких не понимает. Взяла бы в руки веник или тряпку половую, которая как раз за дверью лежала, и несдобровать бы нам тогда.

А кто из нас, городских жителей, зимой в оттепель или весной, когда комнатные батареи вдруг словно с цепи срываются и начинают раскаляться,—кто не распахивал окон? Кто не пытался утихомирить батареи с помощью кранов, или, наоборот, в сильные морозы кто не пытался хоть чуточку прибавить тепла, и кто не убеждался в наивности своей попытки, вытирая огромную лужу воды на полу? Кто не слышал весьма «авторитетного» мнения слесаря-водопроводчика насчет маниакального стремления каждого квартиросъемщика потрогать все рукой, даже кран, который «не для того поставлен»? Кто не задавался вопросом, для чего же он все-таки поставлен?

Но хватит риторических вопросов.

Разве еще один, последний: кто не удивлялся тому факту, что температура в крупных городах всегда на 2—3 градуса выше, чем в пригороде? Положим, полградуса-градус компетентные люди объясняют защищенностью городов от ветра, неизбежными выделениями тепла заводами, фабриками, автомобилями... А остальное откуда?

— Больше десяти министерств и ведомств хотели бы получить на этот вопрос ответ,—говорят директор ЦНИИЭП инженерного оборудования И. Ю. Рубчак и заместитель директора по науке Академии коммунального хозяйства М. В. Тарнижецкий. — Давайте объединим наши усилия с заведующими лабораториями академии, с инженерами Центрального научно-исследовательского и проектно-экспериментального института инженерного оборудования и попробуем разобраться.

Начнем с магистральных сетей, с труб, по которым в наши дома идет горячая вода для нагревания батарей и водопроводной воды. Проследим, где и кто ворует у нас драгоценное тепло. Главный вор — плохая изоляция. Чаще всего трубы лежат просто в воде, — она и забирает часть тепла и постепенно разъедает изоляцию и сами трубы. Коррозия — причина восьмидесяти процентов аварий в магистральных сетях. Особенно в больших городах, где протяженность их достигает многих десятков километров.

Отступление первое

Лет пятнадцать назад были разработаны новые коллекторы для прокладки сетей — сухие, полностью сохраняющие изоляцию, облегчающие ремонт и обслужива-

ние труб подземные коридоры. Строительство их недешево, но уже совершенно точно установлено, что оно себя полностью окупает. Однако, кроме столицы, Тольятти, Набережных Челнов и некоторых других городов, такие коллекторы почти нигде не строятся.

Разработаны и другие виды защиты металла от разрушения: покрытие органосиликатной краской, эмалирование... Но на практике — тысячи километров труб лежат под ледяной землей в воде и постоянно требуют ремонта. Не строятся специальные цеха, нет краски... С кого спросить?

Главные потери начинаются с теплового пункта, обслуживающего один или несколько домов. Попросту говоря, с жэка, которому, как говорится, и икается больше всего от пожеланий своих квартиросъемщиков. Но и там, как выяснилось, виноватых нет. Ведь несерьезно в самом деле требовать от слесаря точного и продуманного распределения тепла по всем квартирам. И доктор наук-то вряд ли справится. В одной квартире жарко, в другой, допустим, благодать, 20 градусов, в третьей люди ходят в свитерах и шерстяных носках, уповая на электрокамины, рефлекторы и газовые конфорки...

Неужели никак нельзя добиться того, чтобы во всех квартирах хоть более-менее соблюдалась норма?

Во многих странах для этого уже используется автоматика.

Отступление второе

Разработаны автоматические системы регулирования подачи тепла и у нас. Например, пофасадная, автоматически регулируемая система отопления (то есть одна сторона дома могла бы обогреваться чуть сильнее, другая, которую в данный момент греет солнце, чуть слабее). Автоматика не допускала бы перетопов. Она просто не принимала бы лишнего тепла у ТЭЦ. Ведь там самый важный показатель — реализация тепла. Фактически чем больше топлива сжег, тем больше и чаще получаешь премии. Твердый и четкий план на ТЭЦ Минэнерго постоянно перевыполняется. Притом часто весной, когда от морозов не остается и следа, и жильцы в квартирах буквально задыхаются от жары. Топливо подают, а как его используют, нужно ли оно вообще в таких количествах, мало кого интересует. Автоматического регулирования нет. Вручную приток тепла не остановишь, не уменьшишь хотя бы на несколько градусов в ночное время, к примеру (ведь спать в прохладном помещении полезнее для здоровья); в масштабах страны тут тоже миллионные потери. Кто виноват в том, что давно уже разработанная учеными автоматика не выпускается промышленностью? Виноватых опять нет.

Теперь попробуем определить, какая же температура нужна для нормальной жизни. В первой главе «Строительных норм и правил» говорится: «Для расчета систем отопления в жилых домах установлена температура воздуха 18 градусов. Безусловно, для молодых, закаленных людей вполне достаточно восемнадцати. Некоторым даже и этого слишком много. Но для пожилых, тем более больных людей, для маленьких детей... В киевском НИИ гигиены сделаны совершенно определенные выводы: для людей старше тридцати лет в жилых помещениях рекомендуется температура 20—22 градуса. То есть прежде всего необходимо пересмотреть «Строительные нормы и правила». И не только в этом пункте. Все без исключения ученые, занимающиеся теплом города, считают, что и многие другие положения этого документа нужно изменить, причем в работе должны принять участие не только строители, но и все министерства, ведомства, каким-то образом относящиеся к коммунальной энергетике. Здесь все взаимосвязано. Дома, построенные из блоков, теряют тепла гораздо больше, чем кирпичные. Чем здание шире, тем теплопотери меньше. Лоджии, огромные окна, витрины — все это способствует «отапливанию неба». Но блочные дома не строить пока невозможно. И лоджии весьма удобны и украшают внешний вид... Видимо, остановиться нужно на золотой середине. Но кто ее найдет?

Подойдем к крану, установленному на комнатном отопительном приборе. Откровенно говоря, они давным-давно устарели в принципе. Но что уж там говорить об автоматике, если 90 процентов даже этих элементарных ручных кранов производится бракованными. Ручки с них в большинстве случаев слесари снимают и уносят сразу во избежание несчастных случаев. Еще бы! Ведь после нескольких поворотов горячая вода может хлынуть на любопытного нерадивого жильца. И красуются на батареях краны, затянутые, замотанные жгутами, а то и вовсе со спиленными шпинделями.

Отступление третье

Примитивные, возможно, известные еще древним римлянам, устройства, работай они нормально, могли бы сократить расход тепла больше чем на 5 процентов, сэкономить около шести миллионов тонн условного топлива, или свыше ста тридцати миллионов рублей! Но сейчас от них не польза, а сплошные убытки. На краны тратится больше десяти миллионов рублей, две с половиной тысячи тонн цветных металлов!

Значительную часть кранов из ковкого чугуна выпускают в Краснодарском крае. Не раз краевая лаборатория Госстандарта принимала решения о прекращении производства заведомо бракованной продукции. В конце концов в 1979 году и Госстрой СССР не дал согласия на изготовление чугунных кранов. Но Госплан их запланировал опять, и выпуск продолжается на полную мощность. А всего в стране 13 предприятий занимаются производством кранов. И лишь два, максимум три из них выпускают продукцию, более или менее приближающуюся к ГОСТу. Тут можно было бы сделать отступление и насчет самого ГОСТа, допускающего негерметичность кранов, хотя Академией коммунального хозяйства доказано, что герметичность необходима. Но, как говорится, не до жиру...

Итак, кранов не хватает, а 90 процентов тех, которые производят, годятся только для переплава.

Ученые сейчас занимаются не разработкой новых типов кранов, а тем, чтобы остановить любыми путями производство старых. Но пока бесполезно.

А новые... В лабораториях, конечно, есть и новые. Когда начнется их производство? Все идет к тому, что в следующем веке. Шутка? Нет, это не шутка. Сейчас нужно около шестнадцати миллионов кранов — для замены старых и для установки на батареях в новых, строящихся зданиях. И очень помог бы специализированный завод, который строят Минхиммаш и Минстрой СССР в городе Бологое. Закончить строительство они должны были в 1975 году. А как сейчас обстоят дела? Лучше не спрашивать... Кто в этом виноват, с кого все таки спросить?

Неодинаков в разных странах коэффициент полезного использования топливно-энергетических ресурсов. В нашей стране он составляет примерно 43 процента. Это более высокий показатель, чем в странах «Общего рынка». И тем не менее в этом году из 1,6 миллиарда тонн условного топлива, выделяемого на производственно-эксплуатационные нужды, больше 900 миллионов тонн сгорит напрасно. Это в целом по стране. Но нас сейчас интересует жилищно-коммунальное хозяйство, то есть наши квартиры, лестничные площадки, школы, библиотеки, магазины... Сколько тепла теряется при отоплении того, что всем нам, как говорится, жизненно необходимо? Даже в Центральном статистическом управлении этого никто не знает. Приборов для учета тепла в жилищно-коммунальном хозяйстве нет.

Отступление четвертое

Подсчитано, что теплосчетчик, будь он установлен в каждой квартире, экономил бы сорок процентов тепла, в каждом доме — пятнадцать процентов... И по крайней мере последняя цифра во многих странах давно подтверждена на практике.

Десять лет назад Минприбору и Госгражданстрою СССР было поручено разработать теплосчетчики для дома. И они были разработаны. Даже успели подсчитать, что теплопотери на отходящих от ТЭЦ магистральных сетях заметно бы уменьшились лишь благодаря учету, а один процент этого уменьшения только в Москве сохранил бы полтора миллиона рублей. Но как в 1972 году приняла государственная комиссия эти счетчики, так до сих пор никто их и не выпускает. Несколько сот штук, правда, есть. Но нужно-то несколько сот тысяч! Кто в этом виноват? С кого спросить?

Кто из нас не убедился на собственном горьком опыте, что горячую воду в домах отключают далеко не только на две недели, что предусмотрено «Строительными нормами и правилами»? Двух недель таких в году бывает несколько, и приходят они иногда совершенно нежданно. Объясняется это несовпадением сроков ремонта, намеченных жэками, Мосинжремонтом, тепловыми сетями, ТЭЦ,— все, как выяснилось, работают по своим индивидуальным графикам, между собой абсолютно не согласованным.

Горячей воды (это то же тепло, те же миллионы рублей) в нашей стране расходуется на человека 120—130 литров в сутки, в то время как в ГДР, например, максимум 80. Климат там мягче, чем у нас, и все-таки сравнение кое о чем говорит. Примеров таких можно было бы привести множество. Каждый из нас должен постоянно помнить, что наше тепло — это наши общие деньги, и экономия не сделает квартиры более холодными. Напротив.

На вопрос, почему до сих пор не выпускаются давно разработанные теплосчетчики, ни в Минприборе, ни в Госгражданстрое мы так и не добились вразумительного ответа.

Ученые, занимавшиеся защитой металла от разрушения, так и не смогли конкретно ответить, почему не строятся специальные цеха для производства органосиликатной краски.

Министерства, которым было поручено строительство завода в городе Бологое, объясняют многолетние срывы сроков нехваткой средств и рабочей силы, распоряжение которыми не в их компетенции.

В Минстройматериалов уверены, что регулирующие краны — промышленная арматура и выпускать их обязан Минхиммаш. Машиностроители же полагают, что краны — санитарно-техническая арматура и изготовлять их должны предприятия Минстройматериалов.

Многие министерства и ведомства сваливают вину на Госплан СССР. В свою очередь, работники Госплана считают, что их дело — лишь запланировать, а за все остальное отвечают Госснаб, Госстрой, девять министерств, десять заводов, фабрики, проектировщики, разные конторы и т. д. и т. п.

В 1979 году Советом Министров СССР было принято постановление по вопросу о сокращении потерь тепла в тепловых сетях и в зданиях жилищно-гражданского и производственного назначения. Постановлением предусмотрены меры, направленные на повышение теплозащитных качеств зданий, устранение причин, вызывающих неоправданный перерасход тепла, строительство жилых и общественных зданий, снабженных эффективными теплоизоляционными, уплотняющими и герметизирующими материалами, соответствующими приборами и оборудованием...

Сможет ли это постановление быть в ближайшее время реализованным при существующей «расстановке сил» в коммунальной энергетике, где все так беспределько запутано? Не пора ли наконец и прежде всего каким-то образом объединить, централизовать систему теплоснабжения, чтобы каждый конкретно знал, за что он отвечает, чтобы было с кого спросить?

Отступление пятое, последнее, непохожее на предыдущие

В ЦНИИЭП инженерного оборудования Госгражданстроя разработан комплекс мер по защите жилищ от ветра и холода, то есть по экономии тепла в квартирах. Конструктивно изменены ручки на окнах (те, которыми мы сейчас пользуемся, виновны в потерях, в четыре раза превышающих норму, через окна уходит более 65 процентов тепла), разработаны способы утепления дверей, рам... Но пока суд да дело, пока министерства и ведомства решат, кому этим заниматься, инженеры выпустили для микрорайона, в котором находится институт, небольшой плакат с наглядной рекомендацией, с рисунками и простыми чертежами: «Уважаемые товарищи, своевременно подготовьте свои квартиры к зиме. Приведите в порядок окна, балконные двери, входные двери в квартиры. Окна должны закрываться плотно, на все запоры. Ликвидируйте щели между створками и оконными коробками путем набивки полосок из фанеры, оргалита или другого аналогичного материала...»

Говорят, появились в том микрорайоне дяди со столярными чемоданчиками, которые по сходной, ими установленной цене быстренько помогают гражданам подготовиться к зиме...

ОТ РЕДАКЦИИ. «Огонек» ждет, что ведомства и организации, причастные к поднятым здесь проблемам, сообщат журналу о соответствующих мероприятиях по устранению отмеченных недостатков.

ТЕАТР И ЖИЗНЬ

М. ЦАРЕВ,
народный артист СССР

В нынешнем году Малый театр начал свой 157-й сезон. Заставляет ли эта почетная цифра считать сцену Малого театра — среди других творческих коллективов страны — ветераном, «долгожителем»? Чувствуется ли груз времени на его сегодняшних сценических созданиях? Как художнику следует относиться к проблеме: время и актер, время и герой? Вопросы подобного рода возникают иногда у зрителей. Но ведь ветеран буквально означает: старый воин!.. Пугаться столь высокого звания, думаю, нет ни малейшей надобности. Напротив! В России не так уж мало театров, имеющих подобную же долголетнюю историю. И все они сегодня молоды духом, продолжают жить полноценной творческой жизнью, создают спектакли, сохраняя собственные устремления, собственное лицо. Перечислять не буду, но прежде всего назову театр имени Волкова в Ярославле, затем бывший Александринский, ныне имени А. С. Пушкина (кстати, созданный в Петербурге Волковым же); и Малый в Москве — любимое детище Щепкина, Островского, Ленского, Южина да и всей прогрессивной русской интеллигенции. Недаром в ту давнюю пору передовые люди России дали Малому театру славное и очень точное прозвание: «Второй университет»,— основанное на его гуманной, просветительской деятельности.

В первые дни победы пролетариата, когда кругом шло бурное размежевание сил художественной интеллигенции, когда далеко не каждый грамотный, а тем более творческий человек, художник, считал для себя возможным присоединиться к «восставшей черни»,— труппа Малого театра именно в ноябре 1917 года приняла весьма знаменательную резолюцию. В ней говорилось следующее: «Деятельность Малого театра как учреждения, служащего вечным задачам всенародного просвещения и художественной культуры, должна продолжаться без зависимости от переворотов политического характера и смен государственной власти...»

Конечно, тут между строк и при желании можно усмотреть как бы позицию некоего нейтралитета, что ли, — некую независимость отдельных актеров, отстаиваемую от происходящих «переворотов». Но по самому существу этического, морального отношения всего коллектива к происшедшему перевороту,— а именно *это* особенно важно заметить! —театр декларировал во всеуслышание свою постоянную и неизменную верность задачам всенародного просвещения,— готовность продолжать для народа свой благородный труд.

Именно задачам высокой морали, духовности, просвещения народа посвящали себя, свои сценические создания Ленский, Южин и все их соратники — Ермолова, Садовские, Турчанинова, Яблочкина, Пашенная и другие известнейшие артисты России. Выходя на сцену Малого театра, они несли в образах героев, и прежде всего в русской и мировой классике, опять-таки в пьесах Грибоедова, Островского, Гоголя, мудрость народа, его достоинство, нравственную красоту.

Всемерное расширение этой важнейшей просветительной деятельности — вот что становилось главнейшим долгом театра. Просвещение, будучи насущной необходимостью для народа, который доселе обречен был жить в темноте, становилось первейшей обязанностью Искусства. Причем очень важно, что молодое Советское государство, вынужденное в условиях гражданской войны решать множество возникших труднейших проблем, не забывает и о задачах утверждения искусства подлинного, культуры истинной. Совет Народных Комиссаров уже в августе 1919 года принимает декрет «Об объединении театрального дела», где снова указано на необходимость приближений театрального искусства «к народным массам и их социалистическому идеалу, без нарушения художественной ценности театра».

Декрет был необходим и потому, что культуру прошлого кое-кто пытался отбросить как «отжившую». Вокруг этого и шла борьба. Но театр выстоял. Достаточно назвать спектакли Малого тех лет, чтобы убедиться: сохраняя свою благородную веру в народ, в душевную восприимчивость народа, театр дарил этим новым, впервые пришедшим в театр людям все лучшее из того, что имел! Нес классику без всякой боязни, что его не поймут. И ведь так оно и было! В холодном, далеко не всегда натопленном зале сидели солдаты в шинелях, женщины в шубейках и валенках, и затаив дыхание смотрели на героев пьес «Шутники» Островского, «Горе от ума» Грибоедова, «Венецианский купец» Шекспира, «Старик» Горького. Таков был репертуар самых первых лет революции. Кстати, о «Старике» хочется сказать особо. Он был поставлен в том же 1919 году...

Алексей Максимович Горький сам пожелал отдать пьесу труппе Малого театра, и она отнеслась к своей творческой задаче с огромным интересом. Заглавную роль Старика играл С. А. Головин, роль девицы Марины — В. Н. Пашенная. Из ее воспоминаний известно, что этот новый спектакль Малого театра смотрели В. И. Ленин и Н. К. Крупская... Неудивительно, что Владимир Ильич весьма сурово отнесся к предложению одного из работников Малого Совнаркома: закрыть Малый и Большой театры Москвы по причине нехватки топлива. Основной предложения было то, что якобы «прожорливые» театральные печи наносят ущерб республике, будучи при этом «ей не нужны». Владимир Ильич не только не согласился с подобным предложением, но при этом еще и отметил «наивное представление о роли и назначении театра». И, конечно, о закрытии театров больше не было и речи.

Владимир Ильич не принял и предложения изменить репертуар, то есть исключить по возможности «старые» пьесы и дать новые. Известно, что Владимир Ильич вообще считал необходимым беречь «старую» культуру, всячески охранять классику. Но, кроме того, подобные предложения в те годы были всего лишь пустым прожектерством, против которого В. И. Ленин восставал особенно непримиримо. Ведь новых-то пьес попросту не было. И в том же 1919 году Всероссийский съезд по рабоче-крестьянскому театру принял резолюцию, которую хочется назвать прямо-таки исторической благодаря ее прогрессивному значению. Там было сказано следующее: «Рабоче-крестьянский театр, как и вся социалистическая культура, является законным преемником духовного наследия старой культуры, которое он использует для своих целей». Эти слова о духовном наследии и в нынешние дни остаются весьма немаловажными. Особенно если иметь в виду бережность сценической — режиссерской и актерской — трактовки этого наследия, отсутствие «модных» интерпретаций, глубокую работу над нравственным, идейным смыслом классической драматургии,— неприятие «новаций», искажающих смысл классики.

Подлинная культура имеет ту главную и постоянную особенность, что она сама по себе остается вечно молодой. Не переделок она требует, но проникновения. И чем глубже, тем лучше.

Отмечу, кстати, что детищем революции, детищем того же необыкновенного 1919 года был совсем уж новый театр: Большой Драматический, появившийся в Петрограде при участии Горького, Блока, Андреевой, Луначарского... И тут актеры тоже играли для народа в первое время ведь не что иное, как пьесы Шекспира и Шиллера, русскую классику... Мне дорого, что там состоялись и мои первые актерские шаги, мое актерское «крещение». С тех пор и до нынешних дней мне особенно близки образы шекспировского «Короля Лира», грибоедовского «Горя от ума»... Близки и дороги, как всякое начало,—и, конечно, по воспоминаниям о той необыкновенной поре жизни, когда все мы учились главному: отдавать себя сцене, творчеству целиком, без остатка. Вне этого Искусства нет и быть не может!..

Но вернемся к Малому театру. Сама жизнь, конечно, требовала нового, а от таких требований настоящее искусство никогда не отмахивалось! Однако подлинной революционной драме только еще предстояло родиться: серьезных пьес не было. Да практически и ничего не было, за исключением отдельных агитационных «действ», более предназначенных для самодеятельных коллективов.

А ведь Владимир Ильич уже подсказывал художникам главный путь поисков героя — человека революции! Побывав на одной из тогдашних выставок, В. И. Ленин советовал художникам пойти на заводы и увидеть особую красоту этих особых людей, присущие им высокие нравственные качества. «Я всегда любуюсь этой замечательной стойкостью,— говорил В. И. Ленин,— какой-то особой мужественностью тех, кто только вот сейчас вышел из-за машин и станков. Посмотрите, какие умные, хорошие и выразительные лица, какая особая

уверенность, особая твердость взгляда, решимость во что бы то ни стало достигнуть то, за что взялись...»

Замечательные, в полном смысле сегодняшние слова!

В. И. Ленин, будто говоря с театром нынешним, подчеркивает постоянную необходимость искусства выражать особый, мужественный образ героя, человека нового класса, «который действительно пришел создавать новый мир».

Советы и указания Ленина, его прямые требования определили путь становления нового искусства, умного и серьезного.

Конечно, оно завоевывало себе признание опять-таки нелегко. Но партия коммунистов-ленинцев от года к году добивалась подлинной зрелости искусства, черт высокой общественной сознательности в образах героев—большевиков, людей в «кожаных куртках»: комиссаров, чекистов, фронтовиков...

«Любовь Яровая» Тренева стала первенцем настоящей революционной драматургии, как и первенцем всей советской революционной сцены.

Это был качественный скачок, обозначивший рождение образа новой жизни. Образа новой исторической общности народа в искусстве. И Малый театр вывел героев на свою трибуну, чтобы их великую силу и красоту увидели все, весь народ... А вслед за «Любовью Яровой» стали появляться пьесы, безмерно расширившие горизонты театра... Леонов, Тренев, Ромашов, Афиногенов, Гусев, Лавренев, Вишневский, Корнейчук, другие драматурги, писатели братских советских республик предоставили сценам страны свой волнующий рассказ о жизни народа, истории борьбы; о революции, ее воинах и защитниках.

Новая драматургия безмерно расширила самую палитру сценических красок, обогатив ее новыми, ранее незнакомыми мыслями и чувствами, подарив театру прекрасную возможность выразить пафос, энтузиазм, подъем человеческой души.

Эта возможность как бы открыла для театров заново даже и самую классику! Углубляясь в нее, стали находить в ней качества и свойства, какие раньше словно не все и не полностью были заметны: расширились самые границы творческого воплощения жизни.

Однажды Алексей Максимович Горький рассказывал о своей беседе с В. И. Лениным, в которой сам отстаивал необходимость одной только героики для нового зрителя. «А вот Владимир Ильич утверждает, — признался Горький, — что нужна и лирика, нужен Чехов, нужна житейская правда»...

Как же это важно для искусства нынешнего! Театру всегда нужно все! Нужны все стороны жизни — и сегодняшней и прошлой. Нужны и умные уроки творчества и все духовные богатства человечества: вся гуманная содержательность его истории, его нравственного становления. Наверное, не нужны при этом только формалистические изыски, ложное самоцельное «новаторство». Нужна верность патриотическим традициям, социалистическому Отечеству, подлинному интернационализму.

Таковы магистральные пути развития Театра. Тут и только тут видна поступь Времени. Видна взаимосвязь истории и нынешнего дня.

Можно сказать, что именно историческая преемственность отражается по-своему в многообразии и разносторонности нынешнего репертуара Малого театра. Именно к этому стремится наш коллектив.

У нас очень бережно сохраняется в первоначальной редакции автора «Любовь Яровая». Мы играем в героическом плане «Оптимистическую трагедию». У нас идет «Золотая карета» и многие другие советские пьесы. Но и сегодня мы сохраняем «Горе от ума», «Власть тьмы», «Царь Федор Иоаннович», «Заговор Фиеско»... Идут пьесы А. Н. Островского, А. М. Горького... В то же время мы считаем основной задачей показ жизни наших современников, строящих новое общество. Не очень много сегодняшних пьес — об этом надо сказать прямо. Поэтому наш театр не сторонится инсценировок, с помощью которых большая советская проза, отображенная в ней действительность получают свое новое сценическое воплощение.

«Берег» по роману Ю. Бондарева, «Ивушка неплакучая» М. Алексеева, наконец, совсем недавняя премьера «Вызов» по роману Г. Маркова «Соль земли» — все эти спектакли, сохраняя верность первоисточникам, возникают как бы заново, перевоплощаясь на сцене с острым искренним актерским интересом... Театр находит и показывает живыми героев-современников, которых читатель мог представить только лишь в своем воображении. Но ведь этого нам бывает мало: зритель по-хорошему «жаден»! А когда мысль, воображение зрителя и наглядное — в плоти и крови — сценическое создание театра совпадают, получают необходимый «знак» равенства, это всегда приносит театру успех. Пресса отнесла эти наши новые постановки к таким свершениям Малого, где оживает истинная народность, где моральные качества народа прочерчены крупно и мощно.

Спектакль «Вызов» по роману Г. Маркова «Соль земли» театр показал уже под самый конец сезона, и премьера подтвердила высокую гражданственную ориентацию, патриотическую устремленность коллектива к проблемам важным и образам значительным... Герои «Вызова», живые и достоверные сибиряки, стремятся сделать свой край да и всю страну богатой, умной, сильной, способной отличать показное, наносное от настоящего, подлинного. С большим интересом отнесся к этому спектаклю зритель.

Сберегая свои творческие традиции, Малый театр добивается тщательного, глубоко художественного воплощения образов. Каждый человек, получивший высокое право называться артистом, есть участник общей большой задачи, выполняемой театром. Ведь самая «должность» актера гражданственна, сама «профессия» вбирает в себя бесконечное множество духовных, моральных понятий. И тем самым обязывает быть образцом служения искусству... Недаром же в прежнее время работу, связанную со сценой, никогда не называли работой: артист говорил: «Служу в театре». Не от слова «служба», а от слова с л у ж е н и е.

Юрий
БОНДАРЕВ

В Ы

РОМАН

Рисунки
П. ПИНКСИСЕВИЧА

Васильев отвернулся к окну террасы, освещенному рассеянным солнцем, которое серебристым диском стояло над Большим каналом, а туман уходил по намокшей набережной, колыхался паром над утренней водой, и уже ярко засинело почти летнее небо и стали видны дальние вершины храмов за каналом, купола музейных дворцов. Но это тихое солнечное утро осенней Венеции, ее каналы, ее погожая синева, радостно затеплившиеся купола вдали — все вдруг показалось ему неверным по сравнению с тем прекрасным и печальным, ушедшим в невозвратимые годы, в лучшую пору голубятен и весенних утр их жизни, когда он и Илья безоглядно верили неписаным законам замоскворецкого товарищества. И было тем горше, что прошлое окрашивалось сладостной дымкой их детства, их юности, куда не раз возвращался Васильев в последние годы, думая о собственной судьбе. Что ж, он был признан, обласкан, известен, не стеснен в деньгах, поэтому привык не лицемерить и не оправдывать ложью свои поступки и таким образом защищаться от сложностей жизни. И, мучаясь двусмысленностью положения после слов Ильи «помоги, если ты мне веришь», он с отвращением к себе подумал, что вот здесь оба они подошли к бездне и в ней через минуту сгинет юное, неприкосновенное, святое, их общее, которое так необходимо было им в прошлом, в навсегда минувшем времени.

— У тебя семья? — спросил Васильев после долгого молчания.— Жена? Дети?

— Я вдовец. Был женат на немке. У меня взрослый сын Рудольф. Он работает в Мюнхене. После смерти жены я девять лет живу под Римом. Здесь спокойнее, меньше русских.

— Что я могу? Чем я могу тебе помочь? — выговорил Васильев с тем же ощущением дохнувшего бездонного провала.— Чем, Илья?

— Я хочу обратиться в Советское посольство в Риме,— сказал Илья холодно.— Я прошу тебя лишь об одном: при встрече с послом рассказать, что знаешь обо мне. Больше ни о чем. За меня ты поручиться абсолютно не можешь.— Он стукнул зажигалкой о стол, провел черту на скатерти.— Что было когда-то между нами, то быльем поросло! Жаль, но ничего не поделаешь!..

Он начертил зажигалкой вторую границу на скатерти, и эти две проведенные рядом черты вроде бы отсекли, окончательно отрезали их друг от друга, и Васильев сказал внешне спокойно:

— Вероятно, я увижу посла перед отъездом. Только вот что я хотел спросить...

Он не договорил, потому что Илья, быстро выпрямляясь, вставал из-за стола с напряжением, застегивая пуговицу на пиджаке, и Васильев сейчас же увидел сквозь широкую арку двери Марию, которая по безлюдному ресторану шла на террасу в почтительном сопровождении метрдотеля, изображающего приятную покорность наклоном головы. А Илья, подтянутый, выпрямленный, стоял, не отпуская с матово-смуглого сухощавого лица ласкового внимания, стоял до тех пор, пока Мария, легонько улыбаясь, не подошла к столу, и только тогда он не без подчеркнутой предупредительности, отодвинув свободный стул, пригласил ее сесть; она кивнула обоим, села со словами:

Продолжение. См. «Огонек» №№ 38—41.

— Доброе утро, я вижу, вы еще не завтракали?

— Я не знаю ваших привычек: что вы едите на завтрак? Мне достаточно овсяной каши, двух яиц и стакана молока. Диета по-английски,— сказал Илья и в первый раз засмеялся отрывистым, жестяным и незнакомым смехом.— Но было время, когда я начинал утро не с молока. Поэтому не считаю лишним спросить: не угодно ли, Мария, хорошего вина? Ты как, Владимир?

— Очень сомневаюсь.

— Начинать день с вина — безумие, по-моему. Я присоединяюсь к английской диете,— ответила Мария, доставая накрашенными ногтями сигарету из пачки, пламя зажигалки, поднесенное Ильей, промелькнуло по ее темно-серым глазам тревожной вопросительной искоркой и тотчас растаяло в потоке солнечного света. Она, аккуратно причесанная, тронула волосы на затылке, лицо ее казалось молодо, свежо, ни тени вчерашней усталости, и Васильев подумал, что утренняя ванна, некое колдовство известного только ей лицевого массажа, который она делала втайне, удивительно молодили ее по утрам.— Вчера был туман, а какое прелестное сегодня утро,— сказала она, глядя на канал, где, равномерно постукивая мотором, разворачивалась от причала снежной белизны моторная лодка, и ветровое стекло сияло на солнце брызжущим веером.— Так что — решили по-английски?

— Мне стакан горячего молока,— сказал Васильев, ему не хотелось есть.— И достаточно.

— Отлично. Герр обер! — Илья сделал неуловимое движение к метрдотелю, и это был жест человека, привыкшего к ресторанам, а метрдотель, тщательно поправлявший занавеску на слепящем окне шагах в пяти от столика, мгновенно подошел, излучая удовольствие румяными щеками в связи с хорошим настроением гостей, прекрасным утром, и положил перед каждым меню, большие, как дарственные золоченые папки почтенному юбиляру.

Не проявив ни малейшего интереса к меню, Илья вскользь сказал метрдотелю несколько слов по-немецки, и тот, щелкнув каблуками, таинственно-намекающим тоном проговорил: «Яволь, айн момент» [1],— и деловито удалился на коротких упругих ножках бывшего военного человека.

— Ну, конечно, он принял тебя за немца,— сказала Мария, полистала ради любопытства меню, прочитала вслух по-французски названия блюд.— Ого, боже милостивый, утренние мясные блюда обрадовали бы Ламме Гудзака! — Она закрыла золотую тисненую папку и взяла сигарету, прислоненную к краю пепельницы.— Илья, ответь мне на один вопрос,— проговорила она со вздохом, — кому в этом западном мире удобнее жить — американцу, немцу, итальянцу или, наконец, русскому? Ты это замечал?

Илья сказал жестко:

— Никому! Надежды давно умерли, как и боги. Мир идет от плохого к худшему, и сейчас человеку плохо везде. Семидесятые, а может быть, восьмидесятые годы — роковые. Поэтому — либо, либо...

— Что «либо»?

— Либо все удовольствия цивилизации, превращение земли в мусорную свалку и самоуничтожение к концу века, либо здравый смысл плюс новый Иисус Христос...

— Ты веришь, Илья, в здравый смысл?— спросил Васильев, думая о жесткости его утверждения, соглашаясь с ним и не соглашаясь.— Мне кажется, что в последние годы люди потеряли веру в самих себя. И это всех разъединило.

— Разъединила жадность, кровь и тупоголовость политиков,— проговорил Илья, поигрывая зажигалкой.— Я давно расстался бы со своей поношенной оболочкой, только... Только одно держит еще на земле: праздное любопытство: а что дальше будет? Стоило, к примеру, мучиться жизнью, чтобы вас увидеть...

И он провел ласково усмехнувшимися глазами по задумчивому лицу Марии, а она не ответила ему, закинув ногу за ногу, чуть морща переносицу, рассеянно следила за разворотами отдаленно потрескивающих белых моторок на сплошь уже залитом солнцем канале, и тогда в сознании Васильева туманно проскользнуло: «Не может быть, чтобы у нее что-то осталось к Илье от того, школьного, от той осени сорок первого года... Что такое? Неужто я ревную?»

— Еще просьба, Владимир,— сказал будто между прочим Илья, взглядывая в окно, куда смотрела Мария.— Я решил купить у тебя картину с выставки. Она называется «Псковское утро». Если ты не против, то я...

— Не могу тебе ответить положительно,— не дал ему договорить Васильев.— Мне лучше подарить тебе, чем продать. Я подумаю.

«Как я хотел много лет назад встречи с ним,— думал Васильев час спустя, когда они расстались с Ильей.— Мы были совершенно разные в чем-то, я во многом чувствовал его превосходство, но был ли потом у меня лучший друг, чем он? Невыносимо то, что мы понимаем противоестественность... с которой ничего нельзя поделать!..»

На площади Святого Марка пахло дымным холодком осени, площадь, смоченная недавним туманом, светло отблескивала на солнце, и здесь веселой метелью, оглушительно треща крыльями, взвихривались огромные стаи голубей, низко носились над зелеными крышами Дворца дожей, над набережными и, вновь обдавая настигающим шумом, садились на площадь, на головы и плечи трех старух американок, с возбужденным смехом рассыпавших крошки хлеба вокруг себя. Уже поосеннему не работали летние кафе, тенты и цветные зонтики везде свернуты, стулья и столики везде сдвинуты, а пахнущий морем ветер с Большого канала, мерцающего густо-синей тяжелой водой, шевелил и гнал у пристаней обрывки газет, смятые сигаретные пачки, пустые целлофановые пакетики, закручивал весь этот туристский мусор в шуршащие карусели возле витрин опустевших до весны магазинчиков.

— Маша, давай постоим здесь,— сказал наконец Васильев, молчавший от самого отеля после разговора с Ильей.— Ты знаешь, где мы сейчас находимся?..— добавил он, пытаясь вернуть ощущение душевной ясности в этом необычном городе, который вдруг потускнел, темно заслонился тревожным, незаконченным, и свежее октябрьское утро, дуновение по набережной сыроватого воздуха, зеркальные вспышки ветровых стекол на бороздящих канал катерах воспринимались им как нетвердая временная реальность.

— Бывает, Маша, площадь Святого Марка в бурные весны затапливается водой, и каменные плиты храма...— проговорил Васильев и запнулся, заметив тоненькую морщинку досады между бровей Марии.

— Не надо туристских пояснений. Давай немного помолчим. Я пойму,— сказала она, наблюдая умиленных старух американок, все кормивших раскрошенным хлебом голубей на площади.— Не знаю, рассказал ли он тебе, что его спасло,— заговорила Мария минуту погодя, мельком оглядывая канал, пристань, свободные гондолы, качающиеся у высоких столбов, и нежную яркость неба над вырастающими из воды дворцами.— Получилось так, что в сорок четвертом году пленных привезли из концлагеря на расчистку какого-то немецкого городка после американской бомбежки. Там Илья работал на завалах разрушенного завода и однажды каким-то невероятным образом познакомился с одной немкой. Некой Мартой Зайглер. Она была не очень молодой, представь — немного горбунья, но... с глазами Гретхен, несомненно...— Мария с насмешливым безразличием пожала плечами.— Как ты понимаешь, все это похоже на Илью. Он заговорил с ней по-немецки, а она попросила коменданта лагеря присылать его к себе на работу. В сорок пятом после освобождения он остался у нее. Забавная история, не правда ли? И, как я поняла, он любил богатую немецкую горбунью... несомненно, с глазами Гретхен.— Она опять пожала плечами, покусала губы.— Десять лет назад его жене умерла и оставила ему, как он сказал, маленький, но хороший заводик швейных иголок, который он недавно продал и приобрел какие-то акции... Ну, чем мы будем сейчас заниматься в очаровательной Венеции?

— Ничего не могу с собой сделать. Илья не выходит у меня из головы,— сказал Васильев.— Пойдем по набережной, Маша. Я тебе покажу мансарду, где я жил два года назад,— добавил он, и вновь ему захотелось и не удалось вернуть легкое, молодое настроение его прошлого приезда в Венецию.

...А тогда хорошо было пройтись весенним утром по теплой, еще влажной набережной, где уже завтракали туристы в открытых кафе, с удовольствием шагать по ее брусчатке, несколько устав от работы в снятой под мастерскую мансарде, и охватывало волнением надежды, любви, веры в бессрочность апреля.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

За последние десять лет в московской мастерской Васильева побывало много художников, и он охотно показывал каждую свою новую работу. Но все принятые в таких случаях слова, все эти «талантище», «удивил», «ну, знаешь ли», все эти восторженные или ревнивые восклицания, возведение взора к потолку, закладывание рук за спину, неопределенное мычание и глубокомысленное покашливание, продолжительное хмыканье со значительным видом и все жесты не то ошеломления, не то вежливого неудовольствия утратили первородную свежесть вместе с искренностью, он же сам почасту воспринимал это как необходимые издержки общения с собратьями по профессии, без которых, однако, жить в затворничестве невозможно.

Воскресные утра обычно начинались с того, что заходил кто-либо из «картинщиков», особей физически сильных, выносливых, нередко бородатых, обладающих мускулистыми руками молотобойцев, у которых въевшуюся краску под крепкими ногтями до чистоты отмыть было нельзя. В воскресенье непрошеный голос «картинщика» иногда бывал чрезмерно густ, сниженно гудел, запухшие глазки на плутоватом лице подозрительно красны, речь то и дело переходила на бытовую тему — на опустошенный нашествием друзей холодильник, где неплохо бы про запас иметь бутылку ледяного пива после проклятой субботы, и, покрякав, похохотав, покосившись на мольберт с начатой работой, на стеллажи, задернутые по стенам занавесью, гость наконец спохватывался, просил минеральной, на худой случай соку какого-нибудь, «можно и томатного, какой в холодильнике имеется», и, с наслаждением опорожнив бутылку холодной минеральной, безобидно уходил, к облегчению Васильева, освобожденного от утренних страданий коллеги. Затем перед обедом заглядывал сосед по мастерской (вторая дверь в коридоре налево) пейзажист Ахапкин, приятный, с тихим голосом и томными глазами человек, зимой одетый в желтую, всю в молниях курточку, летом — в шоколадного цвета шорты, чудовищно широкие на его худых волосатых ногах. Он тихонь-

БОР

[1] Так точно, сейчас (нем.)

ко стучал, тихонько открывал дверь и, бесшумно входя в мастерскую, делал осторожный шаг вперед, затем шаг назад, как бы втихомолку изображая для себя изящное па, затем переступал порог, стеснительно произносил поющим голосом одну и ту же фразу: «Добрый день, можно к вам? Простите, Владимир Алексеевич, вы на меня не обижаетесь?»

Этот изящный танец возле порога был давно замечен Васильевым, и он отнес его к суеверной странности милого, талантливого, одинокого художника, который нравился ему застенчивой немногословностью суждений и тонкой простотой. По обыкновению, Ахапкин извинительно озирал мастерскую, в задумчивости кончиком пальца касаясь подбородка, сконфуженно взглядывал на палитру, на холст и, замерев, бормотал в потрясении: «Какой сияющий колорит, Владимир Алексеевич... Вам позавидовал бы и Эдуар Мане». Он был влюблен в манеру и стиль Васильева, не пропускал ни одной его выставки, являясь преданным поклонником, готовый смотреть его работы часами. А когда Васильев однажды возразил в полушутку, что Эдуара Мане, несмотря на звонкие тона даже знаменитой «Олимпии», надо считать скорее салонным художником, чем отцом современной западной живописи, Ахапкин глянул на него взором ужаса, не произнес ни слова и тут же боком заскользил, заспешил к двери, испуганно оглядываясь, как если бы здесь хотели побить его. После этого Васильев в его присутствии перестал высказывать свое отношение к прославленному французу, ибо вступать в спор по поводу кумиров и учителей по меньшей мере неблагодарно. Тем более ему приятен был безобидный Ахапкин, неприспособленный ни к спорам, ни к злой зависти, с его ненадоедливыми визитами в мастерскую, с его восторженным, бескорыстным поклонением светонасыщенным краскам и живописи вообще, которую он ставил выше самой действительности и выше собственной жизни.

Вечером под предводительством художника Колицына приезжало скопом человек шесть, знакомых и незнакомых, знакомые вваливались беззастенчиво и шумно (актеры, писатели, редакторы), вносили терпкое ресторанное возбуждение, незнакомые же, жаждущие «посмотреть Васильева», стесненно топтались на пороге, точно в чужом храме, а Колицын, щеголеватый, с львиной гривой серебряных волос, облобызав Васильева, кричал полносочным баритоном, не соответствующим его сохраненной юношеской стройности, что придется, несмотря ни на что, некоторые вещи приоткрыть интересующемуся народу, который должен знать отечественные таланты,— и тогда надо было демократично показывать картины, снимать с полок, ставить на мольберт, потом к стене, потом одну на другую, в конце концов загромождая всю мастерскую. И гости, загораясь лицами от доступности художника, просили и требовали самых ранних его работ, послевоенных, которыми он еще в Суриковском, еще донашивая артиллерийскую шинельку, заявил о себе,— замоскворецкие переулки, затянутые лиловыми морозными сумерками; тупички с сугробами около заборов; метель, пивной ларек вблизи трамвайной остановки, черная очередь, залепленная снегом; вечерние огоньки в тихих двориках, заросших липами; заледенелые полукруглые мосты через Какаву, мотающиеся на ветру фонари ночной набережной...

Ранние работы, напоенные и переполненные настроением, но, как мнилось самому Васильеву, лишенные глубокой мысли и дерзости, цветовой емкости, так или иначе вызывали неподдельный интерес Колицына. Он подолгу стоял перед ними, скрещивая руки на груди, отходил от картины и подходил к картине, вздымал брови, его одутловатые щеки розовели горяченным румянцем, в треугольных, как у старого льва, глазах появлялся стоячий влажный блеск, однако ни похвального, ни хулительного слова он не молвил, только наконец заключал неопределенно: «Н-да, молодость любопытна». Фразу эту можно было воспринимать неоднозначно, по желанию, но Васильев предполагал, что ранние его работы неким образом снимали чувство неудовлетворения с Колицына, сближали обоих и переносили в ту обещающую пору молодости, когда все в общем-то были равны перед будущим и никто всерьез не думал ни о выставках, ни о славе, ни о продаже музеям картин. Удостоенный высоких званий, занимая высокое положение и должности, Колицын был жаден на похвалу, хотя в его искусствоведческой книге о послевоенном поколении художников Васильев не без любопытства прочитал о себе, что он заметный представитель «жесткого стиля», возникшего в конце пятидесятых годов, что опыт живописцев этого сурового направления хочет видеть жизнь такой, какая она есть, ничего не смягчая, не приукрашивая, и именно здесь его достоинства и недостатки. Тогда Васильев еще не утратил тщеславный интерес к тому, что писали о нем, и броское определение фронтового поколения — представители жесткого стиля — показалось довольно метким, ибо надоевший зализанный «академизм» и умиление в искусстве претили ему.

Они вместе учились в Суриковском, и длительное время делало их близко знакомыми, что позволяло Колицыну, живописцу, профессору, доктору искусствоведческих наук, председателю иностранной комиссии, часто заезжать в мастерскую не только по делам личным, но и по делам зарубежным. Иногда по работе своей комиссии он просил Васильева принять иностранцев, и показ картин заканчивался русским гостеприимством, иностранцы, хмельные, возбужденные, расходились глубокой ночью и со смехом, восклицаниями, лобызанием прощались возле лифта, роняя шляпы, извинялись, а Васильев потом прибирал в мастерской, испытывая опустошенность, угрызения совести после столь щедрого расхода нервных клеток и драгоценных, растраченных бесполезно часов.

В связи с последними событиями в его жизни — выставки, юбилей, лауреатство, избрание в Академию художеств — двери его мастерской уже вовсе не закрывались, особо в субботу и воскресенье, но к нему бесцеремонно стали заходить и в рабочие дни подчас совсем незнакомые люди, приносили и ранние и запоздалые поздравления, иные заискивали, иные просили денег, высказывали до стыда непотребный восторг, оставались к обеду, и целый день опрокидывался в бестолковую пустоту невозвратно.

Но потом он понял — это лукавила и приближалась его творческая гибель. Он понял, что надо немедленно отъединиться, запереться от всего мира, как бы уйти грешному в дальний монастырь, перестать дразнить судьбу, ибо обильные праздники слишком затянулись, оторвали его от ежедневной работы, одержимость которой он считал единственной оправданной формой существования. И Васильев разом решил оборвать все демократические нити, сжечь наведенные мосты перед порогом в мастерскую и погрузиться в монастырское одиночество работы, которая только и способна окупить собственное предназначение на земле.

Он пригласил лифтершу вымыть полы в тщательно проветренной им мастерской, дабы отмыть, отчистить ее от духа праздности, пустопорожней болтовни, тщеславия и успеха, расставил по местам и повернул лицом к стене картины, чтобы создать простор, отсутствие плоти, свободу, заготовил холсты и, в течение трех дней приведя мастерскую в состояние чистой кельи отшельника, вновь вернулся с еще не приходившим душевным облегчением к незаконченной работе — это был портрет режиссера Щеглова.

Ночуя в мастерской или приезжая очень рано, он запирался, не отзываясь на стук и звонки общительных и несколько обескураженных коллег, не подходил к телефону, за исключением условленного сигнала жены и дочери. Он относил себя к рабочим лошадям, и праздные человеческие голоса в коридоре вызывали в нем тоскливое бешенство, он ужасался напрасно потерянному времени и проклинал безмерное честолюбие «искусителя и завоевателя душ красотой», как сказал его друг Лопатин, шутя, предупреждая его от жажды удач, благосклонного везения и неискренней любви коллег.

И телефон, накрытый пледом, трещал понапрасну, шаги в коридоре приближались, топотали и удалялись, стук в дверь раздавался и требовательным напором и вкрадчивым поскребыванием, Васильев не отвечал, и в этих звуках чудилась ему взорвавшаяся ярость против него и ревность — ему вроде бы не прощали уход в одиночество и работу, эту ссылку в себя, он вроде бы обманул многих, кто хотел видеть его постоянно доступным.

Но раз ночью (всю неделю он не выходил из мастерской) его разбудил телефонный звонок, Васильев вскочил, спросонок ничего не соображая, зажег ночник над диваном, взглянул на часы: шел первый час ночи. Он боялся поздних, неурочных звонков, порой ошибочных, недобрых, связанных с несчастьем, не сразу снял трубку и услышал полносочный голос, по-видимому, не очень трезвого Колицына, говорившего с ерническим возбуждением:

— Что, разбудил тебя, бессмертный Гомер современной живописи? Нашел тебя, прости уж меня за настырность, наконец, ночью! Ну, знаешь!.. Тебя достичь сейчас потруднее, чем министра или схимника в пещерах. Как прикажешь понять: ушел в подполье, постригся в монахи? Или заела гордыня?

— Послушай, Олег,— проговорил Васильев рассерженно.— Ты на часы посмотрел? В это время спят все люди добрые, уважаемый товарищ секретарь...

— Называй меня хоть дубиной стоеросовой! — перебил Колицын.— Но уж если я тебя поймал, то я должен тебя немедленно увидеть. Ты слушаешь или нет? Я должен увидеть тебя немедленно. Я подымусь к тебе сейчас. Я звоню из автомата внизу. Через пять минут открой дверь. Я мерзну в автомате у твоего дома.

— Это на самом деле идиотизм несусветный! Какой может быть поздней ночью разговор?

Но там, в автоматной будке вблизи подъезда дома, в пустынной тишине зимней ночи, повесили трубку, и Васильев, раздраженный, подумал, что Колицын, по обыкновению, возвращался откуда-то из ресторана гостиницы после встречи на аэродроме и ужина с иностранцами и навеселе решил заглянуть в его мастерскую, вообразив, что этого не хватает для полноты чувств.

Но как только вошел Колицын, разгоряченный и против ожидания мрачный, в пыжиковой шапке, в расстегнутой синтетической шубе, как только переступил порог мастерской, Васильев понял, что он приехал не по причине полноты чувств и не по дороге из ресторана. Был Колицын совершенно трезв, непривычно бледен, его треугольные глазки мудрого стареющего льва, усталые, желто-зеленые, обежали с ощупывающей подозрительностью мастерскую, стоически повернутые к стене картины, задержались на мольберте, где начатый холст накрыт был куском материи, и он спросил с недоверием:

— Кто-то мне сказал, что ты работаешь по ночам?

— По ночам я хотел бы спать, чего желаю и тебе.

— Великий Микеланджело работал при свете свечей. И почти весь Ренессанс. И русские гении,— заговорил Колицын, торопясь.— Они работали, как каторжники, прикованные цепью в мастерской, они работали на бессмертие. Они были обречены на бессмертие. На что обречены мы?

— В первую очередь не выпрыгивать из собственного костюма. Без брюк неприлично, знаешь ли.

— Неприлична всегда бездарность. В любом костюме, Володя.

Голос его, обладавший глубокой сочностью, порой солидными, порой добродушно снисходительными оттенками, был сейчас низок и тускл, сдавленный возбуждением:

— Знаю, Володя, знаю, что слава художника — тень дыма, прихоть судьбы. А вот ты все же пишешь и уповаешь, что твой личный след в живописи останется, потому что умеешь думать красками. Надеешься ведь? Каждый талант надеется, иначе бы он не творил. Так, Володя? Или не так? А что делать тем, у кого хрупкий талантик? Жить в муках и бессилии? Что делать и думать травинке около куста шиповника?

— Расти рядом. Ты об этом хотел со мной поговорить? — сердито спросил Васильев и, чтобы подавить раздражение, притворно зевнул, закуривая.— Не думаешь ли ты, что дискуссия бессмысленна? Лучше скажи: кого встречал или кого провожал? Садись вот сюда

в кресло. Оно хорошо тем, что девятнадцатого века. Шик прошлого.

Однако Колицын не сел в кресло, бархатное, потертое, придавленное, поэтому заманчиво втягивающее в свое буржуазное лоно мягкой глубиной. Он обеими руками откинул назад густую серебристую гриву, спадавшую на воротник, и, не отнимая гибких, почти женских рук от висков, с тоской впился замутненными глазами в одну из повернутых к стене картин.

— Работал сегодня с утра, устал, вымотался, как дьявол,— заговорил Колицын подавленно.— И ничего не поймал: белый снег, белые деревья, белые дома и синее февральское небо уже с ощущением весны. Белое и синее. И какая-то фиолетовость. Не нашел, не поймал, не схватил! Измучился. Но не схватил февральскую прозрачность и белизну инея на солнце. А было вдохновение — полет творческой свободы!..

— О, ты не так громко,— уже откровенно зевнул Васильев.— Куда полет? Ходи по земле — так удобней. А то взлетишь, темечком в потолок мастерской врежешься. А ремонт нонеча дорог.

— Хочу серьезно спросить тебя, уважаемый метр,— проговорил Колицын, зло дергая головой.— У тебя бывают минуты полного бессилия? Когда ничего нет. Бывают минуты, когда ты чувствуешь, что бессилен передать себя... в цвете... на холст? Или ты счастливец, у тебя нет такого? Да, у тебя! Прекрасно жить с верой в свою гениальность.

Васильев поморщился, махнул сигаретой.

— Я никогда ни секунды не сомневался в том, что гениален. Тем более что бывали минуты, когда была полная уверенность, что я не осел в искусстве, а всем ослам осел, вернее не добротный осел, а тень осла. Что тебе еще ответить, Олег, в первом часу ночи? Могу еще добавить, что в живописи невозможно выразить, что делает чувство, когда дремлет разум. Как поступает чувство в таком случае — предмет литературы.

— Намек в мой адрес, Володя?

— В свой, твой и всей живописи. В живописи — две трети бессилия.

— Нет, подожди, Васильев! Я вспомнил сегодня один твой пейзаж,— встрепенулся Колицын, по привычке все откидывая обеими руками назад волосы, и заходил около стены, где стояли повернутые картины.— Твой пейзаж весенний — поля, фиолетовый снег в овраге, солнце в лужах на дороге... Где он у тебя? Кажется, здесь, вот здесь. Разреши посмотреть? Я вспомнил его сегодня, и я хотел увидеть... Ты считаешь его удачей? Как ты к нему сам относишься? Как ты?..

И, казалось, не выбирая в ряду картин, он перевернул одну из них в самом углу — весенний пейзаж, написанный Васильевым прошлым годом,— и попятился, отошел на несколько шагов, как-то пьяно начал покачиваться с каблуков на носки, вымученно улыбаясь, а его гибкие женские пальцы сбежались и сплелись за спиной в тесный замочек.

— В общем-то неудача, а какой простенький мотив,— сказал с досадой Васильев.— Непойманное мгновение, мое бессилие перед светом, если хочешь...

— Я не ошибся,— забормотал Колицын бредовой скороговоркой.— Угол в твоей весне выпал. Пустота в углу. А тут, где тени... перехолодил, надо теплее, теплее... Не-ет, ты густо замесил, но здесь ты не попал, не схватил... Я чувствую лопатками — ты промахнулся. Только небо. Вот здесь ты попал — чудесный источник света, источение весны. А все остальное — неудача, мертвечина, непопадание. Нет, и ты, мастер Васильев, бываешь бессилен, хотя в сто раз талантливее меня, и ты бываешь слабым! Смешно и пошло, а я сегодня думал о твоей неудачной весне, об этом пейзаже! — продолжал он свинцовым голосом презирающего свою искренность человека.— Вообрази, что сегодня я весь день думал о тебе!.. В конце концов у тебя счастливая судьба в искусстве, но ты не Энгр! Не Щедрин! И я не очень люблю твои вещи!..

— С какой же стати такой пафос? Для монографии, что ли?

— Не гений! Я сегодня подумал, что я наказан, безнадежен, потерял все, стал чиновником — и от моего таланта нет уже ни крупицы! Спасибо за твой пейзаж — нет, не я один, безумец, кусаю локти! Не я один, не я один!..

Его лицо, дрожащее выдавленной улыбкой, было измученным, измятым, его мутные, воспаленные глаза выражали недуг нервного срыва, близкого отчаянию, такого знакомого Васильеву, такого терзающего в те минуты недобро открывшегося Колицына, которого, оказывается, казнила беда сжигающего желания искать острый огонь нескончаемой пытки.

Продолжение следует.

ЗЕЛЕНАЯ АПТЕКА

К. БАРЫКИН
Фото И. ТУНКЕЛЯ

Названия-то как хороши — череда-трава, иван-да-марья... полынь-трава... Горька, но полезна.

Тысячи лет травы служат человеку — исправно и надежно служат. За то и прославлены торжественным стихом: «Свойства различных трав я воспеть собираюсь и справедливым считаю». Так начинался лечебник одиннадцатого века. Гиппократ, Гален... И, конечно, Авиценна.— Три оружия есть у врача: слово, растение, нож,— писал он. Да что там давняя давность! Что лекари! Им травы знать и пользовать по штату положено. Николай Васильевич Гоголь всегда и всюду возил с собой «Книгу всякой всячины или подручную энциклопедию», начинена она выписками. «Гулявица-рябинка. Пригодна от одышки... Мать и мачеха. Умягчает всякие опухоли... Купена. Щеголихи моют уваром ее худощавые щеки и через то полнеют...».

Заметен вклад русского естествознания в изучение флоры, в выявление полезности и силы растений. А это огромный и пока мало познанный мир. Более 20 тысяч видов растений произрастает на территории нашей страны. Есть предположение, что из них — многие лекарственные. А об остальных сведений нет по одной причине — не изучены эти травы. Российский царский «аптекарский огород» — лишь эпизод в глубокой и большой истории лекарственного зелья, факт народного умения обращаться с ним; свидетельство того, что издавна траву не только собирали, но и выращивали. Наслаивались эмпирические исследования, накапливался по крупинке опыт, шлифовался практикой. Славились подлинные травознаи, лекари из народа, без корысти служили они людям и накопили такой багаж знаний, цены которому нет. Только не все дошло до нашего времени, многое заслонили время и забвение. Жаль, конечно, но потерянного не вернешь, как говорится. Важно сейчас поставить заслон перед потерями нынешними и будущими.

Забвение это началось не случайно, пришло вместе с бурным и неотвратимым, как тогда представлялось, нашествием синтетических лекарственных препаратов: всем казалось, химия избавит нас от хвори, дав чудодейственные мази и таблетки. В общем-то, разобраться, так оно и есть — лекарства из пробирки принесли и приносят пользу неоценимую, но это вовсе не значит, что должны вытеснить они скромный цветок ромашки или толокнянку, которая так проста, что и зовется-то «обыкновенной». А уж об облепихе или женьшене и разговора нет... Пытается человек выращивать их на делянках. Но у трав свой норов, и медленно, неохотно поддается одомашниванию тот же женьшень, иная лесная и полевая растительность... И отправляются каждое лето в леса и в предгорья тысячи сборщиков, чтобы найти, взять и высушить то, без чего медицина не обходится, словно позабыв о недавнем безоговорочном нашем поклонении перед лекарством синтетическим, могучим, нужным, но все же не природным.

Вовсе не случайно ныне снова всколыхнулся во всем мире интерес к травам и растениям в медицине. На недавней выставке «Здравоохранение-80» я беседовал с одним из зарубежных фармакологов, он сказал: «На асфальте ни шиповник, ни даже крапива не растут... Мы завидуем вашим просторам и вашим запасам лекарственного сырья...» Другие мои выставочные собеседники подчеркивали: есть основания полагать, что значение лекарственных растений и получаемых из них биологически активных веществ будет возрастать. И не шумное это поветрие, не дань моде; понял человек и с особой остротой ощутил, что он и природа неделимы. И это вовсе не бунт против химической цивилизации, это мышление повзрослевшего человека.

Растения хороши и нужны сами по себе, растения являются и «рудником», из которого добываются активные, полезные вещества.

В растении есть истинность настоящего.

...Идут в леса и на луга травознаи и сборщики. Мы с Зинаидой Дмитриевной Пустыльной, товароведом по лекарственным растениям Изяславского райпотребсоюза, только что приехали на один из дальних заготовительных пунктов. Сюда приходят не только кооператоры, но и многие жители ближайших сел и поселков. Тянется народ — кто с лукошком, кто и с большущей корзиной. Не сразу так повелось. Был прежде иной порядок: весь почет и уважение сдатчику, который собирал всего помногу и сдавал десятками килограммов. А придет парнишка с сумочкой, в ней подорожника килограмм, его вроде и не замечают: «подожди», «не мешай работать...». Помыкается паренек и начинает забывать дорогу к заготовителям. Но изменили они тактику, и пошло иначе дело. Привечают каждого, кто делает свой взнос в лекарственную копилку. И сейчас прибежали ребятишки: выдался час после уроков, пошли в лес и набрали всякой лесной травы. Сдают, записывают на свою школу: интересно им, кто кого опередит, кто больше соберет и сдаст?

Степан же Громюк давно вышел из школьного возраста, можно сказать, солидный, знающий сборщик. Сегодня он урожай свой привез на «Запорожце», выгрузил мешок аиркорня: «Ну-ка, Дмитриевна, прикинь на весах...»

— Сейчас плату возьмешь?— Приемщик выписывает накладную, протягивает ее Громюку.

— Да нет, зачем спешить, на ковер соберу. Ковры-то хорошие есть? Ты закажи, если на складе нет...

Солидно и обстоятельно работают кооператоры области. И когда зашел у нас недавно разговор о лекарственном сырье с председателем Правления Центросоюза Алексеем Алексеевичем Смирновым — а именно кооператоры дают стране основное количество сырья,— он отметил: «В Хмельницкой области работают инициативные и знающие люди. Если бы каждая область, имеющая такие же природные ресурсы, давала лишь половину того, что заготовливают хмельницкие кооператоры, проблем с лекарственным сырьем было бы гораздо меньше. Пока же картина пестрая — в одних местах работают хорошо, в других хуже».

Центросоюз пытается сейчас выработать стройную систему сбора лекарственных растений. В Латвии создают «лесные лагеря» — приезжают сюда желающие, получают место в лесном домике, отдыхают и собирают траву и ягоду. Заготовитель ждать не заставит, сам придет и закупит собранное. Хорошо это еще и тем, что оберегает лес от расхищения — ставят такие палатки не где придется, а там, где сбор вреда не причинит. Похожий опыт есть в Калининской и Владимирской областях.

Практика показала, что такая форма работы приносит свой результат. Ведется подготовка к тому, чтобы больше внимания сбору отдавали пайщики кооперации, чтобы создавались постоянные коллективы сборщиков. Заместитель председателя того же Хмельницкого облпотребсоюза Борис Иванович Лищишин заметил в моей с ним беседе: для заготовок лекарственных растений важно иметь постоянный состав сборщиков. Почему? Во-первых, люди будут лучше знать свое дело — это само собой разумеется. Во-вторых, заготовки предполагают бережное отношение к природе, помощь лесу и лугу, а не растаскивание его. Человек случайный может с этим и не посчитаться, а тот, кто считает заготовку делом своим, и получает от такого занятия немалую добавку к своим доходам, такой человек позаботится и о природе, и о восполнении ее ресурсов, о бережном отношении к зеленому цеху.

— Особенно это важно для тех, кто ведет заготовки неподалеку от больших городов,— словно продолжает эту мысль председатель Луховицкого райпотребсоюза Московской области Иван Никифорович Артюшкин. Он только что показывал мне небольшое кирпичное строение — заканчивается сооружение сушилки, она позволит быстрее, качественнее готовить сырье. Несколько лет назад Московские областной и городской Советы народных депутатов приняли решение об охране редких дикорастущих растений вокруг Москвы, и заготовители руководствуются положениями этого решения, оберегают колокольчик широколистный и медуницу, купену и, конечно, ландыш, тот самый, проходя мимо которого прежде, мы привычно наклонялись и срывали — нужно не нужно, какое это имеет значение...

Кооператоры и стремятся, чтобы и школьник сызмальства присматривался к делу, чтобы трудовой свой семестр студент кооперативного института или техникума провел на лесной делянке: не обидит такой человек лес или поляну и к тому же узнает, что это за труд — сбор травы.

В эту заботу свой заметный взнос делают и аптечные управления. Недавно листал изданное республиканским Домом санитарного просвещения Минздрава РСФСР руководство «Лекарственные растения». Пятьдесят страничек — тут и правила сбора, и охрана дикорастущих, и умение их высушить. Есть главка и о самолечении — целебные травы могут оказаться и вредными, если принимать их без врачебной рекомендации и без контроля. «Настоя от всех болезней нет. Тот же зверобой,

●

В селекционном питомнике: научные сотрудники Всесоюзного института лекарственных растений Б. С. Ермаков и Н. И. Майсурадзе, президент ВАСХНИЛ П. П. Вавилов, академик ВАСХНИЛ А. В. Пухальский, директор ВИЛР П. С. Чиков. * На полях Московской экспериментальной базы института идет уборка ромашки.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Химик производственно-экспериментального завода ВИЛР О. И. Бурма. * В институте изучены многие виды лекарственных растений: ромашка аптечная, облепиха, ноготки и валериана лекарственные, стальник полевой, лук голубой, катарантус розовый, мачок желтый, паслен дольчатый.

хоть его в народной медицине и справедливо называют травой от девяноста девяти болезней, «полевой аптекой», не всегда полезен.

Российские фармацевты немало забот вкладывают в «зеленую аптеку». В шести краях и областях Российской Федерации созданы советы по координации сбора, заготовок, охране и рациональному использованию природных ресурсов. Это уже сказалось на заготовительной деятельности. В республике определены 130 заказников, с участием ученых-ресурсоведов идет изучение и освоение новых территорий, выявляются места произрастания лекарственных растений. В тридцати шести аптечных управлениях начато и такое хорошее дело: на пришкольных участках базовых школ, на делянках станций юных натуралистов высевают и высаживают ромашку аптечную, календулу, валериану. В РСФСР открыто двадцать специализированных аптек «Лекарственные растения». А в Узбекистане закладывается уникальный ботанический сад — в нем будут растения, названные в «Каноне врачебной науки» Авиценны. Ведет свою полезную работу Всесоюзный институт лекарственных растений (которому посвящена цветная вкладка «Огонька»).

В ВИЛРе работает большой коллектив ученых и практиков, они изучают запасы лекарственных растений, помогают сохранить исчезающие, проверяют, как быстро растут те или иные травы в природных условиях. Здесь, в институте, составлен «Атлас ареалов и ресурсов лекарственных растений».

Институту этому скоро исполняется пятьдесят лет: возраст солидный, зрелый. Немало доброго и нужного сделано за эти годы сотрудниками уникального научного учреждения. Несколько лет назад был я в одном из южных филиалов института, видел, как нелегка и важна работа ученых: тогда они спасали исчезающий вид, давали ему вторую жизнь.

На основе современных методов и приемов выведены 44 сорта лекарственных культур, разрабатываются комплексные приемы агротехники, конструируются машины и механизмы — тут появились валерианоуборочный комбайн, приспособление для сбора мака, машина, убирающая ромашку...

Когда узнаешь обо всем этом, вроде бы и основания для тревоги пропадают. Смотрите, сколько сделано! Но заходишь в аптеку: трав мало, сборов того меньше, до решения проблемы еще очень далеко.

Да, работа идет, и немалая... Но почему же тогда нередко уходит человек из аптеки, так и не найдя в ней нужной травы? Почему та же ромашка аптечная столь упрямо держится в списках дефектуры, а попросту говоря, недостает ее, ромашки?

Беда в том, что трава до сих пор, по сути, бесхозна, хотя и занимаются ею разные ведомства и организации — и медицинская промышленность, и лесхозы, и фармацевты, и, конечно, кооператоры... О бесхозности говорит и такой простейший факт. Посмотрите на коробку с тем же шалфеем или корой дуба. Ни у одного химического лекарства вы не найдете упаковки столь бедной и примитивной. Коробка из плохонького картона, из щелей лекарство сыплется. Невнятно напечатанные надписи, невразумительно составленные рекомендации. Одну траву пакуют едва ли не по килограмму, а другую развешивают в стограммовые пакетики. Но и они велики, так как упаковка не позволяет сохранять траву. Как иначе? По-разному. В частности, использовать опыт Бакинской чаеразвесочной фабрики, где проверили возможность упаковывать травы в небольшие пакетики — на одну заварку. И вес ее точно дозирован, и гигиенична она и в хранении удобна. Поинтересовался в восьми областях — есть ли там трава в пакетиках на заварку? Семь собеседников из восьми даже не знали, что это такое — разовая заварка. Удивились: возможно ли такое? Хотя не удивляются, привыкли, покупая черный байховый чай (тоже ведь, разобраться, лекарственное растение) в трехкопеечном пакетике. Думаю, что такая разовая упаковка помогла бы и более бережному отношению к траве. Сейчас ее дома отмеряют на глазок. Есть пачка липового цвета, сыпь без остатка, заваривай... А была бы загодя отмеренная порция, кто стал бы больше пользовать, готовить на выброс?

Да, у травы нет единого хозяина. А семь нянек, они и есть семь нянек.

Лесники не успевают, у них других забот полон рот, хотя и травой занимаются, вменено им это в обязанность. Аптекари стараются, так как ближе всего к потребителю травы, знают на нее спрос, но не могут и никогда не смогут сами фармацевты обеспечить травой аптечные прилавки. Да и не следует так вопрос ставить. Они, фармацевты, делают много, но это много меньше потребностей. Кооператоры заготавливают травы, но пока находятся в полной зависимости от природы: они ищут траву, но почти не занимаются ее воспроизводством, они берут то, что попадается.

Нет у трав и координатора. Хотя есть планы, их охотно, но не всегда точно составляет Всесоюзное объединение «Союзлекраспром». Это по его наметкам в наступающей пятилетке лекарственной травы будет нужно на тысячи тонн больше, чем в нынешней. Но как их, эти тонны, соберут, вам с точностью никто не скажет. Как быть? Прежде всего определить траве хозяина. Полного, с высокой мерой прав и ответственности. Видимо, им, таким хозяином, мог бы стать главный потребитель трав — Министерство медицинской промышленности СССР. Уже сейчас в системе этого министерства работает несколько совхозов лекарственных растений, есть заводы и фабрики по их переработке.

Но совхозы дают лишь часть необходимого сырья. Полагать же, что все может быть собрано на лугах и полянах, неверно. Во-первых, не беспредельна природа, нельзя рассчитывать на то, что и через год-второй, не говоря уже о десятилетиях, она будет так же богата и щедра. Уже сейчас введен запрет (правильный запрет!) на сбор некоторых трав и растений, которые еще вчера были в избытке, а ныне стали редкой редкостью. Совхоз же мог бы культивировать именно те растения, которые особо нужны и аптекам и промышленности — большая часть травы идет на переработку.

Пока совхозов очень мало. Вот и появляются объявления, одно из которых я недавно встретил: «Продаю саженцы облепихи, лимонника, барбариса амурского, элеутерококка, аралии маньчжурской, аронии, черного корня...» Покупают, разводят свои плантации, опережая промышленность. Выращивают даже облепиху, собирают немалые урожаи, несут ягоду на рынок; спрос-то на нее велик и не уменьшается. Но не только совхозы нужны Минмедпрому. Не помешали бы развитию дела и большие фирменные аптеки — торгующие только лекарственными травами. Тогда ближе был бы производитель к потребителю, лучше бы знал запрос, мог бы конкретнее составлять планы. Есть подобные аптеки; одна, помнится, так и называется «Флора», но находятся они в ведении Минздрава. Я же говорю об аптеке, принадлежащей головному министерству. От нее может быть двоякая польза: такая аптека послужит не только покупателю лекарственной травы, но и тем, кто ее выращивает и собирает, советами и консультациями, точными данными о спросе, связями с врачами. Не исключено, что базовая аптека могла бы посылать в глубинку не только за растениями, но и просто к травознаям поговорить, послушать. Как сейчас филологи идут за народным фольклором, так шли бы фармацевты за народным рецептом, за мудростью, за опытом.

Словом, если мы хотим поставить траву на нужды здравоохранения, надо прежде всего подумать о самой траве. Потребительский и полупрофессиональный подход тут не то что неэффективен, но и вреден.

А пока... Пока я захожу в аптеку и слышу диалог:

— Ромашка есть?

— Нет ромашки.

— А шалфей?

— И шалфея нет...

Попала ромашка аптечная в дефектуру. Надолго ли?

●

Фондовая оранжерея институтского ботанического сада. * Лаборант М. П. Очинашко проводит облучение семян лекарственных культур. * В лаборатории фармакологии исследуют новые лечебные препараты. Заведующий лабораторией С. Я. Соколов и младший сотрудник Г. В. Вишнякова.

КОНКУРС ЧИТАТЕЛЕЙ ОГОНЕК
СТРОКА В БИОГРАФИЮ СТРАНЫ

КАЗАЧКА АНЯ ПЛАНТОВА

У этого фронтового снимка курьезная история. Когда полковой фотограф щелкнул затвором фотоаппарата, перед гвардии лейтенантом Анной Плантовой словно из-под земли вырос командир гвардейского кавалерийского корпуса генерал Исса Плиев. Вскинув черные кустистые брови, генерал строго спросил:

— Гвардии лейтенант, почему без погон?! Пять суток за нарушение формы одежды!

Но отбыть наказание лейтенанту Плантовой не довелось. Наутро разгорелся бой за станцию Валуйки. Вместе со своим персоналом (Плантова была начальником санслужбы полка) она занималась транспортировкой раненых кавалеристов. В одну из таких вылазок Анна неожиданно скатилась в траншею и лицом к лицу столкнулась с дюжим фельдфебелем. Завязалась рукопашная схватка. Немец вскинул пистолет, но нажать спусковой крючок не успел. Анна ловким приемом самбо припечатала гитлеровца к земле, обезоружила его и доставила в штаб. В бою за станцию Валуйки гвардии лейтенант вытащила на себе 36 раненых кавалеристов.

Вручая Ане медаль «За отвагу», генерал Плиев поинтересовался, как это ей удалось одолеть этакого верзилу-фельдфебеля, и тут кто-то из командиров спросил:

— Товарищ генерал, как быть с пятью сутками, объявленными гвардии лейтенанту Плантовой?

Командир корпуса, спрятав улыбку в усах, махнул рукой:

— Отсидит после победы!

С первого до последнего дня войны прошла в рядах казаков-кавалеристов Анна Михайловна Плантова по трудным фронтовым дорогам. Была ранена, контужена. К той памятной медали «За отвагу» прибавились орден Красной Звезды, медаль «За боевые заслуги» и другие награды. Спортсменка, любимица казаков, Анна никогда не терялась в самой, казалось бы, безвыходной ситуации. На Северском Донце в районе Чугуева был случай. Плантова с санитаром добирались в одно из подразделений. Дорогу развезло. Аня решила переобуться. Только сняла валенки и вытащила из вещмешка сапоги, как вдруг санитар крикнул: «Немцы!» Анна бросилась в студеную воду реки. Подбежали гитлеровцы, заорали: «Русская гадина, вылезай!» Аня нырнула. Автоматные очереди вспороли барашки волн. На секунду вынырнув, чтобы вдохнуть воздух, вновь скрылась под водой. Под непрерывным огнем чудом добралась до противоположного берега, а затем переправилась к своим...

Муж Анны Михайловны, полковник в отставке Федор Семенович Плантов, восторженно говорит:

— Ох, и лихая казачка была Аня!

И, верно, о таких писал поэт: «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет!».

Сейчас А. М. Плантова живет в Пятигорске.

...Листаю страницы фронтового альбома. С каждым снимком связана какая-нибудь необычная история.

Ю. ДУРНЕВ, подполковник

Исполняется 100 лет со дня рождения Андрея Белого (литературный псевдоним Б. Н. Бугаева), крупного русского писателя. Виднейший представитель русского символизма, и поэт, прозаик, литературный теоретик и критик, он оставил огромное литературное наследие. Творчество Белого порой достигало вершин подлинной гениальности. Его лучшие стихи (такие, например, как составившие яркий, проникнутый чувством любви к Родине сборник «Пепел»), проза (роман «Петербург», мемуарная трилогия), критические статьи и теоретические изыскания являют нам не только талант художника, но и своеобразную мысль очень интересного философа.

Андрей Белый родился 26 октября 1880 года. Отец Андрея Белого — известный математик, профессор Московского университета Н. В. Бугаев. Детство и юность Белого прошли в окружении цвета ученого мира Москвы — в доме Н. В. Бугаева на Арбате постоянно бывали многие профессора университета. Учился Андрей Белый в гимназии выдающегося русского педагога Л. И. Поливанова, открывшего перед будущим писателем мир русской литературы. Но судьбу Белого как писателя определило знакомство в 1896 году с семьей Михаила Сергеевича Соловьева, брата философа В. С. Соловьева. У Соловьевых собиралась литературная и философская Москва, именно здесь поняли и поддержали талант Белого, здесь же открыли гений его ровесника Александра Блока, с которым Белого соединила судьба, сплетя прихотливую сеть «дружбы-вражды». Уже учась в университете (Белый закончил естественный факультет), он становится писателем, заметно влияющим на развитие современной русской литературы.

Наследник и продолжатель традиций Гоголя в прозе; своеобразный поэт, создатель четырех «Симфоний», стихов, вошедших в сборники «Золото в лазури», «Пепел», «Урна», прелестной поэмы «Первое свидание»; автор статей и литературоведческих исследований, вошедших в книги «Символизм», «Луг зеленый», «Арабески», А. Белый привлекает сейчас все большее внимание широкого читателя. В Большой серии «Библиотеки поэта» напечатаны его лучшие стихи, недавно вышел отдельным изданием роман «Петербург». Видимо, настало время более полно издать наследие А. Белого, его статьи и исследования по литературе, прозу и, конечно, воспоминания — блестящую мемуарную трилогию, раскрывающую очень лично и страстно целую эпоху русской жизни на рубеже двух эпох. Подобно многим талантливым людям, А. Белый был крайне противоречив, но сегодня, оглядываясь на его судьбу, мы можем сказать, что в конечном итоге путь писателя привел его к революции, которую Белый приветствовал, осознав как мировую стихию. Как и Блок, Белый после революции подвергся отчаянной травле со стороны даже бывших друзей. «Звонил Есенин,— записал Блок 22 января 1918 года,— рассказывал о вчерашнем «утре России» в Тенишевском зале. Гизетти и толпа кричали по адресу его, А. Белого, и моему: «изменники». Не подают руки...»

Последнее десятилетие своей жизни (писатель умер в 1934 году) А. Белый активно трудился в советской литературе, он создает интересные романы о Москве, пишет путевые очерки, работает над мемуарами, исследованиями о Гоголе, Пушкине и т. д. На пленуме Оргкомитета Союза писателей 1932 года Белый выступил с яркой речью, в которой сказал о готовности всем своим творчеством служить революционной России.

Мы публикуем отрывки из написанных Белым в 1922 году малоизвестных воспоминаний об Александре Блоке, относящихся к лучшим страницам мемуарной прозы А. Белого.

Андрей БЕЛЫЙ

«СЕЙЧАС, ВЧЕРА, ВЕЧНО...»

Первая встреча с Блоком

Мне помнится: в январе 1904 года за несколько дней до поминовения годовщины смерти М. С. и О. М. Соловьевых, в морозный пылающий день раздается звонок. Меня спрашивают в переднюю — вижу: стоит молодой человек и снимает студенческое пальто, очень статный, высокий, широкоплечий, но с тонкой талией; и молодая нарядная дама за ним раздевается; это был Александр Александрович Блок, посетивший меня с Любовью Дмитриевной.

Поразило в А. А. Блоке — (то первое впечатление) — стиль: корректности, светскости. Все в нем было хорошего тона: прекрасно сидящий сюртук, с крепко стянутой талией, с воротником, подпирающим подбородок,— сюртук не того неприятного зеленоватого тона, который всегда отличал белоподкладочников, как тогда называли студенческих франтов; в руках А. А. были белые верхние рукавицы, которые он неловко затиснул в руке, быстро сунув куда-то; вид его был визитный; супруга поэта, одетая с чуть подчеркнутой чопорностью, стояла за ним; Александр Александрович с Любовью Дмитриевной составляли прекрасную пару: веселые, молодые, изящные, распространяющие запах духов.

Что меня поразило в А. А.— цвет лица: равномерно обветренный, розоватый, без вспышек румянца, здоровый; и поразила спокойная статность фигуры, напоминающая статность военного, может быть, «доброго молодца» сказок. Упругая сдержанность очень немногих движений вполне расходилась с застенчивомилым, чуть набок склоненным лицом, улыбнувшимся мне (он был выше меня), с растерявшимися очень большими, прекрасными голубыми глазами, старательно устремленными на меня и от усилия разглядеть чуть присевшими в складки морщинок; лицо показалось знакомым: впоследствии, помню, не раз говорил я А. А., что в нем есть что-то от Гауптмана (сходство с Гауптманом не поражало поздней).

Это первое впечатление подымало вопрос: «Где ты видел его?» И казалось, что должен бы дать ответ себе: «Видел духовно, в стихах». Нет, тот образ, который во мне возникал из стихов, сплетается сознанием с образом, возникавшим во мне неизменно: с фигурою малого роста, с болезненным, белым, тяжелым лицом — коренастою, с небольшими ногами, в одежде, не сшитой отлично, с зажатыми тонкими, небольшими губами и с фосфорическим взглядом, вперенным всегда в горизонт, очень пристальным, очень рассеянным к собеседнику; я, разумеется, видел А. А. с перечесанными назад волосами; не думал, чтоб он был такой; просто образ во мне подымался при чтении строчек:

> Заря бледна и ночь долга,
> Как ряд заутрень и обеден.
> Ах, сам я бледен, как снега,
> В упорной думе сердцем беден...

Или:

> Мое болото их затянет,
> Сомкнется мутное кольцо,
> И, опрокинувшись, заглянет
> Мой белый призрак им в лицо.

А курчавая шапка густых чуть рыжеватых и кудрявых мягких волос, умный лоб — большой, перерезанный легкою складкой, открытый; так ласково мне улыбнувшийся рот и глаза, голубые, глядящие вовсе не вдаль, с чуть сконфуженной детскостью; рост, эта статность,— нет, все это было не Блоком, давно уже жившим во мне, «Блоком» писем интимнейших, «Блоком» любимых стихов, мной затверженных два уже года. Скажу: впечатление реального Блока, восставшего посредине передней арбатской квартиры (мне Блок рисовался на фоне заневских закатов, на фоне лесов, у горы) — впечатление застало врасплох; что-то вовсе подобное разочарованию подымалось; от этого пуще сконфузился; бросился торопливо приветствовать гостя; супругу его, проявляя стремительность бо́льшую, чем подобало; не по себе было мне; и мое состояние, я чувствовал, передается А. А.; он становится и любезным, светским, смущаясь смущеньем моим...

С заминкою проходили в гостиную, где я, как мне кажется, познакомил А. А. и Л. Д. с моей матерью; все вчетвером мы уселись. Меня поразила та чуткость, с которой А. А. воспринял впечатление, которое вызвал во мне; впечатление на нем отразилось, придав всем движениям крепкой и статной фигуры его мешковатость; он внутренне затоптался, не зная, как быть, что ему говорить; молчала спокойно Л. Д., сев в сторонке и наблюдая нас; чувствовал я, что А. А. с выжидательным любопытством все ждет от меня я не знаю чего: слов ли, жестов ли, непринужденности ли (просто ждал разряжения атмосферы, в которой держал его); помню, как мы пренеловко сидели на старых, потрепанных креслах оливковой нашей гостиной... Здесь, в этих креслах, четырнадцатилетием ранее, дедушка Блока сидел, А. Н. Бекетов, с профессорами Любимовым и Имшенецким; я помню: седой, благодушный, с длиннейшею бородою и падающими на плечи кудрями, поглядывал он на меня, меня гладил, и — посадил на колени.

Запомнился ясный морозный денек, и запомнился розовый луч преклонного солнца, и розово-золотистая сеточка атмосферы, сквозь шторы зарившая рыжевато-кудрявую голову Блока, склоненную набок, недоуменные голубые глаза, и застывшую принужденно улыбку, и локоть дрожавшей руки, упиравшейся неподвижно о полустертую ручку старофасонного кресла,— руки, развивавшей дымки папиросы в зарю; слов, которыми мы обменялись, — не помню; но помню, что мы говорили об очень простых, обыденных вещах: о А. А., о Москве, о знакомых, о «Скорпионе», о «Грифе», о Брюсове, все убеждавшего нас, чтобы не писали у «Грифа»; и помнится, говорили о том, что нам следует говорить основательно; вспомнили даже слегка о погоде; и улыбнулись втроем тут визитности тона — тому, что еще не умеем друг с другом мы быть; лед затаял, я бросился, совершенно некстати, анализировать тон визита: нам трудно-де выискать тон после писем друг к другу; у каждого друг к другу за эти те годы — рой мыслей, мешающих непосредственно видеть.

Замечу: А. А. обо мне верно думал иначе; не соответствовал в письмах я «глупому» виду; в строках, посвященных мне, А. А. писал, что кому-то дано на позолоченных счетах исчислять законы времени; и понять, что — темно: моя бренная личность была этим «кем-то», теперь эта личность сидела перед Блоком и видом своим хоронила себя самого. Затрудняла общение разность, разительная в темпераментах (меланхолического в А. А., сангвинического во мне), затрудняли общение методы выявления на людях; и мне и А. А. приходилось страдать от различия наших внутренних биографий от внешних, и мне и ему приходилось утаиваться; был А. А. близок к матери, но чужд отчиму (личности благородной, прекрасной), чужд родственникам, университету, родне Любовь Дмитриевны, и военной среде, проникавшей во внешние условия жизни его: ведь А. А. жил у отчима, полковника, в Гренадерской казарме. И я, в свою очередь, жил в одиночестве (за исключением Соловьевых). До двадцати почти лет не было у меня никого; развивался — «украдкой». Все налагало особую трудность в общении с людьми; наши чаяния, мысли, стихи созревали в подполье, которое оберегали мы оба, и нарастали на нас отложения среды, или — маски, не оттого ли так часто являются маски в поэзии Блока. Здесь — неземная, там — снежная, и оттого-то в ту пору писал я о «масках». Так, «Маска» — название статьи, написанной мною в этом периоде; в ней говорю: появляется среди нас «Маска», надо быть осторожным.

Ходили мы в «масках»; замаскированные встретились; замаскированные сидели в тот день...

Но под маской дворянской в Блоке таился неведомый Лермонтов, Пестель, готовый на все; под моими идеями, крайними, вероятно,

Вступительная заметка и публикация В. Енишерлова.

тмился — минималист, осторожный, и — постепеновец, выщупывающий дорогу, бредущий окольным путем (методических обоснований, намеков), всегда выжидающий мнение собеседника, чтобы потом лишь открыться; А. А. был во внешнем — спокоен; я — торопился, всегда на словах забегая вперед; но на твердое «да» или «нет» я не шел; А. А. — шел...

Запомнился этот морозный денек; и запомнились мне фонари на Арбате — в зарю, и, — заря, погасившая; грусть, охватившая. Я пошел поделиться своим впечатлением о Блоке к Петровскому, и не помню, как именно очутились мы с ним на Никитском бульваре, здесь я рассмеялся: «Да, знаете, — вот неожиданным оказался, совсем неожиданным Блок»...

Поездка в Шахматово

...В конце мая 1904 года я получаю от Блока настойчивое приглашение в Шахматово; С. М. Соловьев в Москве должен присоединиться ко мне; приезжаю из Тульской губернии я в июне в Москву; здесь задерживаюсь дней десять (дела, срочная работа в «Весах» и т. д.); поджидаю С. М. Соловьева, окончившего гимназию и гостившего у друзей (в имении, недалеко от Москвы); в эти дни умер Чехов; в Новодевичьем монастыре посещаю могилу его. Лишь в последние числа июня, а может, в начале июля, решаюсь я ехать к А. А.; присоединяется ко мне А. С. Петровский, совсем неожиданно; я не помню, как он решил ехать со мной, но помню, что, сидя в вагоне, мы оба перепугались, почувствовали конфуз; я — от сознания, что еду впервые к А. А. и везу с собой спутника, которого не приглашали хозяева; А. С. — от того, что он сам «напросился».

Незаметно приехали так на Подсолнечную, где вышли и наняли тряскую, неудобную бричку; на ней прокачались мы верст 18 до Шахматова, озираясь на кочки, на лес, на болота, на гати; был лес — невысокий, но частый... Меня поразило различие пейзажей под Крюковом и под Подсолнечной; один стиль пейзажа до Крюкова: стиль ковровых лугов, очень ровных, пересеченных лесами, всегда белоствольными, с малой неровностью почвы, с обилием деревень; от Поварова до Подсолнечной стиль изменяется: пейзажи становятся резче, красивей и явно дичают: больше гатей, оврагов и рытвин; деревни — беднее; их меньше; уже не московская, а тверская губерния; Русью Тверской уже веет (Тверская же Русь — не Московская Русь) — тою Русью, которая подлинная и о которой А. А. так чудесно сказал:

О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!

Здесь, в окрестностях Шахматова, что-то есть от поэзии Блока; и даже, быть может, поэзия эта воистину шахматовская, взятая из окрестностей; стали горбины, зубчатые лесом; напружинились почвы и врезались зори:

И от вершин зубчатых леса
Забрезжит брачная заря.

Обилие хмурых горбин и болот с очень многими окнами, куда можно кануть — пойдешь прогуляться и канешь в окошко, — все это вплотную обстало усадьбу, где вырос А. А.; здесь — водится нечисть; здесь — попик болотный на кочке кощунственно молится за «лягушечью лапу, за римского папу»; колдун среди пней полоняет весну; и маячит дымком «Невидимка»; сюда же Она на заре опускается розовым шелком одежд.

Я описываю окрестности Шахматова, потому что в поэзии Блока отчетливо отразились они — и в «Нечаянной Радости», и в «Стихах о Прекрасной Даме»; мне кажется, знаю я место, где молча стояла «Она», «устремившая руки в зенит»: на прицерковном лугу, заливном, около синего прудика, где в июле — кувшинки, которые мы собирали, перегибаясь над прудиком с риском упасть в студенистую воду; и кажется, что гора, над которой «Она» оживала — вот та:

Ты горишь над высокой горою...

Гора та — за рощицей, где бывает закат, куда мчалися искры поэзии Блока; дорога, которой шел «нищий», — по битому камню ее узнаю («Битый камень лег по косогорам, желтой глины скудные пласты»), то — шоссе меж Москвою и Клином; вокруг косогоры, пласты желтой глины и кучки шоссейного щебня, покрытые белым крестом; здесь, по клинско-московской дороге, я мальчиком гуливал; и собирал битый камень: под Клином, верстах в 20-ти у Демьянова, где проживал восемь лет и откуда бывал я в Нагорном; бывали и Блоки в Нагорном, — посередине дороги меж Клином и Шахматовом...

Импровизирую я: в эти годы не мог изучать я природу под Шахматовом оком биографа, общие линии пейзажа запомнились: связь их с поэзией Блока — явна; а гора и дорога — за них я ручаюсь: шел нищий по этой дороге, имея направо ту самую гору; налево же — рощицу; рощицу пересечешь — и посевы картофеля, кажется, а вдали — крыша дома. Уже близ усадьбы с Петровским мы вспомнили, что места эти всех нас связуют по детству: С. М. Соловьев проводил лета в Крюкове (смежная станция); А. С. Петровский под Поваровом (полустанок меж Крюковом и Подсолнечной), а Л. Д. проживала в имении Боблово (Менделеевых) — здесь же.

Приехали! Прямо из леса мы въехали на просторный, травою поросший усадебный двор, где таились в зелени службы (конюшни, сараи, дом, маленький флигелек, где жил Блок с Л. Д.); по-мальчишески — перепугались, когда оказались одни на крыльце перед плотно затворенной дверью одноэтажного дома с надстройкой, кофейного, может быть, темно-желтого цвета.

В переднюю робко открыли мы двери; там нас встретили две, как казалось нам, невысокого роста растерянных дамы; они были худы, нервны и порывисты (мать поэта и тетка поэта), и мы оказались захваченными врасплох: Александра Андреевна Кублицкая-Пиоттух признавалась впоследствии, что сперва она наше присутствие ощутила, как некий конфуз, передавшийся мне и воспринятый мной неприязнью; расстроился я и понес несуразную витиеватую дичь по поводу появления нашего; А. С. Петровский — увял; проводили в гостиную нас через столовую; мы уселися все вчетвером и не знали, о чем говорить и — как быть; я удивился растерянности Александры Андреевны, как некогда — внешности Блока; мать Блока — такая какая-то... Какая же? Да такая какая-то — нервная, тонкая, очень скромно одетая (в сереньной кофточке), точно птичка, — живая, подвижная, моложавая: зоркая до... прозорливости, до способности подглядеть человека с двух слов, сохраняющая вид «институтки»; впоследствии понял я: вид «институтки» есть выражение живости Александры Андреевны, ее приближавшей, как равную, к темам общения нашего с Блоком: тот род отношений, которые складывались меж «матерями» и молодым поколением, не мог с ней возникнуть; «отцов и детей» с нею не было, потому что она волновалась с нами, противясь «отцам», не понимая «отцов», — понимая «детей», скоро мы подружились (позволяю себе так назвать отношения наши: воистину с уважением к А. А. Кублицкой-Пиоттух сочеталась во мне глубочайшая дружба)...

Меня поразило все в этих стенах: простота, чистота и достоинство...

Запомнилось это сидение вместе, во время которого появились в гостиную двое юношей, что-то очень корректные юноши были представлены как сыновья Софьи Андреевны (тетки А. А.), появилась сама С. А., очень она мне понравилась; но она нас покинула; мы вчетвером перешли на террасу, сходимую в сад, упадающий по горе витиеватыми и крутыми дорожками, соединенными с лесом лесными тропами (леса обступали усадьбу), прошлись по тенистому саду: и вошли в поля; и там — издали тотчас же увидели А. А. и Л. Д. возвращающихся с прогулки; их образ запечатлелся: на цветородном лугу, в ясном солнышке Любовь Дмитриевна, облаченная в струйно-розовый, раздуваемый ветерком капот, шедший ей, с белым зонтиком на плечах, молодая, розовощекая, сильная, с гладкой головкою, цвета колосьев, — напоминала мне Флору, кусочек зари, или розовую атмосферу А. А.; «зацветающим сном», стихотвореньем А. А. мне повеяло — и душистым и пряным. А Александр Александрович, шедший с ней рядом — каким он казался высоким, широкоплечим, покрытым коричневым загаром! Без шапки, рыжеющий волосами на солнце, был очень под стать он Л. Д.; в своих длинных, рыжеющих голенищами сапогах, в очень белой просторной рубахе, расшитой рукою Л. Д. темно-красными лебедями, и подпоясанный поясом с пестрыми и густыми кистями, напоминал мне Ивана Царевича. Созерцая прекрасную, розово-белую пару в цветах полевых, поливаемых жарящим солнцем, я слушал горячие визги стрижей, расстригающих небо: церковных стражей; переливы далекие поля ржаного — запомнились; чуть ли не вырвалось вслух: «Как подходят друг другу они».

А. А. издали нас увидел, остановился и, приложив к глазам руку, разглядывал; нас узнавши, оставив Л. Д., побежал крупным бегом по полю; остановился он, запыхавшись, перед нами; и со спокойной, важной какой-то улыбкой без удивления подал нам руку:

— Ну вот, и приехали!..

Л. Д. подошла, улыбаясь, как к старым приятелям; повернули; пошли назад к дому и удивлялись причинам молчания С. М. Соловьева; и тому, что не едет он; мы говорили об общих московских знакомых, о Соколовых, об Эллисе, — о разных уютнейших пустяках, смысл которых меняется от настроения собеседников, и то кажется совершенно пустым, то — наполненным содержанием; помнится: весь разговор был лишь формою ласкового молчания всех нас, довольством друг другом; так шли мы согретые солнышком, — точно оно обвевало ветерочками, визгами ласточек, стебельками и мотыльками; казалось: мы — дома; нашли мы — наш дом; и простоту и уют А. А. сразу умел водворить между нами...

В А. А. тут сказалась житейская, эпикурейская мудрость; сказывалось умение жить; и сказалась привязанность к местности, к духам лугов и лесов; вы сказали бы сразу: А. А. вырастал средь лугов и лесов: среди этих цветов; в этих пестрых лугах и лесах среди этих цветов — продолженье «рабочего кабинета»; да, шахматовские закаты — вот письменный стол его; великолепнейшие кусты, средь которых мы шли, сплошь усеянные пурпуровыми цветами шиповника, — были естественным стилем его пурпуреющих строчек; мне помнится, как я невольно воскликнул:

— Такого шиповника я не видал: что за роскошь!

А. А. на ходу, зацепившись рукой за ветку, сорвал мне ярчайший пурпурный цветок с золотой сердцевиной; запомнился ультрамариновый фон золотеющей зелени, с ярко пестрыми очень пурпурными, крупными цветочными пятнами; а на цветущем, колеблемом ветерочками фоне, запомнилась яркая летняя пара: «царевич» с «царевной»; кудрявый «царевич», в белеющей русской рубахе, расшитой пурпурными лебедями; «царевна», златокудрая в розово-струйном хитоне — кусочек зари; иль кусочек самой атмосферы поэзии Блока. Запомнились мне очень пряные запахи, очень странные визги стрижей, очень громкое чириканье крупных кузнечиков, блески и трески; уж мы поднимались к террасе; А. А., подняв голову, легким и сильным прыжком одолел три ступеньки террасы; Л. Д., чуть нагнувшись,

Запевая, сгорая, взошла на крыльцо.

— не на крыльцо, на террасу: сейчас, вчера, вечно...

Художник Л. Бакст. Автограф А. Белого публикуется впервые.

Андрей Белый.

Чужие

Евгений АНТОШКИН

ПОЭМА

Видел я не раз:
На дороге степной,
С ледяным
Обжигающим воем,
Словно отрубленной головой,
Ветер играет
Перекати-полем.
И оно,
Как юродивый
С вечной клюкой,
Болью скрюченный
И корявый,
Оторванным корнем,
Как разбитой рукой,
Цепляется
За ускользающие
Травы.
Вот зароется
Робко в траву нырком,
Чтобы стих на мгновенье
Ветер.
А потом
Опять помчит кувырком
По ковыльным просторам
Планеты.
Будут вихри его крутить,
И рвать,
Будто в мяч футбольный
Играя,
Потому что это
Сухая трава,
Посеревшая,
Неживая.
Потому что
Ветром унесена
Далеко от привычного края.
И летит,
Поседевшие семена
В солончак горьковатый
Роняя.

1

Над Шотландией
Низкие тучи неслись.
Шли прохожие
Мертвенно-глухи...
Он шагнул вдруг навстречу,
Словно ждал нас
Всю жизнь
На безлюдном углу
В Эдинбурге.

Поглядел
Испытующе
Из-под руки,
На костыль свой
Облокотился,
Словно сам
Из этой корявой клюки
Перед нами вдруг
Появился.
Невпопад улыбался,
Спешил,
Спешил
О своей рассказать нам доле:
— Жизнь моя,
Так в ночах бессонных решил,
Чем-то схожая
С перекати-полем.

Тут я все
Передумать уже успел
Вдалеке от родимого края.
Если б смог,
И птицей
Домой полетел...
Жизнь свою
Я навек проклинаю.
Если б смог—
Я прошел до него
Пешком,
Я прополз бы
На четвереньках.
Там
Мне каждый кустик
С детства знаком,
Каждый дом
В степной деревеньке.

2

Каждый дом...
И припомнилась мне весна:
Мы в края родные
Спешили.
Проезжаем деревню —
Опять сожжена,
А давно ли
В ней люди жили?
И привычная лента дороги
Ползла
Мимо русских печей
И оградок.
То руины лежали
Вокруг,
То зола,
Где детишки играли когда-то.
Что ты знаешь —
Какой была
Та весна?
Молчаливо шли люди,
Как тени.
Может, так же деревня твоя
Сожжена,
И в помине твоей
Нет деревни.

Потому и тяжел еще
Наш трудодень
И детишек все меньше
Под кровом.
И все меньше в краю моем
Деревень—
До сих пор еще
Плачут вдовы.

Ты забыл,
Где лежала
Твоя сторона.
Ты не вспомнишь
То время лихое...
По тебе,
Может, тоже
Плачет жена
И считает себя
Вдовою.

3

Он правдой слов
Был потрясен—
На всем так ставят
Крест,
Как черный сон,
Как черный сон,
В глазах прочел я:
Брест!..
Сказал:
— Я вышел из котла,
Где только смерть
И тлен.
Война, однако,
Догнала...
Потом известно:
Плен.
Взгляни на волосы —
Седы,
На руки
Погляди!..
Вы правотой жестокой злы.
А ведь не я один
По суткам надрывал кишки,
Пока хватало сил:
Таскал тюки,
Бросал мешки,
Копал,
Крутил,
Грузил.

Не жизнь —
Худой судьбы игра...
И вот замкнулся круг.
Сначала Рур,
Потом Бретань,
Теперь вот —
Эдинбург...
Как будто что-то
Вспомнил он,
Вдруг стал
Тяжелым взгляд.
Как черный сон,
Как черный сон,
Прочел я:
Сталинград!..

4

Шептала мертвая трава,
И красноталь шептал:
Гудел огня
Смертельный вал,
Огонь все сжег,
Подмял.

И вслед за смертью,
За огнем,
Когда остыл металл,
Пришло известие о нем,
Мол,
Без вести пропал.

Мать странных слов
Не поняла:
— Сынок мой
Должен жить!..
И все звала его,
Звала
Сквозь сны
И миражи.
А утром —
Только рассвело,—
Закутав плечи
В шаль,
Шла потихоньку
За село
И все глядела вдаль.
И в забытье,
Сквозь серый дым,
Ей много раз
На дню
Опять он виделся
Живым,
Бегущим
По огню.
Волну убойную
Гоня,
Слепили
Среди дня,
Безумьем сердце
Леденя,
Два бешеных огня.
Ей в сыне
Сына
Не узнать
(Что может тяжелей).
Стояла потрясенной
Мать
В кольце слепых огней.
Горели жито
И порог,
И небосвод пылал.
По обе стороны дорог —
Зола,
Зола,
Зола.
И горьким привкусом
Полынь
Ей губы обожгла...
И словно в ветреную
Стынь,
Глаза застлала мгла.
И годы
Подсказали ей:
Война,
Как страшный ад,—
Она обратно
Сыновей
Не отдает назад.

5

А он
В бессоннице опять
Ночь напролет
Не спит.
Хотя вокруг
Все люди спят,
Сычом во мглу
Глядит.
Лежит,
То холодом облит,
То опален
Жарой.
Перед глазами
Вновь стоит
Тот год —
Сорок второй.
Опять
В душе его гнетет,
Как он, один
Из всех,
В ответ
На «Хенде хох!»
Встает
И тянет руки
Вверх.
А рядом
Ствол уже торчит,
А он дрожит,
Как лист.

огни

И не заметил,
Что кричит:
— Нет,
Нет,
Не коммунист!..
И спину рабскую
Согнул,
Свернулся в жалкий
Ком.
А фриц
Прикладом подтолкнул,
Добавил
Сапогом.
Еще запомнил
Из всего,
Пока катился гул:
Фашист
Дрожащего его,
Как труп,
Перешагнул.

А бой
Все дальше уходил,
Все дальше —
Пушек вой.
И он
Всем телом ощутил:
Живой,
Живой,
Живой...

Лежит.
И вроде невредим,
Лишь гарью
Обожгло.
Из всех
Остался он один.
Живой он:
«Повезло!»

Но он запомнил
Под огнем
На горечь долгих лет —
Как пахнут снег
И чернозем
В морозном феврале.
Как на спине
Твердеет соль.
Как сладко
Не спеша
И холод чувствовать
И боль
И просто так —
Дышать.
И сквозь ресницы жестких век
Представил мир
В цвету...
Он должен жить —
Он человек,
Он любит
Красоту.

Недаром землю он
Пахал,
Недаром хлеб
Растил.
Недаром редко отдыхал —
Лелеял рожь
В горсти.
Не знал дороже ничего —
С землей всегда дружить.
Он — труженик,
Земля — его,
А значит,
Должен жить.

Он должен мать
Еще обнять
И приласкать
Жену.
Он должен сына
Воспитать
Хозяином в дому.

Он присягнул
Родной земле
Хранить ее,
Любить...
А что фашистам
Сдался в плен,
Спешил забыть,
Забыть.

Во всех грехах
Других коря,
Хлебнул,
Мол,
Через край.
И даже имя
Потерял
Поздеев Ермолай.

Пусть в холоде
На нарах спит,
Решил он:
— Так и быть...
И днем работает,
Сопит,
Чтоб пайку заслужить.
А тем,
Кто вдруг заспорит с ним,
Он формулу припас:
«Что лучше —
Быть всегда живым,
Чем мертвым,
Хоть и раз».

6

Уснет,
Во сне слюну сглотнет
И снова
Речку Брод
Неспешно переходит
Вброд,
Как в предвоенный год.
И по проснувшейся земле
Веселый день
Идет.
И, славя
Мирный труд людей,
Вновь певчий дрозд
Поет.
Пчела опять
Несет
С цветка
В леток
Пахучий мед.
И белолобого телка
Сын на лугу
Пасет.
И жизнь,
Наполненная всклень.
Кругом
Друзья-годки.
Шагнет
И шапку набекрень:
— Здорово,
Мужики!..

7

Но пробуждается в ночи,
Кругом такая ж голь.
Спросонья чайка прокричит,
Заронит в сердце боль.
В окне едва блеснет заря,
Вновь,
Сквозь густую тьму,
Военнопленных лагеря
Мерещатся ему.
И всеми брошенный погост,
Чужие: речь, поля...
А где-то там,
За тыщи верст
Своя, своя земля.

Где пашня по весне зовет,
Где по труду
Почет.
Где мама старая живет,
Сын-сирота растет.
Где и жена все ждет его
(Хотя бы раз взглянуть).
Вновь до паденья своего
Пройдет он долгий путь.

8

Тех дней из жизни
Не стереть.
О чем ему
Жалеть, —
Что мог
Геройски умереть,
В родных полях
Сгореть.

Как будто горькое вино,
Средь мирной тишины,
Его тревожат вновь
И вновь
Военных будней сны.

Вот он
В окопчике лежит,
Вот встал,
Вот бьет с колен.
Вот вновь во сне
Вперед бежит...
Бежит —
Все в тот же
Плен.
Наверно,
В этом жизни суть:
Погибшему
Не встать.
И прошлое
Нельзя вернуть,
Чтоб снова все начать.

9

Забыться память
Не дает,
Хоть дням утрачен счет.
Жена его уже
Не ждет.
И сын уже
Не ждет.

Но дальний гул
Сороковых
И к ним
Ворвется в сон:
«А если нет его
В живых,
Так, значит,
Мертвый он?»

И тяжек
Этой думы миг,
Как в год
Сорок второй:
«А нет средь мертвых
и живых —
Так, может, он
Живой?

Он сильным был,
Он воевал.
Мстить обещал врагу.
Что значит:
«Без вести пропал!» —
Ведь не игла
В стогу?»

10

Напрасно мать его
Ждала.
И незаметно
В срок
С тяжелой думой
Померла,
Шепнув:
— Прощай,
Сынок!..
Плеч материнских
Не обнять.
Цветов
Не принести.
А если мать
Устала ждать,
То нет домой пути.
Ты на ее больших руках
Живым ростком
Пророс.
Зачтется и тебе
Не раз
Боль материнских слез.

11

Он
Горькой памятью
Возник,
Как дней ушедших
След —
Глубокий,
Сгорбленный старик
Семидесяти лет.

Он укрывался вдалеке
Так много лет подряд,
Как пролежавший
В тайнике
Невзорванный
Снаряд.
Из тех далеких дней
Шагнул.
Он, может, сам
Не рад,
Что этой новой жизни
Гул
Вернул его назад.
Сквозь даль
Уже забытых дней
Явился
Невпопад.
Сказал:
— Мне не сыскать
Друзей,
Так, может, жив
Мой брат?..
Сказал —
И был тому не рад.
Мой друг вспылил,
Сердит:
— Не знаю,
Жив ли где
Твой брат.
А мой вот брат
Убит!

Он думал,
Падая в сугроб:
Рубеж прикрыт
Тобой.
Но оказалось,
Что окоп
Твой был тогда пустой.
Не знал,
Что ты ушел в кусты,
Не знал об этом
Брат.
Он умер с верой,
Что и ты
Не отступил назад.
Он выполнил
Свой долг бойца.
Над ним звезда горит.
Присяге верный
До конца,
Под мирным небом спит.

А ты
Не значишься нигде —
Тебя на свете
Нет.
И в светлой памяти людей
Не отыскать

Твой след.
Копишь гроши
На смертный час.
Молясь,
Его зовешь.
Подальше от знакомых глаз,
В чужой стране
Живешь.
«Не жизнь здесь»,—
Так сказал нам ты —
Дни длинные
Пусты.
Растаяли твои следы
Средь чуждой
Суеты.

12

Ютятся робко
К дому дом,
Здесь улочки —
Не парки.
И горы мусора кругом—
Рабочие Гаймарки.
На неухоженной
Земле
Живет приезжий люд.
Чей погрязней,
Потяжелей
И подешевле
Труд.

Но и лачугу,
Например,
Где мыши гнезда вьют,
Здесь
На английский все манер
Коттеджем
Назовут.
Дом-крепость,
Путь другим закрыт...
Пой,
Плачь,—
И потому:
Ты голоден,
Здоров
Иль сыт —
Нет дела никому.
Нужда —
Она неналоказ,
И потому всегда
Подальше
От туристских глаз
Ютится беднота.

13

Стоял он,
Думою томим,
Когда в тот день нежаркий
Опять мы повстречались
С ним,
Когда пришли
В Гаймарки.

И я тогда
Сказал ему,
Конечно,
Не стихами:
Мол,
Знает всякий,
Кто
Кому
Продался с потрохами.

И, потеряв семью
И дом,
Летишь по чуждым землям.
Ведь покупают быстро то,
Что стоит
Подешевле.
И раз ты подлость совершил —
Возмездие
По чести.
И боль не страшна
Для души,
Когда с народом вместе.
Спасая жизнь свою,
Бежал
Прочь от родного края.
Всю жизнь потом
Дрожал,
Дрожал,—
Зачем же жизнь
Такая?..

ЭПИЛОГ

1

Дождем морской пролив
Прошит.
Звон стекол.
Ветра свист.
Афиша старая
Шуршит.
Летит
Газетный лист.

Свет погасил.
Завел часы.
Нет,
Снова не спалось!..
Безумье буйное грозы
Ему передалось.
И этот ветра странный плач
Степной напомнил гул.
Набросив быстро
Ветхий плащ,
Он за порог
Шагнул.
Знакомый путь
Из года
В год:
Блеск пышных
Бакалей,
Машин
Живой водоворот,
Круговорот
Огней.
И фейерверк реклам
Сквозь тьму.
Сквозь гул,
Трескучий
Джаз.
И показалось вдруг ему —
Все видит
В первый раз.
Неужто он
За столько лет
Не смог все разглядеть?..
И ветер
Холодом в ответ
Ударил,
Словно плеть.

Сквозь дождь
Не видя ничего,
Куда идти —
Не знал.
А ветер подхватил его,
Вдоль улицы погнал.
Глаз не открыть.
Не закричать.
В свеченье молний
Мгла.
Но впереди увидел
Мать,
Она навстречу шла.
И сердце
Словно боль ожгла,
И обожгло
Висок.
Услышал:
— Ермолай! —
Звала.
И ласковей:
— Сынок!..
В старушке распознал седой
Знакомые черты.
Ее он вспомнил
Молодой:
— Неужто, мама,
Ты?..
— Ну что ж,
Гляди!
Не веришь сам,
Состарилась не в срок
И проглядела все глаза...
Ужели ты,
Сынок?..
— Мамуля,—
Он запричитал,
Хотел ее обнять.
Но, спохватившись,
Прошептал:
— Нет,
Нет же!
Ты не мать!..

Мгновенно
Он глаза открыл,
Шагнул вперед
Рывком...
Лишь дождь
По плитам зачастил,
И разразился гром.
И молний
Белые шары
Подняли в небе вой.
И ветра
Огненный порыв
Опять понес его.

Закрыл глаза —
Передний край
И голоса ребят:
— Как постарел ты,
Ермолай,
И не узнать тебя!

2

Расчетливым он в жизни был
И сделал вид,
Что рад,—
Без колебаний, мол,
Вступил
В карательный отряд.
Не в крематорий все же —
В тыл!
Теперь гляди, брат,
В оба.
Не слушал даже,
Что сулил
Фашистский хитрый обер.
«Врагу за униженье —
Месть»,—
Так думал неустанно.
В глухом лесу дорог
Не счесть —
Все тропы
К партизанам...

3

Сжималось мертвое кольцо,
И ветер злей
И злей:
То горький хвойный дул
В лицо,
То низовой
С полей.

«Неужто со своими бой?
Так вот за все
Расплата!» —
Он шел
И чувствовал спиной
Ствол острый автомата.
«Бежать,
Бежать!» —
Еще вчера
Все рассчитал
В тиши.
Но, слева звякнув,
Кобура
Сказала:
— Не спеши!..
Наверно, обер
Все учел,
Когда с тобой шел
В бой.
Вдруг пулька клюнула
В плечо:
— Так это ж вроде
Свой?

Как с автоматом
На броню,
В глухой сугроб
Шагнул.
И по прицельному огню
Вдруг беглым
Полоснул.

И понял
В этот страшный миг:
Позора не стереть,
Теперь стрелял уже
В своих,
Своей земле
Нес смерть.

«Вовек теперь
Твои следы
Снега
Не заметут!» —
Об этом лишь
Подумал ты,
А обер тут
Как тут:
— Ну, рус Иван,
Стреляешь тут,
Лишь ветки
Фырь
Да фырь,
Теперь тебе уже
Капут:
Расстрел
Или Сибирь!

И словно острием ножа,
Мысль болью
Обожгло,
Что некуда теперь бежать
Посеявшему зло.
Неужто этого искал,
Когда был молод,
Смел?
И больно било
По вискам:
Расстрел,
Расстрел,
Расстрел.
Послушным стал,
Как автомат,
Под крик:
Шнель,
Шнель,
Вперед!..

И вновь
Карательный отряд
По целине идет.
Повеяло вокруг
Весной,
И огоньки вдали
Холодной тлели желтизной —
Цепочкой волки шли...
И было сыро
И темно.
Ты сам дрожал,
Как зверь.
Но это было
Так давно.
А что,
А что теперь?..

4

От этих дум —
Скорей,
Скорей.
Но снова
На пути:
Вечерний холод
Фонарей
И мертвый свет
Витрин.
Как лодки,
Плавали дома.
Асфальт бурлил
Рекой.
И ты решил:
— Сошел с ума,—
Закрыл лицо рукой.
Опять ударила гроза,
Как о стекло
Металл.
Заскрежетали
Тормоза,
Ты на асфальт упал.
Но ветер в спину
Вновь толкнул,
Как будто кулаком.
Ты на обочину шмыгнул,
Засеменил гуськом.
Поток волок
Вчерашний хлам.
И снова впереди
Смеялись тысячи реклам:
— Иди,
Иди,
Иди!..

Хотел заснуть
И умереть.
И долго
За чертой
Все мнились
Огонек
И степь
В оправе золотой.

Толстовский «Прометей»

Как некогда 100-летний, так и ныне 150-летний юбилеи Л. Н. Толстого оказались отмеченными изданиями, которым суждена долгая жизнь. В 1928 году началось осуществление грандиознейшего девяностотомного Полного собрания сочинений (юбилейного) великого гения земли русской, законченное лишь через тридцать лет. А в наше время коллектив ученых расшифровал и подготовил к печати знаменитые «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого, которые изданы в четырех томах «Литературного наследства». Вышли к юбилею и другие примечательные издания. Среди них двенадцатый том историко-биографического альманаха «Прометей» серии «ЖЗЛ».

Одно из популярнейших молодогвардейских изданий всю свою площадь предоставило исследованиям, статьям, воспоминаниям, архивным материалам и фотографиям. О последних стоит сказать особо. Около 16 тысяч фотографий хранится в фондах Государственного музея Л. Н. Толстого (почти 5 тысяч — с его изображениями), часть из них, тщательно отобранная и прокомментированная О. Ершовой и Т. Поповкиной, составила своеобразную фотохронику жизни писателя.

Почти все материалы альманаха богато иллюстрированы, и этот «изобразительный ряд» помогает нам войти в мир Толстого, зримо представить его. Да и сами материалы воспринимаются иначе. Статья Н. Азаровой, например, о декабристской теме в творчестве Толстого, в любом другом издании выглядела бы довольно сухим научным исследованием, а в «Прометее», обогащенная портретами всех «действующих лиц», она заметно ожила. Жаль, что также не иллюстрирован живо написанный очерк В. Никитина «Богоискательство и богоборчество Толстого». Как мне кажется, альманах «Прометей» разрешил одну из задач современного литературоведения, сделал достижения исследователей вполне доступными не только узкому кругу специалистов, но и массовому читателю. На его страницах уже давно, с первых томов, научные работы преодолели пресловутый барьер недоступности. И дело здесь, конечно, не только в иллюстрациях. Так, в толстовском томе рядом с исследованиями впервые публикуется целый ряд документов. Это записки С. Н. Дурылина «У Толстого и о Толстом», воссоздающие неизвестные страницы жизни писателя. Почти никто, даже «толстоведы» не подозревали о существовании «Записных книжек» М. О. Меньшикова, в которых день за днем занесены его встречи и разговоры с Толстым. В 1978 году «Новый мир» начал публикацию автобиографических записок Софьи Андреевны Толстой «Моя жизнь». «Прометей» продолжил рассказ жены Толстого, и ныне мы ближе узнали эту незаурядную и тоже многосложную женщину, познакомились с ее жизнью. Точно так же впервые напечатаны записки конозаводчика Я. И. Бутовича о повести «Холстомер».

В разделе «Литературный архив» публикуются лекции М. М. Бахтина о Толстом, прочитанные им в 20-е годы в Витебске.

Мы также впервые получили возможность познакомиться с жизнью и личностью старшей сестры писателя, Марьи Николаевны Толстой. «Прометей» опубликовал очерк о ней внука писателя, С. М. Толстого. Вообще окружение Л. Н. Толстого, его творческие и личные связи представлены достаточно широко: Толстой и Чернышевский, Толстой и С. Т. Аксаков, Толстой и олонецкий сказитель В. П. Щеголенок, Толстой и оптинский старец Амвросий, Толстой и Н. К. Крупская, Толстой и Маковицкий, Толстой и поэт-декадент Александр Добролюбов, Толстой и шведский писатель Ю. Стадлинг, Толстой и Ушинский. Каждая из этих личностей открывает определенную тему: Толстой и революционеры-демократы, Толстой и славянофилы, Толстой и народное творчество... И это тоже один из плодотворных путей раскрытия серьезных литературоведческих тем через судьбы, через всегда неожиданные их переплетения. Известно, например, что в Отделе рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого бережно хранится письмо, отправленное писателю 25 марта 1887 года восемнадцатилетней Н. К. Крупской. О нем рассказывается в статье Л. Кунецкой и К. Маштаковой «Пометы Н. К. Крупской».

В выходных данных значится, что толстовский том «Прометея» подготовлен при непосредственном участии Института мировой литературы имени М. Горького и Государственного ордена Трудового Красного Знамени музея Л. Н. Толстого. И это ощутимо в серьезности подбора материалов, в их общем научном уровне. Издательство «Молодая гвардия» осуществило выдающееся по культурной ценности издание.

Л. И. ТИМОФЕЕВ,
член-корреспондент АН СССР

«Прометей», 12-й выпуск. М., «Молодая гвардия», 1980, 432 стр.

«Огонек» выступил. Что сделано?

ЧЕРСТВОЕ ОТНОШЕНИЕ К СВЕЖЕМУ ХЛЕБУ

Экономический репортаж К. Барыкина («Огонек» № 16 за этот год) «Черствое отношение к свежему хлебу» продолжает вызывать отклики. Кратко напомним суть проблемы, затронутой в публикации журнала: на магазинных полках, в булочных покупатель нередко находит черствый хлеб. А такой хлеб если и покупается, то полностью не съедается.

Среди полученных — и письмо из главного управления Госторгинспекции РСФСР. Начальник главка А. Малков считает, что «вопрос сохранения свежести хлеба, соблюдения сроков реализации имеет важное значение и поэтому освещение в «Огоньке» указанных проблем является своевременным и нужным делом». Далее тов. Малков сообщает, что Госторгинспекция систематически занимается этим вопросом, воздействуя на промышленность и на предприятия розничной торговли. В частности, продолжает тов. Малков, при утверждении новых сортов хлебных изделий в их рецептуру предусматривается введение веществ, замедляющих черствение хлеба,— сухого молока, жиров, молочной сыворотки.

«В то же время путем постоянных проверок мы добиваемся от торговых предприятий соблюдения ими всех рекомендаций по сохранению свежести хлеба в процессе реализации; применения закрытых шкафов, тканевых и полимерных покрытий, строгого соблюдения очередности и сроков реализации продукции».

Публикация «Огонька» не прошла также мимо внимания Мосхлеботорга. Управляющая З. Белоусова сообщает: «В связи со статьей «О черством отношении к хлебу» (так в письме тов. Белоусовой.— Ред.) в журнале «Огонек» Мосхлеботоргом еще раз во всех торговых предприятиях и конторах обсужден материал журнала, связанный с улучшением торговли хлебом. В торговых предприятиях обновлена нормативно-техническая документация, розданы рекламные плакаты «О бережном отношении к хлебу». Изготовлены и розданы специальные памятки для материально ответственных работников магазинов с извлечениями из основных правил торговли хлебом. В торге работает постоянно действующий семинар по повышению деловой квалификации работников магазинов, занимающихся приемкой и реализацией хлеба. К работе семинара привлечен преподавательский состав кафедры заочного института советской торговли. За семь месяцев подготовлено 718 человек общественных бракеров. Каждый случай выявления нарушений правил торговли хлебом рассматривается руководителями торга и контор».

Разработаны, как сообщает автор ответа, дополнительные мероприятия, направленные на улучшение организации торговли и усиление контроля за качеством реализуемой продукции.

«Надо отметить,— продолжает тов. Белоусова,— что до настоящего времени существует ряд нерешенных вопросов, которые в значительной мере влияют на общее положение организации торговли хлебом в городе.

В первую очередь это несвоевременный завоз хлеба промышленными предприятиями по часовым графикам магазинов. Опоздания в завозе вынуждают иметь в магазинах большие переходящие запасы хлеба, что отражается на свежести реализуемой продукции и увеличении сдачи на переработку хлеба с истекшим сроком реализации. За шесть месяцев только по Мосхлеботоргу продукция завезена с опозданием на 219 138 часов и 1711 графиков не выполнены совсем. За этот же период возвращено 420 тонн продукции с истекшим сроком реализации (против 357 тонн за этот же период прошлого года)».

Эти серьезные и, надо полагать, вполне обоснованные претензии редакция адресует руководству Главмосавтотранса, которое в уже опубликованном письме в редакцию обошло эти и другие подобные факты. «Из-за ограниченных возможностей промышленных предприятий действует высокая норма завоза хлеба, определяющая частоту завоза, в результате основная масса магазинов получает продукцию один раз в сутки, что сказывается на свежести реализуемого хлеба. Над решением всех этих вопросов работает коллектив торга совместно с работниками хлебопекарной промышленности и транспорта»,— заверяет тов. Белоусова.

О том, что торговля хлебом нуждается в улучшении, пишут и наши читатели.

Н. Потапов из Уфы сообщает: «Правильно поднимает «Огонек» вопрос о торговле хлебом. Эти непорядки есть и в отдельных магазинах Уфы. Придерживают распродажу свежего хлеба или подкладывают его своим покупателям, а на полках лежит застарелый... Прежде черный хлеб в Уфе поступал в продажу двух видов — формовый и подовой. Сейчас же только формовый... Видимо, от критики надо переходить к спросу за порученную работу. Иначе получаются пустые разговоры». Эту мысль развивает Г. Викулов: «Живу я в поселке Красный Текстильщик, что близ Саратова. В нашем поселке выпекают хлеб для населения большей частью из муки высшего сорта и так называемый серый. Ржаного же нет. В магазине бывает слишком много серого хлеба, его не съедают, вот и идет он на корм скоту. Завтракать, обедать приходится с хлебом из муки высшего сорта. Местный коопторг, видимо, решил нас откормить изделиями из муки высшего сорта. Удивляет: печенье сейчас выпекают из муки первого сорта, а окрошку, щи, супы, мясо едим с хлебом из муки высшего сорта. Нам, как и в городах, хлебные изделия требуются в ассортименте. Может, это невыгодно для финплана?»

ОТ РЕДАКЦИИ. **Видимо, настала пора собраться вместе представителям хлебопекарной промышленности, транспорта, торговли и обсудить положение, искать пути решения проблемы. «Огонек» охотно опубликует отчет о такой деловой встрече заинтересованных сторон.**

Сергей САРТАКОВ

РОМАН

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

СВИНЦОВЫЙ МОНУМЕНТ

8

В Москве ему следовало сойти и сделать пересадку. Через военную комендатуру билет Андрей оформил быстро, но до отправления сибирского поезда оставалось много времени, по существу, весь день. Через Москву он лишь проезжал с фронта на фронт и очень обрадовался, что может основательно побродить по городу да и зайти на всякий случай, посетить с запиской Яниша одного из его знакомых, крупного искусствоведа, причастного к большому миру художников.

«Зачем?» — спросил тогда Андрей.

«А разве я знаю, зачем,— засмеялся Яниш.— Вдруг Юрий Алексеевич тебе что-то совсем необыкновенное предложит. Если, конечно, он не в эвакуации. Многие ведь Москву покидали».

Юрий Алексеевич оказался на месте. Дома. Никуда он из столицы не выезжал, почел бы это для себя недостойным. Дежурил на крышах, гасил зажигательные бомбы, словом, делал все, что и другие в его возрасте. А лет ему было за семьдесят. Ходил он сейчас по дому сутулясь, но бодро постукивая в истертый от времени паркет палкой с резиновым наконечником. Возле ног старика вертелся рыжий кот с тонким и длинным, словно веревочным хвостом. Стены четырехкомнатной квартиры Юрия Алексеевича были увешаны гравюрами и живописью. Старинной и современной. Больше старинной. А по углам стояли бронзовые скульптурные портреты мыслителей древности. Он с удовольствием показывал Андрею свои богатства. Но объяснял с оглядкой: вдруг его неожиданный молодой гость и сам превосходно во всем разбирается. В записке Яниша содержались безмерные похвалы таланту художника Путинцева.

— Так, так,— говорил Юрий Алексеевич, сопровождая Андрея по своему домашнему музею.— Значит, вам довелось воевать вместе с Альфредом Кристаповичем. Знаю, знаю его. А больше знаком с его батюшкой Кристапом Яновичем. Отличный, первостатейный гравер. В молодости занимался так же, как и ваш покорный слуга, подпольной революционной деятельностью. И в тюрьме оба сиживали. И ссылку на холодном севере империи Российской отбывали. Виноват, к какому жанру в работе своей больше вы тяготеете? Чью, так сказать, эстетическую школу прошли?

И Андрей стеснительно объяснял, что он еще совсем никакой не художник, а самоучка, хотя, сказать без хвастовства, кое-что ему и удается. На фронте он сделал множество зарисовок — этим только и занимался. Его рисунки печатались в военных газетах. Но он сам считает, что главная его сила, если уж считать, что есть у него такая сила,— это в изображении птиц, зверей, растений. Лучшие рисунки — пером. С этого, по мальчишеству еще, он начинал и сейчас пером, карандашом все-таки лучше, чем кистью, владеет. Яниш в своей записке очень преувеличил его способности.

— Такого за ним я не замечал,— перебил Юрий Алексеевич,— тут он весь в своего родителя. Хм! А у вас, значит, вообще профессионального образования нет?

— Нет. Хотелось получить, да вот сперва одна война, потом другая.

— А это, между прочим, для художника тоже своя академия. Да, да, в смысле психологическом. «Внимая ужасам войны, при каждой новой жертве боя мне жаль не друга, не жены, мне жаль не самого героя...» Понимаете, как скупо, но сильно тут перекидывается мысль поэта к душевным страданиям матери? Попробуйте-ка это сделать на полотне! Хорошо, вы изобразите неизгладимое горе матери, написанное на ее лице, в ее позе, в движениях, и люди, кто будет рассматривать вашу картину, всем существом своим сольются с нею. Ну, а что и каким образом вы в противопоставление скажете средствами живописи здесь же о друге и жене убитого? Виноват, это я к слову. А вы не стесняйтесь, что нет у вас формального образования. Главное — талант. И в талант свой верьте. И спуску себе ни в чем не давайте. Это обязательно. Как вы находите сей этюд? Подлинный Айвазовский. Случаен ли, по вашему мнению, этот белый разрыв в тучах, клубящихся над штормовым морем?

— Юрий Алексеевич, вы мне сами подсказываете. Ответить: «возможно, случаен» — я уже не могу.

— Те-те-те! Но, предположим, мы попробовали бы его объяснить. И тогда каждый из нас станет это делать непременно по-своему, соответственно полету собственной фантазии. Так ведь? А у поэта: «...Увы! утешится жена, и друга лучший друг забудет; но где-то есть душа одна — она до гроба помнить будет!». Фантазировать читающему здесь уже нельзя. Все строго определено. И художественно доказано. Да-с.

— Фантазировать, может быть, и нельзя, а не соглашаться, спорить можно.

— Ну, спорить, разумеется. Вся наша жизнь — бесконечный спор. А позвольте спросить: какие у вас планы на дальнейшее?

Андрей пожал плечами. Вопрос Юрия Алексеевича застал его врасплох.

— Отчетливых планов никаких. Еду в Сибирь, в родные места. А там будет видно.

— Хм! «В родные места» — это мне нравится. А насчет «там будет видно» — не очень. Видно должно быть всегда и в любом месте: и там и здесь. Когда вы почувствовали себя художником? Именно художником. Не просто человеком, умеющим рисовать. И поверили в это.

— Смешно сказать, Юрий Алексеевич...— Андрей заколебался, он не был уверен, когда же действительно это случилось.— Пожалуй...

— Ну-тка?

— Когда, еще на срочной службе в армии, в стенной газете нарисовал я двух бегущих тараканов, а наш комдив их принял за живых.

— Угу! Так, так. История, похожая на знаменитую суриковскую муху. И если ее предположительно продолжить в том же духе, вам надо со всей серьезностью готовиться написать, ну, допустим, «Взятие снежного городка», «Боярыню Морозову» или «Утро стрелецкой казни».

— Ну что вы! Юрий Алексеевич...

— И ничего-с. А как же альпинисту без Ушбы, пика Ленина или Эвереста? Не будет с моей стороны, Андрей Арсентьевич, нескромностью спросить: какая все-таки тема в широком плане уже отяготила на долгие годы, захватила вас, воображение ваше?

Постукивая палкой в пол, он смотрел на Андрея доброжелательно, всем видом своим поощряя его ответить, пусть и не очень-то четко, отточенно, зато дерзостно, с этаким свободным взмахом могучих крыльев. Андрей помрачнел. И всегда холодное его лицо сделалось совсем жестким, резким.

— Я хотел бы... хотел бы...— И остановился.— Но все это настолько смутно... Я боюсь даже сказать. То, что видел я на войне... В одно полотно это никак не вместимо. А множество отдельных частностей все же не составит главного... Вот видите, я даже словами выразить свою мысль не могу, так где же это мне сделать в красках, в рисунке! И потом, хочется мне разгадать тайну движения, чтобы не само по себе и лишь иногда оно у меня получалось, а всегда, по моему велению...

Андрей остановился снова, чувствуя, что в его словах можно найти изрядную толику самонадеянного бахвальства. А говорить он начал совсем неподготовленный.

— И прекрасно!— сказал Юрий Алексеевич.— Прекрасно, что вас тянет к серьезным и крупным темам в искусстве. А что до вас никто в совершенстве не овладел в живописи безотказно подвластной художнику тайной движения...— Он повертел палкой, и резиновый наконечник слабо скрипнул в трещинах паркета.— Что ж, будьте первооткрывателем. Работайте. И если даже вы не найдете философский камень, не решите «квадратуру круга» — это не в ущерб вам. Что-нибудь вы да найдете и что-нибудь да решите. Великого можно достичь только тогда, когда стремятся достичь великого. Подчас невозможного. Как раз, кажется, у вас, сибиряков, есть такая охотничья поговорка: пошел на медведя — рябчиков не стреляй.

— А мне пока даются только тараканы,— хмуро сказал Андрей.

— Н-да, говоря аллегорически, на тараканах, конечно, Андрей Арсентьевич, далеко не уехать. Надо вам запрягать тройку добрых коней,— и оборвал себя.— А впрочем, если именно это ваше истинное призвание? И огромное полотно, раскрывающее тайну движения,— только некий символ, потаенная мечта? Знаете, соединение такой мечты с целенаправленной каждодневной работой над тем, что острейшей болью вонзила в вашу душу война, и к тому еще — вы ведь сами сказали: главная сила ваша в изображении птиц, зверей и растений — к тому же и эта ваша увлеченность может вас привести тоже к великим

Продолжение. См. «Огонек» №№ 34—41.

Н. Неврев. СЕМЕЙНЫЕ РАСЧЕТЫ. 1888.

Н. Неврев. КУПЕЦ-КУТИЛА. 1867.

результатам. Великое не обязательно километрами измеряется. Не зря говорят: целый океан можно увидеть и в капле воды. Понятно, не в любой капле. Ну-с, а самое что ни на есть практическое приложение ваших сил в таком случае, где и как вы рассчитываете осуществить? Виноват, кажется, об этом я вас уже спрашивал.

— Поступлю на какую случится работу. Вероятнее всего, учителем рисования. Быть только художником для меня еще невозможно.

— Не согласен! Художник должен быть только художником. При такой, кстати, аттестации, какую дает вам Альфред Кристапович.

— Спасибо ему за это. Но в нашем городе...

— Позвольте, позвольте, что значит «в нашем городе»? Разве художник — инвентарная частица некоего определенного городского хозяйства? Под номером, с биркой и так далее.

— Нет. Просто сами масштабы...

— Ах, мас-шта-бы! Тогда, знаете ли, я помогу вам определиться в Москве! И будете иметь постоянную работу именно как художник при издательствах. Станете рисовать любимых ваших тараканов. И бессонными ночами ломать голову над «квадратурой круга», сиречь тайной движения. Вы не женаты?

— Нет.

— Это хорошо. То есть плохо. Хорошо в том смысле, что одному в Москве с жильем все-таки легче устроиться. А плохо потому, что художнику, вечно терзающемуся в своих творческих исканиях, совершенно необходима женская ласка. Итак, решено?

— Большое вам спасибо, Юрий Алексеевич. Но все же я поеду в Сибирь. У меня мать...

Юрий Алексеевич хлопнул себя по лбу.

— Федот-простота! И девушка, конечно. Ну, тогда давайте так. Когда у вас все образуется и потребуются «масштабы», подайте мне голос. Я начну действовать. Право, мне очень хочется помочь вам. Вспоминаю свою молодость. Если бы тогда не отец Кристапа Яновича...

Потом вплоть до Светлогорска в сознании Андрея все стоял этот разговор с Юрием Алексеевичем, их уже совсем задушевная беседа за чайным столом, который накрыла, пожалуй, не меньших лет, чем и сам Юрий Алексеевич, домашняя работница.

— Сорок пять лет в нашей семье Полина Игнатьевна,— сказал он, знакомя ее с Андреем.— Надо бы для такой оказии придумать ей какую-то степень родства. Она говорит: называйте просто — своя. Ну так вот, теперь, когда я остался вдовцом, она — и весь свет мой в домашнем окошке. О детях и внуках не стану рассказывать. Все хорошими людьми выросли. Но, кто сложил голову на полях сражений, вечная им память и моя отцовская и дедова скорбь, а кто жив, раскидала судьба по белу свету. Пока. Лелею надежду когда-нибудь вновь собраться всем оставшимся под одной крышей. Как жили до войны.

В этом было нечто высокое, многозначительное. Семья как великая опора в жизни, как продолжение общего дела общими силами.

Ведь, собственно, такая же мысль владела и Галиной: образовать семью, продолжить в ней себя, не засушить доставшуюся ей веточку жизни. Пусть даже нет любви. Но если так, была ли у нее любовь и к Мите? Потому, быть может, так быстро и «уходит» он от Галины. И кстати, Юрий Алексеевич за столом, вспоминая юность, свою женитьбу, ни словом не обмолвился о любви с вершины своего теперешнего возраста. Так, будто тогда они просто выполняли неотвратимый закон природы. Не жестокий, но и не кладущий сиянием счастья отпечаток на всю жизнь. Было — было. А теперь вступили в силу другие законы. И тоже нежестокие, но, пожалуй, в них и еще меньше счастья. Во всяком случае, по-видимому, нужно дожить до преклонных лет, чтобы понять эти законы. А сейчас — думать и думать.

Много раз Андрей возвращался мыслью и к предложению Юрия Алексеевича закрепиться в Москве как художнику при издательствах. За чаем Юрий Алексеевич кое-что и еще уточнил. Художники, знатоки животного и растительного мира, всегда очень нужны в качестве иллюстраторов детских книг. Ему тут и карты бы в руки. И опять-таки совсем не в ущерб «квадратуре круга» — великой мечте о полотне, которому вся жизнь своя посвящается...

Великой мечте... Но чем он располагает для ее осуществления? Только жадным желанием. И совершенно туманным видением конечной цели. Тайна движения... Какого движения? Механического? Или в проявлениях жизни? Чьей? Определенного человека или всего человечества? А может быть, живой природы вообще. Какой ответ готов дать он, Андрей Путинцев? И не в словах, не в логических построениях мысли, а в красках и комбинациях линий. Абстракция вообще никакой не ответ, тем более философский. Это уход от ответа, маска, за которой нет ничего. Мир существует не в абстракции, а в реальности, доступной всем чувствам человеческим. Но не заставишь картину заговорить человеческим голосом, не опьянит своим ароматом цветущая на полотне сирень, не уколет роза шипами, и никогда не узнаешь вкуса нарисованного на полотне яблока. Сколько ни вглядывайся в картину, того, чего на ней нет, что не изображено художником, того и не увидишь. Конечно, картина может вызвать различные ассоциации, так же, как, читая книгу, вдруг воссоздаешь перед собой и зрительный образ героя. И все-таки картины надо писать, чтобы на них смотрели, а не прикладывали к ушам ладони, пытаясь расслышать, о чем там, на полотне, разговаривают люди.

И что же он напишет, Андрей Путинцев? Как вложит «тайну движения» во все ее проявлениях в один кусок полотна? Конечно, «квадратура круга»! И тем не менее он должен найти свою «вершину». Не мифическую Вавилонскую башню строить, стремясь ее шпилем вонзиться в небесную голубую твердь, а сделать то, что может сделать человек в границах реального. И даже обязательно чуть-чуть за этими границами, потому что иначе мечте уже некуда будет взлететь. А без мечты человек жить не может.

Тогда его *реальная* «вершина» — что это? Допустим, даже сумеет он в некой, вполне реалистической манере и вполне осмысленной композиции раскрыть «движение». А для чего? И для кого? Смотри любой и умиляйся. Или презрительно скашивай глаза. Или останавливайся в недоумении. Нет содержания, одно лишь мастерство. И что вообще за зрелище — движение? Тем более, что все-таки его совсем «впрямую» и не нарисуешь. Так или иначе получится набор каких-то условностей. Понятных ли и самому художнику? Какая же тогда это «вершина»? Это пропасть, бездонный провал.

Так неужели же, добиваясь власти над тайной движения, все рисовать одних лишь «тараканов»? Стать иллюстратором детских книжек, оформителем обложек. Чем это значительнее профессии учителя рисования?

Кругом идет голова. А выбирать определенный путь уже сейчас необходимо. Великие мечты великими мечтами, но рано или поздно поезд придет в Светлогорск, и надо будет думать о ночлеге, о работе, хлебе на каждый день. И съездить к матери в Чаусинск. Действительно, здорова ли она? Те письма-треугольнички могли быть и обманчивыми.

И что — Седельников...

II

Кира вгляделась в Андрея и всплеснула руками. Поправила высокую прическу.

— Батюшки! Да это вы? Как сильно изменились. На улице бы встретила — не узнала. Такой...

Она в замешательстве остановилась, и Андрей помог:

— ...какой-то... Тяжелый.

— Нет... Да... В общем, не такой молодой, как были.

На это следовало, вероятно, ответить: «А вы, Кира, стали моложе»,— или еще что-то в этом же роде. Но Андрей сказал:

— Годы и война для всех одинаковы, Кира.

И веселый огонек, вспыхнувший в глазах Киры при появлении Андрея, погас.

— Да, да, я не подумала, конечно. Вы ведь оттуда. У меня тоже на фронте погиб двоюродный брат. И вообще, знаете, столько приходило похоронных...— Теперь и совсем разговор не складывался. Кира поспешно спросила: — Вы к Алексею Павловичу? Его сегодня не будет. Он в командировке по районам. Совсем замотался. Осенью: давай хлеб, хлеб! А кому убирать? Весна приходит: давай, давай сеять! А кому сеять? И чего сеять, когда семян нет? И пахать нечему. Не на чем. И все на плечи Алексея Павловича. Куда денешься — «первый»!

Кира вздохнула, сообразив, что опять говорит слова совсем не к месту. Человек только что с дороги, устал и, если пришел сразу сюда, значит, нужна ему немедленная помощь первого секретаря обкома.

— Хотите, я позвоню в гостиницу?— наугад спросила она.

— Позвоните.— Андрей не отказался. Гостиница ему тоже была нужна.

— А вот вам домашний телефон Алексея Павловича.— Кира написала на старом листке перекидного календаря и сдернула его с никелированных дужек.— Теперь у него новый номер. И квартира новая. А вернуться из командировки он должен бы поздним вечером.

— Спасибо, Кира. Только что же беспокоить Алексея Павловича, лучше я завтра снова сюда зайду. В какие часы это сделать удобнее?

— Да ни в какие. Он всегда занят. Или уж в какие попало. Вы же с ним товарищи. А если лучше всего, так на квартиру пойдите.

В гостинице Андрея поместили на свободную койку в номере на двоих. Его соседом оказался пожилой, уже с сильной проседью в волосах специалист по исследованию лесных запасов страны. В Светлогорск он был направлен для уточнения северных границ распространения кедровых массивов. Сейчас он с нетерпением ждал какой-нибудь оказии, чтобы сплыть в низовья Аренги и там углубиться по боковым ее притокам в самое сердце еще плохо исследованной кедровой тайги.

— Никита Борисович Маков,— представился он.

И тут же, видимо, наскучавшись в одиночестве, обрушил на Андрея все свои замыслы и всю пламенную любовь свою к сибирскому кедру. Охал и ахал, как трудно ему найти фанатичных сторонников сбережения этого чудесного дерева. Да, кедр очень почетен у лесозаготовителей и у лесопотребителей, им пристально интересуются, но только на предмет, как бы побольше вырубить. Уж очень хороша кедровая древесина. Вот и сейчас его, Никиты Макова, миссия вступает в драматическое противоречие с полученным заданием. Ему хочется доказать, что ареал кедровых лесов простирается на север значительно дальше, чем это принято считать. А коли так, то и промышленную добычу кедрового ореха — масла, кедрового масла! — можно развивать, опираясь на постулат о неисчислимости сырьевых ресурсов. Но от него ждут иных обоснований: как транспортировать с далеких северных широт заготовленную там кедровую древесину.

Никита Борисович своим темпераментом разогрел и Андрея, заставил вспомнить отцовские рассказы о найденной и потерянной свинцовой руде, богатой необычайно. Ведь это тоже один из ярких примеров, какие великие тайны еще хранит в себе сибирская тайга.

— И новые поиски этой руды так никого и не вдохновили?! — воскликнул Маков, ударив ладонями по столу.

— Не знаю. Отец говорил: пробовали в те годы искать. Безрезультатно. Посчитали все это за вымысел, басню, вроде бесшабашного вранья у охотничьего привала. А потом постепенно история эта забылась. Отец боялся тайги. И боялся настойчиво добиваться возобновления поисков. Я ведь объяснял вам: гнетом на его совести лежала гибель начальника той геологической партии.

— Ну, а вы что же, молодой человек?— изумленно спросил Маков.— Владеете такой тайной — и молчок?

Вопрос Никиты Борисовича поставил Андрея в тупик. При чем же он здесь?

— Ничем я не владею,— проговорил Андрей после недолгого замешательства.— Разве что, как в сказке, пойди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что.

— Но приблизительное-то место вам отец называл!

— А я кому и почему его назову? Пожалуйста, хотите, вам еще раз все, что запомнилось, повторю. Тайга — Ерманчетская. А границы ее мне неизвестны. Как будто многие сотни километров в любую сторону. Вас это не смущает?

— Нет. Принимаю. И буду ставить вопрос где полагается. Со всей страстью. С напором! Но вас-то, лично вас, сибиряка, неужели отцовский рассказ не захватил? Ну, если желаете, так даже как некое романтическое происшествие. Вот вы с войны вернулись, с орденами, медалями, вы же там сквозь какие испытания прошли! И не зажечься мыслью продолжить дело отца...

— Наоборот, Никита Борисович. Напоминаю: отец запугивал тайгой.

— Хорошо. Допустим. Его можно понять. Но вас понять, извините, я не могу. Над вами-то никакой давний страх не тяготеет.

— Я не геолог. В рудах я ничего не смыслю.

— А я и не побуждаю вас взять в руки молоток. Стать душою поиска — вот в чем дело!

— Кто же меня, круглого невежду, поставит во главе экспедиции?

— Бог мой!— Маков опять ударил ладонями по столу.— Вы! Не вас, а вы должны поставить! То есть добиться, чтобы поставили. А вы сами в тайгу можете и не ходить. Кстати, я не спросил: какая у вас профессия? Или вы после школы — на офицерские курсы, и сразу потом на фронт?

— Вообще-то почти так,— уклончиво сказал Андрей.— Только на офицерских курсах я не был. А профессия... Работал маляром.— И что-то подтолкнуло его еще добавить: — Немного рисую.

— Слушайте! Слушайте!— воскликнул Маков.— Не знаю, как там у маляра, но у художника душа не может не тянуться к прекрасному! А то, чем вы владеете, поистине прекрасно. Эта ваша тайна...

Они увлеклись и проговорили до наступления глубоких сумерек. Спохватились, что упустили время, когда можно было бы подкрепиться в общественной столовой по рейсовым карточкам, а в коммерческом ресторане и дорого и просидишь до полуночи. Не лечь ли на пустой желудок? Как будто это даже для здоровья полезнее. Но у Андрея в чемодане оказалась краюшка хлеба и небольшая банка рыбных консервов — остатки от пайка, полученного в дорогу,— и они, запивая водопроводной водой, славно поужинали.

— Не знаю, как вы, а я спать буду крепче,— заявил Маков, откидывая уголок одеяла.— Пусть даже и во вред здоровью. Спасибо за угощение. И спокойной ночи!

Однако заснуть им не удалось. Постучался шофер Седельникова. Вручил Андрею короткую записку: «Сейчас же приезжай. Завтра у меня день суматошный. А.». К этому шофер добавил:

— Алексей Павлович сказал: в случае чего примени силу.

— В каком таком случае?— не сразу сообразил Андрей, растерянно стоя перед распахнутой дверью в одних трусах.

— Ну, если вы не поедете.

— Да ведь поздно уже! Мы вот...

— Алексей Павлович, бывает, и по целой ночи не спит. Когда в командировке, в дороге.

Седельников встретил Андрея совсем по-домашнему, без пиджака, с расстегнутым воротом рубашки и в мягких тапочках. Волосы у него были мокрые и блестели. Ладошкой он старательно разглаживал пробор направо и налево, непонятно, от какой из двух своих макушек. В глубине квартиры тонко позванивала посуда.

— Здорово, дезертир трудового фронта!— закричал он, обнимая Андрея и похлопывая по спине.— Но ты извини, что сон тебе я испортил. И еще извини, что в таком виде предстал, едва успел под душем сполоснуться. Прокис совершенно от пота. Ну ты как? Вижу, кирпича у тебя и сейчас физиономия просит. Помнишь, как тебя я поначалу огорошил?

— Помню. И надо было уже тогда кирпич в дело пустить.

— А пуля? Где она сейчас, пуля твоя? Вытащили?

— Да нет, не вытащили, осталась на прежнем месте. Но, может быть, и перешла в другое. Неважно, передвигается ли пуля, важно то, что я хожу.

— Значит, что же, я был неправ?

— Только в одном: убеждал меня остаться в тылу.

— Фигу!— сказал Седельников.— В тылу ты тоже вот как был нужен. И не думай, что люди здесь несли военных тягот меньше. Хотя, допустим, конечно, и меньше, потому что смерть в тылу не столь уж широкой косой, как на фронте, прошлась. И не так зримо. А в остальном...

— Ну и я, как видишь, тоже жив.

— Ладно, пошли в комнаты. Не то, стоя у порога, мы черт-те знает до чего договоримся.

И потащил Андрея за собой, крича: «Ириша! Поймал я-таки человека-невидимку».

Стол был накрыт, лаская взгляд не столько расставленными на нем закусками и питиями — всего в самую скромную меру,— сколько удивительной белизной накрахмаленной скатерти и хорошим фарфоровым сервизом. Ирина, совсем по-девичьи круглолицая, с высокими и тонкими, неодинаково приподнятыми бровями и чуточку излишне выпяченной нижней губой, вся очень свежая, без каких-либо признаков косметики, раскладывала вилки и ножи.

— А-а!— отозвалась она радостно. И бросила чайные ложечки, все вместе, на середину стола, торопливо сдернула, скомкала фартук.— Вот через сколько лет, Андрей, мы наконец снова в нашем доме увиделись. Жаль, малышки уже угомонились. Они тоже поклонницы вашего мастерства. А дети — строгие критики. Их вокруг пальца не обведешь. Садитесь,— показала Андрею место,— садитесь сюда. И, пожалуйста, без всяких оглядок, выбирайте сами, что вам нравится. Алеше я говорила: позовем лучше на воскресенье к обеду. А он: это само по себе. И правильно. Никогда не откладывай на завтра то...

— ...что ты можешь сделать послезавтра,— шутливо вклинил Седельников.— Научен, научен горьким опытом. Мне когда Кира сообщила, ну, думаю, нет, не дам я этому медведю выспаться.

— И себе в том числе,— сказал Андрей. Повел рукой в сторону Ирины: — и...

Он не знал, как ему здесь за столом называть жену первого секретаря обкома партии. С тех давних пор, когда о ней много рассказывал Седельников, из памяти изгладилось ее отчество.

— Чепуха!— поощрительно проговорил Седельников.— Вижу, прицеливаешься к слову. А ты не подбирай, зови просто Ирина или на выбор Ириша, под каким сокращенным именем она в этом доме ходит. И уж всем бы на «ты» одинаково. Иначе запутаемся. А теперь приступаем к еде. Тебе из какого сосуда налить? Беленького или красненького?

— Ни того, ни другого. Только чаю.

— Гляди-ка, даже там не приучился,— удивленно сказал Седельников.— Ну, как хочешь, объявлена свобода полная. А мы с Иришей совсем по малюсенькой выпьем. Не по укоренившейся привычке, нет у нас таковой, а вспоминая обычаи русского гостеприимства. За твое здоровье, Андрей! За возвращение с победой!

— И за новые победы! В искусстве.— Ирина подняла рюмочку, сквозь нее поглядела на свет.— И вообще за твое счастье, счастливый ты человек!

Андрей неловко схватил пустую рюмку, торопливо плеснул в нее из первой попавшейся ему бутылки, чокнулся, повертел в пальцах и поставил на стол.

— Прошу простить... И за ваше, обоих, здоровье тоже. Выходит, и за счастье.

— Ну нет, Андрей, ты так сказал о счастье, как будто его и на свете нет,— запротестовала Ирина.— Или ты не веришь в него?

— В счастье верю. Только не очень верю, что я счастливый человек.

— Если не ты, то кто же?— воскликнула Ирина.— И почему ты не считаешь себя счастливым? Иметь такой талант, справиться с пулей, прицепившейся лапами к сердцу, преодолеть ее угрозы! Не понимаю. Чего же тебе тогда еще не хватает?

— Беру свои слова назад.— Андрею не хотелось продолжать такой разговор.— Согласен. Мне всего хватает, и я в мире самый счастливый человек.

— Ему не хватает хорошей жены, такой, как ты, Ириша,— заметил Седельников, немым жестом приглашая Андрея закусывать.— Но ничего, это мы быстро восполним. Займись, Ириша. А пока, товарищ Путинцев, рассказывай, каким образом ты улизнул из Светлогорска, несмотря на мое сопротивление, и что вообще после этого происходило с тобой. Заранее одно только скажу: долго у меня на сердце было как-то неуютно, противно. То, что задерживал я тебя, нехорошо. Все же, по Пушкину, «души прекрасные порывы» надо было мне ставить выше любых других соображений, включая и заботы о твоем здоровье и той пользе, которую ты мог бы принести в тылу. Однако ж и то, что я тебя тогда упустил, тоже было нехорошо. Ну, ей-богу же, пуля твоя тогда была вовсе не шуточной! Так меня совершенно твердо врачи заверяли. А когда ты и ни одной строки мне с фронта не прислал, я понял: человек оскорбился. Впрочем, рассказывай.

— Не знаю, с чего и начать...

Но все-таки постепенно Андрей разговорился. Не очень последовательно, перебрасываясь с одного на другое, он в свой рассказ сумел вместить все наиболее существенное из того, что пришлось ему повидать и что пришлось пережить за прошедшие годы. Говорить ему было легко, он чувствовал: его слушают внимательно и с подлинным глубоким интересом, с той дружеской расположенностью, которая снимает все заботы — складно ли связывается речь и пригоняется слово к слову. Андрей не повторял того, что было хорошо известно из газет и радиопередач, он не описывал собственно хода военных действий, а говорил главным образом о том, что врезалось ему в душу как художнику и что он постарался закрепить в своих рисунках.

Седельников слушал молча, изредка потягивая из стакана остывший крепкий чай. Ирина, случалось, и перебивала Андрея короткими вопросами, но не столько для того, чтобы уяснить кой-что не понятое ею, сколько с умело скрытой целью — помочь рассказчику найти лучшее продолжение своей мысли. Она не выдержала, всплеснула руками и потрясенно вскрикнула, когда Андрей обмолвился вскользь, что за четыре года сделал различных набросков по меньшей мере тысяч десять — двенадцать.

— Двенадцать тысяч! Андрей, да ведь это... это целый вагон. Где же они?

— Понятия не имею. Наверно, лежат в каких-то военных архивах. Политотдел все забирал у меня и отправлял куда-то.

— Куда?

— В точности не знаю. Какая разница — куда. Важно, для сохранности. Хотя, по-моему, и хранить особенно нечего. Это же быстрые наброски карандашом в блокнот. И никакой их не вагон, от силы пудов пять-шесть наберется.

— Ну, вагон — я не в смысле веса.— Ирина засмеялась.— А из каждого наброска можно сделать картину?

— Можно, конечно. А зачем? Да и не из всякого. Есть повторения. Есть просто... В общем, тогда казалось, а теперь, может быть, и не покажется. Или факт без настроения или настроение без факта.

— Чего, к слову сказать, у тебя не бывает,— вставил Седельников.— У тебя все с натуры. Скорее так, факт маленький, а настроение большое.

— Не буду спорить,— согласился Андрей.— Со стороны виднее.

— А что ты дальше намерен делать со своими рисунками?— спросила Ирина.

— Неужели при тебе так-таки ничего и не сохранилось? — спросил Седельников.

У них совсем одновременно вырвались эти вопросы. Ирина косточками согнутых пальцев постучала в стол.

— Вот как мы с Алешкой думаем синхронно,— сказала она.— А правда, Андрей? Вопросы-то серьезные.

— Не думал я. Мне надо сперва поступить на работу. Съездить в Чаусинск, навестить маму. Или сюда ее привезти. Военные архивы я запрашивать не стану. Пусть там все и лежит. Для истории. Если это нужно истории, имеет какую-то ценность. А с собой в чистом виде нет ничего. В сырых набросках, пожалуй, штук пятьсот привез.

— Знаю твои «сырые». Другому дай бог такие чистыми,— сказал Седельников.

— Андрей, миленький,— Ирина вскочила, подбежала, обняла за плечи Андрея,— вот с этого бы и надо начать. Но почему же ты к нам не захватил свои рисунки?

— Ириша, это уже переходит границы допустимой критики,— остановил ее Седельников.— Человека подняли с постели. Спасибо, что хоть так согласился приехать. Но, впрочем, Андрей, в словах Ирины есть сермяжная правда.

— И давай, Алеша, будем думать вот о чем,— подхватила Ирина.— Надо организовать Андрею выставку его рисунков. Допустим, в клубе машиностроителей. Или в фойе Дома офицеров. Можно и во Дворце культуры железнодорожников.

— Нет, нет,— поспешно сказал Андрей,— мои рисунки не годятся для показа на публи[illegible]

— Да, да,— сказал Седельников,— это нужно сделать как можно быстрее. Разумеется, предоставив тебе полнейшую возможность переписать все то, что ты посчитаешь совершенно необходимым. А сама идея застолблена. И железно. Отныне над тобой дамокловым мечом будет висеть Ирина. Ее настойчивость я немного знаю. Поэтому соображай, не как тебе уклониться от выставки, а как правильнее распределить свое время с учетом того, что и в Чаусинске тебе надо будет побывать и на постоянную работу устроиться. Последнее, кстати, серьезная проблема. Вакантных мест сейчас вообще-то повсюду полно. Да надо ведь найти тебе и точное соответствие таланту. Главное, чтобы ты творчески жил, понимаешь, творчески, а не выслуживал свою зарплату по часам. Поговорю в отделении союза художников. Ну, к этому мы еще вернемся на свежую голову. А выставка — решено и подписано.

Ирина потерла руки. Хлопнула в ладошки.

— Теперь ты вдвойне в моей власти, Андрей,— сказала она удовлетворенно.— Выставка и жена. Или жена и выставка. Хоть так, хоть этак. И то и другое будет тебе по высшему классу. Партийное поручение первого секретаря обкома. Обязана выполнить.

— Слышишь, Андрей, на какую основу все она переводит?— спросил Седельников.— Но, между прочим, одно поручение, поручение от первого секретаря насчет самой себя она все же не выполнила. Твердо ей говорилось: поступай солисткой в оперный театр, а она — нет. Стала лектором при горкоме партии.

— Утрируешь, Алеша. Тогда можно сказать и о тебе, что ты сам в первые секретари напросился.

— Не отрицаю,— с шутливой готовностью подтвердил Седельников. И к Андрею:

— Хочешь, расскажу? Не устал?

— Нет. Рассказывай.

— Ну, ты сам посуди. Прошлой осенью отзывают Дербенева, нашего первого, в столицу. Назначение по дипломатической линии. Естественно, второго приглашают в Москву для беседы. А он попадает в больницу. С тягчайшим диагнозом. Словом, на долгие годы. И он, перед тем как лечь, представь себе, в Центральном Комитете называет меня. Так случилось, самому товарищу Сталину. Звонок из Москвы: выехать. Еду. Зачем — не знаю. В одной комнате со мной разговоры. В другой, в третьей. Постепенно прозреваю. И со страхом. Пойми, война еще не закончена. Живем, работаем в невероятном напряжении. Если уж рассказывать про диагноз второго, так он возник именно от этого, от перенапряжения. Но у меня-то дело не в состоянии здоровья, а в опыте. И внутренне решаю я: будет задан вопрос в упор — откажусь наотрез. А может быть, и вообще, думаю, разговорами одними все обойдется. Ан, видишь вот, не обошлось.

— Ты расскажи, какой у тебя с Иосифом Виссарионовичем диалог получился,— подмигнула Ирина.— Опиши обстановку. Кабинет и все прочее.

— Подначивает.— Седельников качнул головой в сторону Ирины.— Ну все равно. Штука в том, что ни кабинета, ни обстановки, ни «всего прочего» не было. Ничего, кроме самого Сталина. Его усов, его глаз — ох, глаз!— и трубки в руках. Не стану же я головой вертеть в разные стороны. А весь диалог такой. Он: «Товарищ Седельников, мне все рассказали. Будем вас рекомендовать. Справитесь?» Я: «Справлюсь, Иосиф Виссарионович». Ну, ты, Андрей, и ты, Ириша, по-честному, могли бы вы ответить по-другому? Все мои страхи, все мои размышления насчет категорического отказа враз куда-то прочь отнесло. Другой страх появился: с достаточной ли твердостью я «справлюсь» сказал. И понимаешь, не потому, что я Сталина испугался, а потому, что раз надо — значит надо справиться. Руководство целой областью — да какой областью! — руководство коммунистами целой области — да какими коммунистами! — и какими, добавлю, беспартийными!— Центральный Комитет собирается мне доверить.

— Ты, Алеша, про возраст свой еще расскажи,— попросила Ирина.

— А чего про возраст? Передавали мне потом, будто, когда обо мне докладывали товарищу Сталину, колебались, называть ли: тридцать второй год только идет человеку. Но Сталин сам об этом спросил. Ответили. С заминкой. А он будто бы трубкой своей повел и сказал: «Быстро у нас формируются люди». Это я тебе, Андрей, все к тому, что кой в чем не замечаю я в тебе должной твердости. Допускаешь еще «или — или». Ч-ш, ч-ш, Ириша, не грози пальчиком! Знаю, в чем его Архимедовым рычагом не своротишь. А вот в себя он не верит. Так, как верил я в себя тогда...

— Ох, нашел, какой пример привести! Похвастался.

— Не посмел тебя назвать, Ириша. Скажет Андрей: процветает в этом доме семейственность.

И присвистнул, взглянув на круглые настенные часы. Объявил, что сам он может и не поспать и Андрей не поспать может, а Ирине с утра читать лекцию, она нагородит такой чепухи, что потом люди в обком начнут писать жалобы и ему придется, попирая семейную субординацию, объявлять собственной жене выговор.

Продолжение следует.

ПОЛЕ

Н. БЫКОВ,
фото Б. КУЗЬМИНА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Синий верткий поток чистой воды — это и есть лесная речка Иж. Могучая речка. Не потому могучая, что гонит больше других кубов в секунду, а потому, что отдала она имя свое прекрасному на земле удмуртов городу — их теперешней столице, многим маркам популярной продукции: стали, ружьям, манипуляторам-роботам. Иж — красный слог в именах гигантов индустриальной Удмуртии: «Ижнефть», «Ижсталь», «Ижмаш», а еще «Иж» — мотоцикл, «Иж» — «Москвич», автомобиль...

В далеком, очень далеком, хоть и незабываемом прошлом удмурты бедовали на выпаханных полях, зажатых лесами. Большая жизнь звенела мимо кандалами на известном сибирском тракте, что пролегал за Балезином. Здесь тянулась все та же печальной памяти Владимирка. Традицией удмуртских деревень было выходить к «партиям» с горячими картошками на лопухах и серым душистым калачом. Кто знает, может быть, и эти встречи-проводы сыграли свою роль: бунт удмуртов в 1917 году был такой взрывной силы, что уже 9 ноября в Ижевске, а следом и по всем уездам установили Советскую власть. Историческая память народа веками хранила факты участия удмуртов в крестьянских войнах, которые вели против царизма Разин и Пугачев. В далекие годы гражданской войны удмуртов сбили в красные отряды вожаки-земляки Наговицын, Прокопьев, Петухов...

А Иж-река бежала себе и бежала, петляя, будто играла, между знакомых берегов. И расступались темные замшелые леса, открывая свету рассветов бесчисленные деревеньки.

Балезино, что на сибирском тракте, стоит-старится и по сию пору. Но есть рядом и новое Балезино — райцентр, отстроенный совсем недавно. На границе поселка за железнодорожным переездом — кварталы центральной усадьбы знаменитого в республике колхоза имени Мичурина. Его вот уже почти три десятилетия возглавляет Герой Социалистического Труда Закир Шамирович Хасанов. Председатель краток: все отрасли рентабельные, семь специалистов с высшим образованием. Фляг на ферме нет, а есть молокопровод; а в селе не колодцы, но колонки водопровода. Газ баллонный. И электричество теперь не только в мастерских да на фермах, но и в домах. И если есть в колхозе новая прекрасная школа, то надо подчеркнуть, что построили ее после известного постановления партии и правительства о дальнейшем развитии Нечерноземной зоны РСФСР. И если есть медицинское обслуживание, если успехи санитарии и гигиены вошли в плоть жизни, в быт населения, то и это плоды настойчивой социализации удмуртской деревни.

Вот что сказал председатель Хасанов:

— Перемены видят те, кто здесь родился и живет. Перемены возможны стали потому, что республика живет жизнью всей страны. Я помню удмуртскую деревню тридцать третьего года. Я хорошо вижу перемены — к лучшему. Два года назад из семи плохоньких деревень оставили три, теперь заново обустроенных. Шочок — последняя ликвидированная деревня колхоза. Новоселы заняли каменные просторные коттеджи в поселке Такапи.

Есть одна величина, которую можно назвать постоянной. Это — поле. Поле удмуртов, старых мастеров по выращиванию ржи, льна, картофеля... Двенадцать лет в колхозе имени Мичурина работает главным агрономом Валентина Ивановна Ушакова, она и добилась за это время ощутимого повышения плодородия местных полей. В ее агрокабинете много образцов колосовых, корнеплодов, льна. Но здесь Валентина Ивановна не произнесла ни слова. Разговорилась она только тогда, когда мы вымчали на ее «Жигулях» в поле. Лен, тихо позванивая головками-погремушками, стоял в снопах. Лен, такой лен — гордость агронома.

Известно, жизнь прожить — не поле перейти. Да, конечно, поле перейти не велик труд. Но такие люди, как Валентина Ивановна, знают, что иной раз вся жизнь — в поле, вот в этом квадрате тяжелого суглинка, вчера еще числившегося в малоплодородных. А сегодня? Сегодня поля Ушаковой рожают с силой кубанского гектара. Судите сами, гектар льна дает тысячу сто рублей. Каждый гектар!

А урожайность зерновых на полях Ушаковой поднялась почти втрое! В седьмой пятилетке она составила менее 9 центнеров с гектара, а вот в 1977—1980 годы повысилась с 22 центнеров до 24. То есть урожай теперь здесь не только достаточно высокий, но — что и было целью молодого специалиста — устойчивый, постоянно высокий. И себестоимость зерна здесь вдвое ниже, чем в среднем по району. А ведь владения Ушаковой — на севере Удмуртии.

Валентина Ивановна сама из Ярского района, она сызмальства выполняла все полевые работы: полола, жала, молотила, сгребала сено, управлялась с лошадьми. Поле всегда заставляло ее сердце биться сильнее, хотя часто было ей жалко поле с бедной блеклой рожью... И рискнула она поехать в Ижевск, где только-только объявили первый набор на агрофак нового сельскохозяйственного института. Читать, учиться, более того, внимать ученым, старикам бригадирам, людям, неравнодушным к судьбам растений, — таков очевидный талант девушки из дальней холодной удмуртской деревни. Терпение и знания молодого агронома обернулись урожаями, растущим общим благосостоянием колхоза. А она снова училась, снова требовала забот о поле: по ее приказам вносили известь, спускали воду с переувлажненных участков, засевали поле клевером, а клеверище тщательно распахивали, разделывали, тратились на семена лучших сортов и репродукций, тратились на новые машины, повышали оплату

Плодотворно содружество председателя колхоза Героя Социалистического Труда З. Ш. Хасанова и главного агронома В. И. Ушаковой.

УДМУРТИИ

труда механизаторам честным и умелым.

Сегодня В. И. Ушакова из балезинского колхоза имени Мичурина — кавалер орденов Ленина и Трудового Красного Знамени, она заслуженный агроном Удмуртской АССР. Перейти поле, бездумно перейти ничего не стоит. Но перейти, чтобы увидеть его, каждый комочек пестуемой пашни, чтобы услышать голоса всходов, поземки, корней, жаждущих пищи ли, воды ли, — значит отдать ему, полю, жизнь до последнего дня, отдать и будни и праздники, отдать и быстролетные весны, и долгие зимы, и бессонные месяцы страды. Не случайно про агронома Ушакову комбайнер Николай Урасиков сказал: «Наш финансист». От земли, от зрелости агронома все прибыли колхоза и заработки людей.

— Осень — единственный судья земледельца, — говорит Валентина Ивановна.— И лучший заступник агронома...

Когда Валентине Ивановне докучают инструктажами, настойчивым напоминанием о сроках сева и уборки, она не уклоняется от спора, но все же спешит уйти от словесных баталий в поля за медленной зеленоватой Чепцой, где разлилась небесная голубизна льна. Поле отвечает ей, благодарной дочери земли, охотно и бесхитростно на все ее вопросы. Поле никогда не обманет. Оттого-то и доверяет ему Ушакова, подошедшая так близко к разгадке тайны плодородия.

●

Новый квартал Ижевска.

На реке Чепце...

Одна из деревень колхоза имени Мичурина.

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ДНИ

Х. ГОЙТИСОЛО

Поздним июльским вечером самолет из Мадрида приземлился в аэропорту «Шереметьево». И хотя это было мое четвертое посещение столицы, я не узнал ее.

Громадный город преобразился: повеселел, повсюду флаги, воздух наполнен музыкой. Отовсюду слышны гимны, пасодобли, узбекские и вьетнамские мелодии, кубинские болеро, ритмы из Анголы и Мозамбика, русские хоры. А какое множество девушек-гидов! Похоже, что к моему приезду в Москве посадили еще несколько миллионов деревьев и цветов, хотя этот город мне всегда казался цветущим садом. Цветов столько, что их, пожалуй, нет только в супе. Позолоченные купола блестят еще ярче.

Большой театр и сотни исторических зданий и музеев обновлены заботливыми руками. Красная площадь еще прекрасней, чем всегда, она как мак среди пшеничного поля.

Москвичи показывают своим гостям помолодевший город, как молодожены показывают друзьям свою новую квартиру.

В день открытия Олимпиады весь город был похож на олимпийский факел — светящийся, переливающийся от огня и движения. Новые бары и рестораны. Не знаю только, откуда эти слухи, будто кто-то в Москве не мог, дескать, выпить ни глотка спиртного, а затем по возвращении в свою так называемую «свободную» Европу или в США рассказывал обо всех этих и прочих «варварствах».

Гостеприимство москвичей стало еще теплее, они везде готовы броситься к вам на помощь. Повсюду улыбки, приветствия, объятия. А телефоны просто с ума сошли от любви и разговаривают на всех языках земного шара. Съедаются тонны мороженого, льются тысячи тостов за дружбу между народами.

Олимпийские игры — это не только каскад рекордов и спортивных достижений, лавина эмоций и душевных потрясений, это еще и повод для размышления, повод для осмысления пути, пройденного человеком в стремлении к духовному и физическому совершенству. На заре человеческой истории бег, прыжки, плавание, метание были органическим проявлением человеческой силы. Но время шло, история проходила этапы урбанизации, меняла человека, он постепенно терял способности, нужные ему для борьбы с природой. Постепенно функции сохранения физического развития стали принимать на себя своего рода атлетические празднества — Олимпиады, на которых состязались в ловкости и силе, в быстроте и выносливости, — так зарождался спорт. Но эти праздники и турниры античных времен были особыми. Уже в самом начале своего возникновения в них принимало участие не все население, а избранные. Простой народ оставался пассивным созерцателем подвигов знати, аристократии.

Наблюдая сейчас состязания атлетов из различных стран, народы которых еще недавно жили в рабстве, нищете, я думаю, что история никогда не движется вспять. Пусть не так быстро, как бы нам хотелось, но мир все же прогрессирует, особенно последние сто лет. Если при рождении и на долгие годы спорт оставался уделом элитарных классов, то сегодня смело можно сказать, что спорт завоевывает континенты. С каждым разом все больше участников на Олимпиаде, и число это будет возрастать.

⁂

Международный конгресс на тему «Женщина и спорт», прошедший в Риме, собрал выдающихся, всемирно известных специалистов из многих стран, представителей различных течений, школ и идеологий. На конгрессе много говорилось о том, что женщина затрачивает меньше энергии, организм женщины обеспечивает максимальный теплообмен и намного лучше, чем у мужчин, самовосполняет свои энергетические ресурсы. Более того, нет ни одного научного подтверждения женской слабости и физической неполноценности.

Сегодня я хочу коснуться лишь одного беспрецедентного факта в истории женской легкой атлетики.

Женщина — мать семейства, одна из многих матерей. Я имею в виду Татьяну Казанкину, которая четыре года тому назад, будучи еще не замужем, стала чемпионкой в Монреале на дистанциях 800 и 1500 метров. А сейчас, уже имея маленького ребенка, установив новый олимпийский рекорд на дистанции 1500 м, вновь поднялась на верхнюю ступеньку пьедестала. И это в 29 лет!

Татьяна — маленькая, худенькая, быстроглазая. Окончив дистанцию, разговаривает с тренером так же быстро и темпераментно, как и бегает. И если я выбрал эту женщину среди прочих других спортсменок, которые добивались успехов, завидных и для мужчин, то только потому, что мама Таня, демонстрируя победу над хронометром, показывает результаты, посильные не только юным, таким, как элегантнейшая румынка Н. Команечи, очаровательная Н. Ким, гимнастки из ГДР, ошеломившая меня кубинка М. Колон.

⁂

По прошествии многих дней наиболее ярко мне вспоминаются церемония открытия и закрытия Олимпиады. Еще и сейчас живет во мне восторг перед великолепным красочным зрелищем, которое предстало на стадионе имени В. И. Ленина в день открытия. Парад многочисленных делегаций — каждая со своим национальным флагом — торжественно проходил перед трибунами. К сожалению, некоторые делегации по абсурдному запрету своего правительства были лишены возможности нести флаг своей страны. Все участники парада нарядно одеты: ослепительно белые костюмы и алые береты у кубинцев, испанцы в костюмах серого цвета, элегантного, сдержанного тона костюмы у советской делегации, живописные экзотические наряды азиатских и африканских стран. И хотя мне было грустно видеть испанскую делегацию, идущую без своего национального флага, меня порадовал тот маленький лоскутик с национальными цветами, помещенный в центре национального флага Олимпийского национального комитета Испании.

Тут на всех хватило аплодисментов. Издалека слышится мне речь Килланина. Вот Л. И. Брежнев провозглашает открытие Олимпиады, тысячи и тысячи голубей, воздушных шаров, взлетевших в воздух. Неожиданно появились дети — олимпийские мишки, они выбежали гурьбой из картонных домиков и заполнили все поле.

Греческие квадриги, запряженные лошадьми, и восседавшие в них прекрасные женщины, одетые, как богини, и неподвижные, как греческие статуи.

Национальные танцы всех пятнадцати республик страны. Невиданные по красоте и безукоризненности выступления гимнастов.

Торжествен был путь факелоносца, взошедшего по неожиданно выросшей над трибуной лесенке, он устремился туда, где должен зажечь главный олимпийский огонь, который будет гореть все дни Олимпиады.

Церемония закрытия Олимпиады была более сдержанной и в то же время грустной. Грустной потому, что Олимпиада закончилась, веселой потому, что прошла без инцидентов. Единственной попыткой испортить праздник было абсурдное решение США не поднимать флаг страны предстоящей Олимпиады. Его заменили флагом Лос-Анджелеса, города XXIII Олимпиады. Это, повторяю, вызывает во мне горькие чувства. Грустно думать о том, что есть правительства, спекулирующие на спорте, которые смешивают спорт с политикой. К счастью, это не коснулось участников более чем 80 стран, приехавших на Олимпиаду. Но достоин сожаления тот факт, что внезапные, необдуманные, я бы сказал, неразумные решения президента одной страны могут привести к трениям в такой далекой от политики области, как Олимпиада.

Помимо этих двух церемоний, я вспоминаю с особым волнением о бурной овации на стадионе имени В. И. Ленина, на финише труднейшего марафонского забега на 42 километра 195 метров. И вот объявили, что бегуны приближаются к стадиону. Публика скандирует, неистовствует. Я еще не могу различить победителя: как его имя, кто он? Вот он уже виден, это В. Черпински из ГДР, позади голландец Г. Нэйбур; кричат мне имя третьего — это советский спортсмен С. Джуманазаров, а меня уносят воспоминания в древние Афины, откуда и начал свою историю марафон. Воодушевленные победой над персами, афиняне посылают гонца по имени Филиппидес в Афины, с тем чтобы он сообщил радостную весть. Сбросив с себя доспехи, воин побежал в столицу и, преодолев 42 километра от Марафона, места победы, умер в изнеможении. В память его и честь стали устраивать в Олимпии марафонские состязания, но современные бегуны на дистанции не умирают, они прекрасно подготовлены к трудной борьбе.

Перевод с испанского

Поправшие смерть

«Каждый год, в канун праздника Победы, мысли наши обращаются к прошлому, к Великой Отечественной войне, — пишет Борис Гусев в одном из своих очерков. — Мы вновь и вновь осмысливаем пережитое...»

Писатель и журналист, Гусев сделал военно-патриотическую тему, поиск неизвестных героев, главной в своем творчестве. Это благодаря ему читатели «Известий» и ряда других периодических изданий ознакомились с мало-, а то и просто неизвестными страницами минувшей войны, узнали имена, извлеченные из небытия.

Верен писатель избранной теме и в своей новой книжке — «Дороже золота». О ком и о чем бы он ни писал, память его постоянно уводит в минувшее — на занесенные снегом, холодные и голодные улицы блокадного Ленинграда, когда он, пятнадцатилетний подросток, вместе со своими сверстниками «жили одним общим настроением со взрослыми — выстоять, выжить». Невозможно равнодушно читать такие очерки, как «Нежданный гость», «Комната ленинградца», «Кольцо нашей юности» — документальные свидетельства человеческой стойкости и мужества, нравственной силы и красоты. Со всей силой суровой правды воссоздавая эпизоды героической и трагической поры, когда «все проявлялось в крайних пределах», автор ничего не приукрашивает и не домысливает. Персонажи предстают именно такими, каковы они были в жизни, каждый со своим характером. Запоминается образ безымянного машиниста, нашедшего и возвратившего хозяевам продуктовые карточки, утеря которых означала неизбежную голодную смерть. Столь же пронзителен и рассказ о старой лаборантке Нине Ивановне, о судьбах многих и многих блокадников, чьи реликвии ныне свято хранятся в Музее обороны Ленинграда.

Автор не скрывает и того, что встречались тогда и иные типы — мародеры, наживавшиеся на народной беде, предатели. Однако, говорит писатель, жизнь держалась не на них. Она опиралась на людей высокой нравственной чистоты и мужества. На таких, как Николай Витте, артиллерийский командир, который не мог расходовать «больше четырех снарядов в сутки» (боеприпасов катастрофически не хватало!) и тем не менее смело выходил на дуэль с фашистскими артиллеристами, вызывая огонь на себя ради того, чтобы уменьшить обстрел осажденного Ленинграда. Или Филипп Сапожников, шофер, который на «дороге жизни» отморозил руки, но довел до назначения машину с продуктами, довел, управляя локтями...

«Вспомните же их, беззаветных героев, те, кто благодаря им сохранил жизны!» — восклицает автор. И словно откликаясь на призыв, неутомимо действуют герои его очерков — и девяностолетний краевед, участник трех войн Александр Александрович Суслов, и пятнадцатилетняя школьница Наташа Орлова, доброта и патриотическое чувство которой вызвали к жизни движение пионеров «Поиск» — «Никто не забыт, ничто не забыто».

«Закон жизни неумолим, — пишет очеркист. — Редеют ряды ветеранов, и уже не так лихо и весело звучат тосты и речи на традиционных встречах однополчан в праздник Победы — 9 Мая; каждый год кого-то уносит». И потому с каждым годом становятся все дороже документальные свидетельства подвига народа. Среди них достойное место занимают и очерки Бориса Гусева.

Иван ИСАЕВ

Борис ГУСЕВ. Дороже золота. М., изд-во «Известия», 1980, 112 с.

Борис РЯБИКИН

ДОСТИЖЕНИЕ

Номер акробата Николая Самохина вызывал всеобщее восхищение.

— Совсем молодой еще, а добился такого...

Самохину завидовали сестры Кротовы на проволоке и братья Алляринские на батуте.

Ковёрный Плутоний только качал головой. За полвека цирковой деятельности он не мог припомнить ничего подобного. Кажется, у Дурова однажды... Нет, ни у кого из Дуровых, ни у Виталия Лазаренко такого не было.

Елена Осьминогова, заслуженная артистка, снимавшая отдельную квартиру и еще не видавшая номера Самохина, улыбалась и говорила ласково, по-матерински:

— Да, Колюня далеко пойдет.

После представления мы ужинали в ресторане гостиницы.

— Друг ты мне или нет? Скажи, как это тебе удалось?

Самохин отшучивался, переводил разговор на другую тему. Только после третьей бутылки боржоми мне удалось вызвать его на откровенность.

— Ладно, скажу. Но — никому. Ни-ни!

— Могила!

Колюня посмотрел на меня незамутненным голубым взором, перед которым не могла устоять ни одна продавщица. Медленно отпил пузырившуюся влагу...

— Дядя помог.

— Дядя?!

— Ну да. Мой родной дядя. Он директор этой гостиницы. Дал мне из брони.

Кало УГРИК

ОТКРЫТКА

Секретарь директора влетела ко мне в кабинет, едва переводя дыхание. В изнеможении она бросилась в кресло. Ее всю трясло. С минуту она не могла вымолвить ни слова.

Наученный множеством просмотренных фильмов с аналогичными ситуациями, я подал ей стакан воды:

— Выпейте, вам станет легче.

В отличие от героинь экрана секретарь отказалась от воды и протянула мне открытку. Я рассмотрел ее. На ней обычная фотография обычного города. Я вопросительно поднял глаза на возбужденную девушку.

— Читайте на обороте, — процедила она сквозь зубы.

На оборотной стороне открытки были совсем обычные слова: «На новой работе часто вспоминаю старых коллег».

Но подпись! Я сразу же узнал ее. Энергично перечеркнутая косой линией волнистая подпись. Это, бесспорно, автограф нашего директора!

— Что за шутки?

И тут до меня дошло. Если наш шеф пишет с новой работы, то он уже не наш шеф.

— Разве он ушел? Когда? — спросил я секретаря.

Та безнадежно пожала плечами. Она уже осмотрела весь его кабинет. Директора нигде не было. Заглянула даже под стол и в шкаф. Никого! Единственная информация о пропаже — на перекидном календаре значилось число трехмесячной давности.

— Так это, значит... мы уже три месяца без директора? И никто этого не заметил! — воскликнул я и укоризненно посмотрел на нее.

— А как я могла это установить? — ответила она с явной обидой в голосе. — На совещания, разные активы, собрания, как всегда, я посылала его заместителей. А что еще?

Я ей посочувствовал. Через минуту мы с ней заключили сепаратный договор о том, что эту тайну будем хранить как можно дольше. Дела идут полным ходом. Успехи налицо. А там кто знает, кого пришлют? Могут прислать такого типа, что будет вмешиваться в работу...

Открытку мы сожгли над пепельницей и пепел выбросили. Секретарь, явно успокоившаяся, вышла из моего кабинета, чтобы продолжать свою нелегкую службу.

Перевел со словацкого В. ОБУХОВ.

Первый сувенир.

Получил повышение.

— Так вот куда девается паста.

Рисунки Ю. Черепанова

ПАМЯТНИК ВЕЛИКОМУ АКТЕРУ

Бронзовое изваяние Михаила Семеновича Щепкина поднялось на гранитном постаменте во дворе старейшего театрального училища России, носящего его имя. Крепостной крестьянин, ставший одним из величайших русских актеров, Щепкин был, по выражению Герцена, «артист по призванию и по труду. Он создал правду на русской сцене, он первый стал нетеатрален на театре...»

Сорок лет прослужил Михаил Семенович Щепкин на московских подмостках. Тридцать девять из них он отдал Малому театру. На открытии памятника старейшие актеры театра Е. Гоголева, М. Царев, Н. Анненков говорили об удивительном таланте великого артиста, о его гражданской непримиримости и преданности делу искусства.

Л. СЕМЕНОВА
Фото С. Петрухина

ЛУЧШИЙ УНИВЕРСАМ СТРАНЫ

Он находится не в центре Москвы, не на улице Горького и не на проспекте Калинина, а, можно сказать, на самом краю столицы — до ближайшей станции метро шесть троллейбусных остановок. И все же именно этот гастроном-универсам — называется он «Ленинград» — завоевал первое место в соревновании многих тысяч торговых предприятий страны: по итогам первого полугодия ему присуждено переходящее Красное знамя Министерства торговли СССР и ЦК профсоюза работников торговли и потребительской кооперации уже шестой раз.

Показатели? Вот они: перевыполнен план по товарообороту, прибыли, рентабельности. За 12 лет существования универсама товарооборот вырос почти втрое, а число контролеров и работников не только не увеличилось, но стало меньше на пять человек, следовательно, нагрузка на каждого возросла в три раза, но за счет применения техники. При этом магазин не имеет нареканий и жалоб. А этот показатель не менее важен, чем экономические.

В «Ленинграде» восемь отделов, первое место среди них и почетная грамота — у отдела заказов, пользующегося большой популярностью у москвичей. Тут работает бригада коммунистического труда. Отдел имеет свои филиалы на фабрике имени Петра Алексеева, в институте «Гидропроект» и других местах. Отдел применяет самые прогрессивные формы торговли, в том числе авансовое обслуживание, очень понравившееся покупателям. Вот что рассказывает постоянный клиент отдела заказов А. А. Герасимов: «Семья у нас пять человек. Я вношу в кассу аванс — 100 рублей и целый месяц не имею никаких ни забот, ни хлопот. Получаю какие требуются продукты, кроме, разумеется, хлеба и овощей,— этих отделов нет в гастрономе. Очень удобная форма, экономия сил и времени. Ею пользуются все наши соседи и знакомые...» По авансу обслуживаются многодетные матери, студенты (особенно иногородние: родители переводят деньги прямо в магазин). Инвалидам Отечественной войны и труда I и II групп продукты доставляются на дом без дополнительной платы за предоставление услуг и транспортные расходы. Эти издержки гастроном взял на себя.

Секретами передовых методов торговли универсам «Ленинград» щедро делится с другими гастрономами, однако первенства уступать не собирается: пятилетний план по всем показателям — к 15 декабря! Такое у коллектива обязательство в честь XXVI съезда КПСС.

Г. ВЛАДИМИРОВА

У Инны Старостиной и Аллы Николаевой покупатели бывают и такие.
Фото Г. Копосова

КРОССВОРД

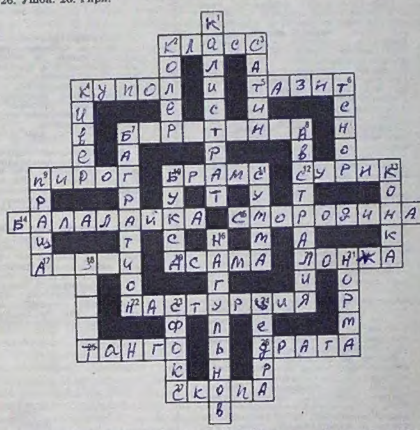
По горизонтали: 2. Школьное помещение для уроков. 4. Свод. крыша в виде полушария. 5. Неоконченная поэма А. С. Пушкина. 7. Металлорежущий инструмент на токарных и расточных станках. 9. Хлебное изделие с начинкой. 10. Немецкий композитор, пианист и дирижер XIX века. 12. Минеральная краска. 14. Струнный музыкальный инструмент. 15. Ягода. 17. Курорт в Армении. 19. Действующий вулкан в Японии. 20. Страховая веревка при исполнении акробатом сложных трюков. 22. Садовый цветок. 25. Бальный танец. 26. Плавучее горно-обогатительное сооружение. 27. Хищная птица.

По вертикали: 1. Стихотворение Н. А. Некрасова. 2. Цвет, окраска. 3. Действующее лицо пьесы М. Горького «На дне». 4. Старинный военный головной убор. 6. Высокий мужской голос. 7. Полководец, герой Отечественной войны 1812 года. 8. Материк. 9. Древнее метательное оружие. 10. Металлическая коробка с подшипником, передающим нагрузку вагона, локомотива на ось колеса. 11. Результат сложения. 13. Вид городского транспорта в прошлом. 16. Один из героев романа М. А. Шолохова «Поднятая целина». 18. Хлопчатобумажная ткань. 21. Опера В. Беллини. 23. Порт в Тунисе. 24. Высушенные корки апельсина, лимона, пряность.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 41

По горизонтали: 2. Волгоград. 4. Катет. 6. Шпала. 8. «Олеся». 10. Интерпретация. 11. Рокировка. 14. Бальзамин. 17. Гичка. 18. Аристофан. 20. Семантика. 22. Станиславский. 25. Спурт. 27. Наган. 29. Апорт. 30. Акватория.

По вертикали: 1. Достопримечательность. 2. Вега. 3. Доде. 4. Кадр. 5. Торт. 7. Панно. 9. Стиль. 11. Рифма. 12. Робот. 13. Аргон. 14. Брасс. 15. Затон. 16. Нерпа. 19. Остап. 21. Афиша. 23. Инта. 24. Винт. 26. Ушба. 28. Гири.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Сдачей хлопка в счет одиннадцатой пятилетки встречают XXVI съезд КПСС хлопкоробы колхоза имени Карла Маркса, Букинского района, Ташкентской области.

Фото Г. Пуна (ТАСС)

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Осень.

Фото В. Матвеева
(Москва. На фотоконкурс).

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

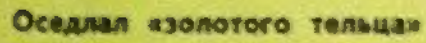
Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 26.09.80. Подписано к печати 14.10.80. А 00433. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 780 000 экз. Изд. № 2508. Заказ № 3005.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

Заокеанская карусель

Оседлал «золотого тельца»

Нефтяной стервятник кружит...

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

JSSN 0131—0097
Цена номера 35 коп.
Индекс 70663